

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский государственный университет путей сообщения»

На правах рукописи

ДРОФА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА

ФУНКЦИИ ЯЗЫКА В КУЛЬТУРЕ ТРАНЗИТИВНОГО ПЕРИОДА

Специальность 09.00.13 –
философская антропология, философия культуры

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата
философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук, профессор
Мартишина Наталья Ивановна

Новосибирск – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. Становление концепции социокультурного функционирования языка	12
§ 1. Классическая философия о функциях языка.....	12
§ 2. Неклассическая философия о функциях языка	35
§ 3. Функции языка как система.....	55
ГЛАВА II. Транзитивность культуры и транзитивность языка	85
§ 1. Понятие и характеристики транзитивного периода в развитии культуры	85
§ 2. Языковые корреляты транзитивных процессов	105
§ 3. Трансформации системы функций языка в современной культуре.....	128
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	152
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	156

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется огромной ролью, которую язык играет в культуре. Все основные формы культурной деятельности не могут реализовываться иначе, как в языковой среде; язык – необходимый инструмент сохранения и передачи от поколения к поколению культурных традиций, норм, ценностей; социализация человека, его формирование в качестве представителя определённой культуры также невозможна без языка. В силу этого язык является традиционным объектом исследований в философии культуры; но устанавливаемые в её рамках закономерности взаимосвязи языка и культуры требуют наполнения конкретным содержанием. Философское осмысление функционирования языка в культуре предполагает обращение к способам проявления общих закономерностей в контексте динамики реальных культур. Исследование процессов, протекающих в языке, с позиций философии культуры вновь обретает актуальность на каждом существенно новом витке развития культуры. В изменениях языка отражается дух культуры, интенции ее развития, поэтому философское осмысление языковых процессов представляется одним из перспективных способов изучения текущего состояния культуры. Опыт реализации такого подхода может оказаться также полезным для разработки теоретического инструментария философских исследований культуры, а потребность в обновлении методологического арсенала философии культуры существует.

Актуальность темы исследования в практическом аспекте обусловлена тем обстоятельством, что современная российская культура оказалась в затянувшемся состоянии транзитивности. Фактически в настоящее время она находится между двумя различными фазами социального развития, сохраняя существенные черты прежней эпохи и осваивая опыт бытия в иных социокультурных реалиях. Нормы и ценности различных культурных эпох, переплетаясь между собой, образуют своеобразное единство, которое на

какое-то время становится самостоятельной формой существования культуры, требующей философского осмысления в этом качестве. Одним из способов этого является изучение функций языка данной культуры. На фоне состояния транзитивности, вошедшей в фазу «новой устойчивости», происходит ряд изменений в современном русском языке. Сами по себе они, безусловно, заслуживают внимательного анализа именно в своем актуальном состоянии. Но задача философского исследования состоит не только в том, чтобы отметить те тенденции в развитии языка, которые вызывают беспокойство. С точки зрения философско-культурологического рассмотрения языковые трансформации маркируют тенденции в развитии культуры и могут служить средством осмысления последних.

Языковые процессы, с одной стороны, являются следствием фундаментальных социально-культурных сдвигов, которые переживает современное российское общество, а с другой – закрепляют и усиливают тенденции эпохи транзита. Поэтому изучение изменений, которые претерпевают функции языка в транзитивной культуре, должно носить комплексный и системный характер, т.е. быть осуществлено средствами не только конкретных наук (прежде всего лингвистики), но и в более широком контексте философии культуры. Понимание тенденций языковых изменений призвано способствовать не только осмыслению сущности и причин затягивающегося пребывания современной российской культуры в фазе транзитивности, но и формированию представлений о путях преодоления этого состояния.

Степень разработанности проблемы. Представляется возможным выделить несколько основных направлений исследований, сопряженных с ключевой проблемой данной работы.

Язык как часть культуры и фактор ее развития является традиционным объектом философского осмысления. В классической философии ему посвящены работы Аристотеля, Дж. Беркли, Ф. Бэкона, Д. Вико, И.Г. Гамана, Г.В.Ф. Гегеля, И. Гердера, Т. Гоббса, В. фон Гумбольдта, Р. Декарта,

Демокрита, Диодора Сицилийского, И. Канта, Г.В. Лейбница, Дж. Локка, К. Маркса, Платона, А.А. Потебни, Ж.-Ж. Руссо, Сократа, А. Тренделенбурга, Л. Фейербаха, И.Г. Фихте и др. В неклассической – работы Т. Адорно, К. Баха, а, Н.А. Бердяева, А.А. Богданова, Ж. Бодрийяра, К. Бюлера, Д. Вандервекена, Дж. Вершурена, Л. Витгенштейна, Х.Г. Гадамера, Э. Гуссерля, Ги Дебора, Ж. Деррида, С. Г. Кара-Мурзы, Э. Кассирера, П. Коуля, У. Куайна, Р. Л. Ланигана, А.Ф. Лосева, А. Мартине, Д. Мура, Ф. Ницше, Й. Олвуда, Дж. Остина, Б. Рассела, П. Рикёра, Э. Сепира, Дж. Сёрля, В.С. Соловьева, Ф.Д. Соссюра, П.Ф. Стросона, И.П. Сулова, Э. Р. Сэдока, А. Уайтхеда, Б.Л. Уорфа, П.А. Флоренского, Г. Франке, Р. Харниша, М. Хоркгеймера, М. Шлика, Г.Г. Шпета, Р. О. Якобсона и др. В современной отечественной традиции проблемы социокультурного функционирования языка представлены в работах Н. Д. Арутюновой, Н. И. Безлепкина, Г. Б. Гутнера, О.А. Донских, И.Т. Касавина, М. С. Козловой, М. В. Лебедева, Б. В. Маркова, Н. И. Мартишиной, Л. А. Микешинной, Л. К. Нефедовой, В.Ф. Шаповалова и др. В классической и неклассической философии языка определены сущность языка, его положение как «ядра культуры», роль, которую играет язык в социокультурных процессах. При этом философская традиция ещё не акцентировала внимание на особенностях функционирования языка в периоды социокультурных преобразований и конкретно – в транзитивных фазах культуры.

Исследованиям переходных состояний общества посвящены работы Д. Вико, Г.В.Ф. Гегеля, И.Г. Гердера, Гесиода, Ж.А. де Гобино, Н.Я. Данилевского, И. Канта, Ж.А. Кондорсе, Н. Макиавелли, К. Маркса, Х. Ортега-и-Гассета, Г. Риккерта и И. Фихте. Исследования же конкретно транзитивного периода представлены в работах В.Б. Агранович, Д. Белла, П. Бергера, Дж. Бернема, Ж. Бодрийяра, А. Н. Данилова, Т. Лукмана, Е. Масуды, П. А. Сорокина, А. Дж. Тойнби, О. Тоффлера, Е.А. Тюгашева, М. Г. Федотовой, А.Д. Шопенко, О. Шпенглера и др. В этих работах выявлена проблематика транзитивности, отмечен ряд характеристик транзитивного

состояния общества. Но в них, как правило, не акцентируются изменения, происходящие в языке, последние не рассматриваются в качестве познавательных средств, позволяющих обнаруживать тенденции в развитии культуры. Кроме того, большинство работ по транзитивному периоду ориентированы на анализ прежде всего *социальной* структуры и её динамики и не рассматривают транзитивность как специфическое состояние *культуры*, что также оставляет пространство для расширения исследований в данном направлении.

Функциям языка посвящены специальные работы В. А. Аврорина, Э. Берна, А. Брудного, К. Бюллера, В. Дресслера, В.Г. Костомарова, К. Норда, Е. И. Пассова, А. А. Реформатского, Е.Н. Рядчиковой, А.В. Соколова, Г.Я. Солганика, У. Стюарта, Ч. Фергюсона, М. Холлидея и Р. О. Якобсона. Таким образом, накоплен уже значительный материал в отношении спектра выделяемых функций языка и содержания каждой конкретной функции. Но, на наш взгляд, сама обширность этого материала создает определённые методологические трудности: в литературе быстро растёт количество выделенных и описанных функций языка, содержание отдельных функций в различных перечнях часто раскрывается по-разному, сами наборы выделяемых функций не совпадают между собой, а формирование их содержания списочным способом постоянно оставляет открытой возможность добавить или убрать ещё какие-то функции. Кроме того, крайне редко рассматривается изменение содержательного наполнения функций в динамике культурной ситуации. В результате потребности развития философии культуры требуют, на наш взгляд, обоснования выбора классификации функций языка, ориентированной именно на культурологические (а не лингвистические или иные) задачи.

В настоящее время тенденции в развитии русского языка, возникающие в его динамике проблемы активно исследуются в лингвистике и других конкретных науках, в частности, в работах Л. К. Граудиной, В. З. Демьянкова, Р. П. Дронсейка, И.Э. Клюканова, М. Кронгауза, Н.А. Купиной,

М. Н. Никоновой, Ю. Шатина, А.В. Федорова и др. Кроме того, в силу остроты данных проблем, они часто затрагиваются в прикладных исследованиях – таких, как работы Л. Бородитски, П. Вайля, А. Гениса, М.Л. Давыдовой, Л. С. Докучаева, М. Р. Желтухиной, Н. И. Клушиной, Н.Ю. Филимоновой, Ю. Н. Шаталовой – и в публицистике, где также фиксируются отдельные тенденции в развитии современного русского языка, осуществляются эмпирические наблюдения. Требуется теоретическое осмысление этого эмпирического материала.

Проблема исследования формулируется на основе сказанного и может быть представлена в виде вопросов: как меняются функции языка в транзитивной культуре? Как эти изменения обусловлены более общими социокультурными процессами и каково их обратное влияние на эти процессы?

Цель данной работы состоит в выявлении, описании и оценке наиболее существенных тенденций изменения функций языка в транзитивной культуре.

Для реализации поставленной цели в диссертации необходимо было решить следующие **задачи исследования**:

- определить базовые представления о роли языка в культуре в рамках классической и неклассической философии;
- дать анализ существующих классификаций функций языка и найти возможность их систематизации;
- уточнить представления о содержании транзитивных периодов в развитии культуры;
- показать связь между социокультурными и языковыми процессами в транзитивной культуре;
- выявить изменение каждой из ключевых функций языка в транзитивной культуре и определить общие тенденции происходящих изменений.

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретической основой исследования являются идеи неклассической философии и теоретической лингвистики об активной роли языка в процессе мышления и деятельности, о многообразии функций языка в культуре.

Методологической основой работы выступает системный подход, в рамках которого рассматривается взаимодействие, во-первых, между различными уровнями процессов, протекающих в культуре как системе, во-вторых, взаимодействие между собственно языковыми процессами. Поскольку язык и культура рассматривались в развитии, обусловленном многоуровневой системой возникающих и разрешающихся противоречий, диссертация основывалась на диалектической методологии. Для изучения функций языка были использованы элементы структурно-функционального анализа, а для выявления смысловых акцентировок рассматриваемых в работе языковых выражений – элементы герменевтического анализа. В работе также применялись такие общенаучные методы, как эмпирическое наблюдение и обобщение, классификация, анализ и синтез.

Основные результаты диссертационного исследования, определившие его научную новизну, состоят в следующем:

1. Систематизированы представления классической и неклассической философии о языке как «ядре культуры», показано изменение статуса данной идеи при переходе от классической к неклассической философии.

2. Для исследования функций языка предложен классификационный принцип на основе их разделения на репрезентативные и конструирующие. В первую группу включаются функции, отражающие выражение в языке различных, но при этом уже существующих реалий (хранение информации, передача информации, выражение эмоций и оценок), а вторая группа функций связана с созданием посредством языка того, чего не было, вызыванием изменений в адресате сообщения и в реальности.

3. Уточнены определения понятий «транзитивная культура» и «конструктивная функция языка». Транзитивная культура – это социальная

система, имеющая переходный характер, возникающая при относительной стабилизации общества в состоянии взаимного наложения затягивающихся переходных процессов. Конструктивная функция языка – это создание языковыми средствами имманентных структур организации индивидуального мышления, общественного сознания, национальной культуры.

4. Выявлена корреляция между социокультурными (усиление внешних культурных влияний, дроблением социума на локальные сообщества, перемешивание традиционно разделявшихся социальных групп, конкуренция между социальными субъектами, соскальзывание культуры к архаичным формам в поисках идентичности) и языковыми (избыточное заимствование иноязычной лексики; монополизация некоторых языковых средств локальными сообществами; взаимопроникновение специфических языковых практик; усиление манипулятивного использования языка; ремифологизация языка) процессами в транзитивной культуре.

5. Показано, что основной тенденцией трансформации функций языка в транзитивной культуре является перераспределение значимости между блоками репрезентативных и конструирующих функций.

Положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Становление идеи активной роли языка в осмыслении культурной реальности, получившей наибольшее развитие в неклассической философии, можно проследить также на всем протяжении развития классической философии языка.

2. В контексте нашей темы функции языка могут быть разделены на две основные группы – репрезентирующую и конструирующую. Основными функциями первой группы являются номинативная, коммуникативная, эмоционально-экспрессивная, метаязыковая и познавательная функции. Ко второй группе принадлежат фатическая, регулятивная, аксиологическая, эстетическая, мыслеформирующая, омадательная функции и подгруппа социальных функций языка.

3. Транзитивная культура – это совокупность форм деятельности, позволяющая сообществу на протяжении относительно длительного исторического времени существовать в состоянии переходности.

4. Конструирующими функциями языка в широком смысле может быть названа вся группа функций, связанных с «вызыванием» к жизни новых социокультурных реалий посредством языка (в противоположность репрезентативным функциям). Конструирующая функция языка в узком смысле (конструктивная функция) – это создание языковыми средствами имманентных структур организации индивидуального мышления, общественного сознания, национальной культуры.

5. Некоторые тенденции в развитии современного русского языка, которые чаще всего оцениваются как отступления от языковых норм, требующие коррекции в рамках просветительской деятельности, на самом деле имеют глубинные основания в динамике транзитивной культуры и при сохранении состояния транзитивности могут превратиться в новые языковые нормы.

Теоретическое значение диссертационного исследования заключается в систематической философско-культурологической рефлексии над процессами, происходящими сегодня в российской культуре и в русском языке. Их последовательный анализ призван, с одной стороны, расширить существующие в философии культуры представления о закономерностях функционирования языка в культуре, с другой – искать возможности для корректировки негативных тенденций.

Практическая значимость. Материалы и выводы исследования могут быть использованы в преподавании курсов философии, культурологии, других социально-гуманитарных дисциплин. Некоторые идеи исследования могут найти применение в практике управления культурными процессами и в деятельности общественных организаций, занимающихся защитой и поддержкой русского языка и словесности.

Апробация исследования

Идеи и результаты исследования были представлены на научных конференциях: XI научно-технической конференции студентов и аспирантов, посвященной 80-летию СГУПСа (СГУПС, Новосибирск, 2012 г.); Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, преподавателей, теоретиков и практиков «II Манякинские чтения: уникальный туристско-рекреационный потенциал «Московско-Сибирский тракт» («Золотое кольцо Прииртышья») как элемент устойчивого развития региона» (РЭУ им. Г.В. Плеханова, Омский институт (филиал), Омск, 2013 г.); научной конференции «Омские областные Рождественские образовательные чтения «Традиционные ценности и современный мир»» (ОмГУПС, Омск, 2013 г.); Всероссийской научной конференции «Реальность. Человек. Культура: трансформация бытия человека в обществе потребления. VI Ореховские чтения» (ОмГПУ, Омск, 2014 г.); Международной научно-практической конференции «Общество и человек в контексте трансформации современной России» (ОмЮА, Омск, 2014 г.), а также на методологических семинарах кафедры философии и культурологии Сибирского государственного университета путей сообщения, кафедры русского и иностранных языков Омского государственного университета путей сообщения.

Структура и объём исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы, включающего 157 наименований. Работа изложена на 169 страницах компьютерной вёрстки.

ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

§ 1. Классическая философия о функциях языка

Будучи учением об отношении человека к миру, философия включает в поле своего рассмотрения все ключевые моменты, определяющие, в чём заключается человеческое бытие и каким образом оно осуществляется. Обращение философии к той или иной тематике в определённом смысле служит индикатором важности той роли, которую играют объекты философского интереса в человеческой жизни и в исторической судьбе человечества (например, выделение философии техники в самостоятельную предметную область произошло, когда роль техники в социальном и индивидуальном бытии стала достаточно существенной). В этом плане интерес философии к языку обусловлен фундаментальной ролью, которую играет язык в становлении и возобновлении бытия человека как культурного существа.

Язык является основанием существования всей духовной культуры человечества. Язык представляет знание о мире. Язык способен отображать мир в сознании человечества. Язык – это способ общения, коммуникативная система, обладающая способностью передавать содержание в форме социального опыта. Язык, являясь универсальным средством общения народа, тем самым объединяет народ во времени, в географическом и социальном пространстве. «Будучи важнейшим средством общения, язык объединяет людей, регулирует их межличностное и социальное взаимодействие, координирует их практическую деятельность, участвует в формировании мировоззренческих систем и национальных образов мира, обеспечивает накопление и хранение информации, в том числе относящейся к истории и историческому опыту народа и личному опыту индивида, расчленяет, классифицирует и закрепляет понятия, формирует сознание и

самосознание человека, служит материалом и формой художественного творчества»¹.

Возможны различные подходы к языку; лингвистические науки чаще всего изучают его с точки зрения внутреннего строения, организации, различных языковых форм в их исторической динамике. Для философии же исходным ракурсом рассмотрения является взгляд на язык с позиций его социального и культурного бытия. Язык как часть культуры предметно может быть изучен через выделение функций, которые он способен выполнять по отношению к человеку, социальной группе, к науке, искусству, другим явлениям социальной действительности.

Под функцией в данном контексте понимается способ действия, способ проявления активности системы, общий тип решаемых этой системой задач. «Функция» в переводе с латинского языка означает «обязанность», круг деятельности. Существует каузальное истолкование функции, согласно которому функция – это способ поведения, присущий какому-либо объекту и способствующий сохранению существования этого объекта или той системы, в которую он входит в качестве элемента². В социальных исследованиях понятие функции указывает на ту роль, которую социальное явление (институт, процесс) выполняют по отношению к обществу в целом; под функцией имеется в виду определённая совокупность последствий социальной деятельности. При этом различаются функции явные, т.е. совпадающие с намерениями и открыто провозглашаемыми целями и задачами института, и функции скрытые, латентные, обнаруживающие себя лишь с течением времени и отличающиеся от намерений участников этой деятельности. Рефлексируя над функциями самой философии, философы говорят об интеллектуальных, социальных задачах, которые решает

¹ Арутюнова Н.Д. Функции языка // Русский язык. Энциклопедия; гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Большая Российская энциклопедия, Дрофа, 1997. С. 609-611.

² Словарь Академик. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3632/Функция (дата обращения: 16.11.2013)

философия, о её предназначении в культуре³. Например, мировоззренческая функция философии состоит в формировании целостной картины мира, которая служит основой для разнообразных теоретических представлений; критическая функция заключается в способности философии подвергать критическому анализу окружающий мир и существующее знание, указывать на оборотную сторону явлений, обнаруживать недостатки привычной реальности, рассматривая её с позиций не только того, что есть, но и того, что должно быть, и т.д.

Соответственно под функциями языка следует понимать спектр направлений его действия в социокультурной системе, проявлений его влияния, воздействия на социальные феномены. Функции языка являются его характеристиками, через которые реализуется его роль в культуре. Выявление функций языка – это исследование вопроса о том, каким образом язык формирует личность, общество, социальные процессы, какова мера воздействия того или иного языкового выражения на реализацию этих процессов.

Функционирование языка варьируется в различных сферах общения, соответствующих сферам человеческой деятельности, например, в сфере науки, массовой коммуникации, производства и т. п. Множественность коммуникативных сфер, в которых используется язык, определяет и многообразие его функций. В свою очередь, количество и глубина проявления функций, составляющих нагрузку языка, может исторически изменяться и свидетельствует о степени развитости самого языка. Расширение функций языка приводит, в конечном счёте, и к его внутренним изменениям, так как функциональная развитость языка предполагает наличие необходимых языковых средств выражения. Таким образом, взгляд на язык через призму выполняемых им функций – центральный для рассмотрения языка в социокультурном контексте.

³ См. например: Горан В. П. Предметная специфика и функции философии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. 52 с.

Исследования проблемы соотношения личности, культуры и языка предпринимались на протяжении едва ли не всей истории теоретического познания. Философский взгляд на язык как базовый элемент культуры, на котором строятся все культурные связи и отношения в данном обществе, феномен, обеспечивающий саму возможность человеческого бытия и связь в социальной структуре, также имеет давнее происхождение.

Первые попытки осмысления языка как социокультурного феномена можно усмотреть в античной философии у Гераклита, Платона, Аристотеля. Язык эти мыслители рассматривали прежде всего как дар, которым обладает человек и который возвышает его над всеми живыми существами. «Только человек из всех живых существ одарён речью, – говорит, например, Аристотель. – Голос, которым можно выразить печаль и радость, свойствен и остальным животным, потому что их природные свойства развиты всё-таки до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать эти ощущения друг другу. Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т.п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства»⁴.

О важности правильного языка говорит Сократ в диалогах Платона: «Давать имена нужно так, как в соответствии с природой вещей следует их давать и получать, и с помощью того, что для этого природой предназначено, а не так, как нам заблагорассудится»⁵; «Не такое уж это ничтожное дело – установление имён, и не дело людей неискусных или случайных»⁶. Платон устами Сократа подчёркивает инструментальную роль языка в жизни человека: «Имя есть некоторое орудие обучения и распределения сущностей,

⁴ Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения. В 4-х тт. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 379.

⁵ Платон. Кратил // Платон. Собрание сочинений. В 4-х тт. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 618.

⁶ Там же. С. 622.

как, скажем, челнок – орудие распределения нитей»⁷. Иными словами, с помощью языка мы формируем знание о мире («распределяем сущности») и передаём его другим; значимость языка в осуществлении обоих указанных действий принципиальна, фактически другого способа их осуществления у нас нет.

При этом подлинно правильный язык, о котором говорит Сократ, по мысли Платона, возможен лишь на уровне эйдосов, поскольку эйдос-идея является непосредственным бытием мысли. Человеческая речь должна соотносываться с установлениями «законодателя мироздания», и вначале между звуками слова и обозначаемыми понятиями существовала внутренняя связь. Однако затем от «правильных» первоначальных слов было образовано такое множество других, что внутренняя связь между звуком и значением уже не может быть усмотрена. В результате особую роль приобретает общественная традиция, закрепляющая связь между понятиями и их речевой оболочкой. Таким образом, в платоновской концепции языка также появляется социальный контекст⁸.

Рассматривая язык с точки зрения своей атомистической теории, Демокрит учил, что подобно тому, как вещь состоит из сцепления атомов, так и «имя» (слово) состоит «из букв». Изменение одной «буквы» может изменить и «имя», как изменения в составе атомов приводят к изменению самой вещи. «Вещи» отличаются друг от друга неодинаковой «фигурой атомов», различным способом их сочетаний, наконец, положением самих атомов. И подобно тому, как из отдельных атомов образуются тела, а из простых тел – сложные, так и в языке из «букв» возникают слоги, а из слогов – имена. В свою очередь и «речь» (logos) представляет собой сцепление своеобразных атомов: имя, речение, предложение. Обсуждая статус имён, Демокрит занял своеобразную позицию в споре сторонников теории

⁷ Платон. Кратил // Платон. Собрание сочинений. В 4-х тт. М.: Мысль, 1983. Т. 1. С. 619.

⁸ См.: Васильева Т. В. Путь к Платону: Любовь к мудрости или мудрость любви. М.: Логос; Прогресс-Традиция, 1999. С. 129.

«природной» связи между именем и вещью и сторонников теории «установления» такой связи. В решении этого вопроса Демокрит различал первичные слова и слова позднейшие. Первичные слова, по Демокриту, являются отображениями самих вещей и возникли естественным путем, как результат воздействия предметов внешнего мира на человека. Эти слова, по выражению Демокрита, являются «звучащими статуями», т.е. звуковыми отображениями вещей. Что же касается сложных слов, образовавшихся в процессе дальнейшего развития языка, то они, по мнению Демокрита, составлены искусственно и имеют условное значение. Примечательно, что Демокрит занял не просто «промежуточную позицию» между сторонниками теории «природы» и теории произвольного «установления»: он своеобразно улучшил каждую из этих теорий, истолковав «природный путь» не как результат вмешательства «свыше», а как результат воздействия предметов внешнего мира на человека.

Последователи Демокрита подчёркивали роль взаимодействия между людьми в процессе возникновения языка. Так, Диодор Сицилийский писал: «Первоначально люди жили неустроенной и сходной со зверями жизнью, выходили вразброд на пастбища и питались травой и древесными плодами. При нападении зверей нужда научила их помогать друг другу и, собираясь вместе от страха, они начали постепенно друг друга узнавать. Голос их был ещё бессмысленным и нечленораздельным, но постепенно они перешли к членораздельным словам и, установив друг с другом символы для каждой вещи, создали понятное для них самих изъяснение относительно всего. А так как такие объединения имели место по всему миру, то язык оказался не у всех равнозвучным, поскольку каждые группы людей случайным образом составляли свои слова: отсюда разнообразие в характере языков, а первоначально возникшие объединения положили начало всем племенам»⁹.

⁹ История языкознания в текстах и лицах: учебное пособие / Н.Н. Лыкова. М.: Флинта: Наука, 2010. С.34.

Таким образом, мы видим, что ранние попытки философского осмысления языка зафиксировали по крайней мере два направления, в которых должна быть определена роль языка в жизни культуры, общества, человека. Во-первых, язык позволяет нам приобретать знания, фиксировать информацию, которую мы получаем посредством чувственного восприятия, превращать её в суждения, оценки, выводы и закреплять в своем мышлении. Во-вторых, он обеспечивает возможность коммуникации – передачи мысли, трансляции знания. «Какое значение имеют для нас имена и что хорошего они выполняют? Мне кажется, Сократ, они учат. И это очень просто: кто знает имена, тот знает и вещи»¹⁰.

В развитии философии после Античности, прежде всего на основе христианства, внешне намечается и третье направление определения роли языка – это его способность к творению, созиданию, вызыванию из небытия предметов и сущностей. Это библейская концепция, согласно которой именно Слово является инструментом творения. Августин Блаженный пишет: «Но как Ты это делаешь? Каким образом, Боже, создал Ты землю и небо? Не на небе же, конечно, и не на земле создавал Ты небо и землю, не в воздухе и не на водах: они ведь связаны с небом и с землей. И не во вселенной создал Ты вселенную, ибо не было ей, где возникнуть, до того, как возникло, где ей быть. И ничего не держал Ты в руке Своей, из чего мог бы сделать небо и землю. И откуда могло быть у Тебя вещество, которого Ты не сделал раньше, чтобы потом сделать из него что-то? Всё, что есть, есть только потому, что Ты есть. Итак, Ты сказал "и явилось" и создал Ты это словом Твоим»¹¹. Но существенно, что словом, обладающим этой силой, является лишь божественное слово; статус человеческих имён вещей оставался для средневековой философии предметом длительных дискуссий. Таким образом, тема конструктивной роли языка в человеческих

¹⁰ Платон. Кратил // Платон. Собрание сочинений. В 4-х тт. М.: Мысль, 1983. Т. 1. С. 675.

¹¹ Августин Блаженный. Исповедь. М.: Дар, 2007. С. 106.

взаимодействиях в ранних исследованиях, по существу, лишь намечена. Мы вернёмся к формированию этой идеи несколько ниже.

Анализ когнитивной и коммуникативной роли языка в человеческой деятельности получил дальнейшее развитие в Новое время, прежде всего в трудах философов, ориентированных на гносеологическую проблематику.

Оценивая язык как инструмент познания, Ф. Бэкон приходит к необходимости сделать двоякий вывод в отношении этой оценки. С одной стороны, значимость языка в процессах познания для Ф. Бэкона является аксиомой: он указывает, что, как и все прочие средства, используемые нами, это тоже должно быть хорошо отлажено. Ф. Бэкон находит в языке систему заключенных в нём смыслов, которая сама по себе является мощным резервуаром знания. Например, в работе «О мудрости древних» Ф. Бэкон говорит о возможности «вычитать» глубокое содержание из языка, которым изложены древние мифы. Он пишет по этому поводу: «Я нахожу удивительные и совершенно очевидные подобие и связь с обозначаемыми в них вещами как в самом сюжете мифа, так и в значении имён... так что невозможно отрицать, что этот тайный смысл уже с самого начала был заложен в мифе»¹². Ф. Бэкон многократно говорит о том, что для объяснения своей позиции он ищет (и другим советует искать) адекватную форму выражения, без которой невозможно распространение идей. Он указывает на значимость языковых средств не только для трансляции, но и для формирования мысли, отмечая, в частности, важность для развития науки перехода от устной к письменной речи¹³.

В то же время Ф. Бэкон видит серьёзную проблему, возникающую как раз из-за того, что язык играет важную роль в познании. Как всякий инструмент, он может не только удачно обрабатывать материал, но и испортить его в случае неправильного применения. «Бывает и так, что слова

¹² Бэкон Ф. О мудрости древних // Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 237.

¹³ Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 60.

обращают свою силу против разума»¹⁴. Одним из четырёх «идолов», препятствующих достижению истинного знания, у Ф. Бэкона является «идол площади» – неправильное, некорректное использование слов. В некоторых случаях «слова прямо насилуют разум»¹⁵ – говорит Ф. Бэкон, и в качестве примера он приводит два основных способа такого «насилия»: слова, которые обозначают несуществующие вещи и тем самым формируют у нас ложные представления, и неумелые абстракции, в которых объединяется то, что на самом деле различно.

Двоякая оценка роли языка в познании, во многом совпадающая с позицией Ф. Бэкона, высказана также в работах Т. Гоббса. «Язык, что паутина», – пишет он, – «Слабые умы цепляются за слова и запутываются в них, а более сильные легко сквозь них прорываются»¹⁶. Одной из «ловушек», в которых можно запутаться, Т. Гоббс считает многозначные слова: в сменяющихся друг друга оттенках смысла высказываний, полученных с их использованием, человек бьётся, «как птица в силке, и чем больше усилий употребит, чтобы вырваться, тем больше увязнет»¹⁷. Т. Гоббс подчёркивает: «Свет человеческого ума – это вразумительные слова... предварительно очищенные от всякой двусмысленности точными дефинициями»¹⁸.

Особая линия трактовки роли языка в познании в философии Нового времени была намечена Р. Декартом и фундаментально разработана И. Кантом. Р. Декарт высказал предположение о существовании врождённых идей. По его определению, у нас есть идеи, которые получены из чувственного взаимодействия с предметами и явлениями; идеи, которые получены из идей первого типа путем их обработки, комбинирования, вообще взаимодействия в уме; и ещё некоторые особого рода идеи, очень

¹⁴ Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 25.

¹⁵ Там же. С. 19.

¹⁶ Гоббс Т. О теле // Гоббс Т. Избранные произведения. В. 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1991. С. 79.

¹⁷ Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Избранные произведения. В. 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 70.

¹⁸ Там же. С. 82.

общие, очень важные, не зависящие от опыта, а как бы изначально заложенные в разуме. Р. Декарт называет их *ideae innatae* – врождёнными идеями. По мысли Р. Декарта, «они познаются интеллектом посредством некоторого прирожденного ему света без всякого участия какого-либо телесного опыта»¹⁹. Это, например, идеи существования, единства, длительности.

Врожденные идеи являются, по Р. Декарту, не отчётливо сформулированными суждениями, а некими интуициями, которые приобретут определённую определенность в процессе и при условии познавательной деятельности человека. Но если это понятия, то они в любом случае заключают в себе интенцию к взаимодействию со словом; и моментом их перехода в явно присутствующие в разуме идеи можно считать как раз момент их оформления в языке.

Тем самым значение языка для возникновения знания оборачивается новой гранью. У философских предшественников Р. Декарта (например, у Ф. Бэкона) слово рассматривалось прежде всего как средство фиксации возникающей идеи, придающее ей определённую определенность и стабильность. Р. Декарт говорит об участии слова в процессе конституирования идеи: это внутренний инструмент, благодаря которому возникает мысль.

Вопрос об априорных, т.е. существующих до всякого опыта и изначально заложенных в человеческом познании оснований, нашел свою фундаментальную разработку в философском творчестве И. Канта. И. Кант рассматривает априорные основания уже не только интеллекта, но и всех уровней мышления человека – чувственного созерцания, рассудка, разума. Все они, также выступая не готовыми мыслями, а интенциями к формированию определённых мыслей, сопряжены с соответствующими понятиями, выраженными в терминах. Так, априорные идеи чистого разума – идея имманентного единства познающего субъекта, мира явлений и мира

¹⁹ Декарт Р. Правила для руководства ума // Декарт Р. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1950. С. 127.

предметов – выражаются соответственно понятиями души, космоса и Бога, отправными точками которых в нашем мышлении являются сами эти слова.

Центральное звено априорных оснований познания – априорные категории рассудка – образуют у И. Канта внутренне организованную систему: они разделены на четыре класса (категории количества, качества, отношения и модальности), и в каждом классе категории образуют определённые оппозиции: в первых двух классах это противоположности с опосредующим звеном (реальность – отрицание – ограничение), в третьем и четвёртом – пары противоположностей (необходимость и случайность). В результате возникают концептуальные схемы, которые познающий субъект применяет к реальности, создавая в результате знание определённого типа. Категории выполняют организующую и программирующую функцию в познании; а поскольку им необходимо словесное выражение, частично эти функции приобретает и язык. «Для познания необходимо иметь, во-первых, понятие, посредством которого мыслится предмет вообще»²⁰; но поскольку формой присутствия понятия в разуме является слово, для осуществления познания, во-вторых, необходимо слово. И. Кант не случайно предельно внимателен к терминологии; он пишет, например: «Если для какого-то понятия, точное обособление которого от других родственных ему понятий имеет большое значение, существует только одно слово, точно соответствующее понятию, то не следует быть расточительным и применять его для разнообразия синонимически взамен других слов, но следует старательно сохранять за ним его специальное значение; иначе легко может случиться... что термин затеряется... и вследствие этого утратится сама мысль»²¹. Обратим внимание, что утрата слова, по И. Канту, непосредственно связана с опасностью утраты и мысли, а обретение нужного слова, соответственно, является одной из необходимых составляющих её становления.

²⁰ Кант И. Критика чистого разума. М.: ИКА «Тайм-аут», 1993. С. 113.

²¹ Там же. С. 217.

Кроме того, априорные категории, по И. Канту, образуют базовый строй человеческого мышления вообще (т.е. объединяют нас, а не разделяют). Именно благодаря этому в конечном счете возможно понимание. Таким образом, данный подход высвечивает также новый ракурс коммуникативной роли языка, поскольку выделяет базовые точки коммуникативного взаимодействия.

Раскрывая замысел творения мира, Г. Лейбниц развивает проект создания универсального языка на основе символов. В рамках такого символизма учёный предложил свести все человеческие рассуждения к формальному исчислению. Он предложил: «...универсальный язык, или универсальная характеристика, посредством которой прекрасно упорядочиваются понятия и все вещи»²². В таком универсальном символическом языке, своего рода всеобщей алгебре, рассуждали бы посредством вычислений и сводили бы любые проблемы к простому математическому расчету. Лейбниц попытался разработать проект создания языка, на котором все знания могут быть выражены формально. Он полагал, что в этом случае споры, возникающие обычно среди философов, станут так же невозможны, как невозможны они между вычислителями.

Итак, в классической философии, от античности до Нового времени, язык исследуется прежде всего в гносеологическом значении, как средство формирования, выражения и трансляции мысли. Но, начиная с начала Нового времени, язык становится предметом также специально выделенного философско-культурологического анализа.

У истоков культурологического исследования языка этого периода стоят работы Д. Вико, И. Гердера. На рубеже XVIII-XIX вв. к проблемам функционирования языка в культуре обратился В. Гумбольдт, и можно без преувеличения сказать, что именно его труды сформировали дальнейшую традицию философского осмысления языка.

²² Лейбниц Г. История идеи универсальной характеристики / Сочинения. В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 412.

В. Гумбольдт поставил следующий вопрос: что послужило тем толчком, с которого началась эволюция языка? Вполне можно допустить, что язык, уже появившись на свет, далее развивался независимо от воли его создателя, если таковой был, и существовал и существует уже по собственным, имманентным законам. Но какое было его начало? Был ли он создан кем-то сознательно и преднамеренно? Был ли он дарован человеку Богом, или же был выработан самим человеком? Возник ли он сразу в готовом виде, со всеми своими сложными грамматическими категориями, принципами, с готовым лексиконом и т.д. или вырабатывался постепенно, шаг за шагом, деталь за деталью?

Рассматривая эту проблему, В. Гумбольдт обращает внимание на очень важную её особенность: эту проблему можно адекватно разрешить, только дав прежде ответ на вопрос о целях существования языка. Какую роль играет язык в человеческой жизни и какую пользу приносит он человеку? Что он позволяет делать человечеству? «Создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества, – пишет В. Гумбольдт. – Язык – не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения, а этого человек только тогда сможет достичь, когда свое мышление поставит в связь с общественным мышлением»²³. В контексте рассматриваемой нами проблематики это означает, что основная роль языка с точки зрения концепции В. Гумбольдта – это роль социального интегратора, который обеспечивает человеку эффективное социальное взаимодействие с остальными членами общества. Таким образом, язык в теории В. Гумбольдта представляет собой социальный и, во всяком случае, intersubъективный факт, и в свете именно этого тезиса

²³ Гумбольдт В. фон. О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 324.

следует осмыслять его роль в обществе и ту пользу, которую он может принести отдельному человеку.

В. Гумбольдт был первым среди исследователей языка, кто сознательно положил в основу своей концепции языка принцип деятельности и осуществил деятельностное представление языка, развернув тезис о языке как деятельности в теоретическом плане. Язык у В. Гумбольдта – это средство для того, чтобы действовать, изменять мир, и в этом заключается уникальность его концепции. Итак, что же, согласно концепции В. Гумбольдта, язык позволяет сделать человеку и человечеству?

Гумбольдт был наследником классической немецкой философии, и, наряду с обозначенными выше идеями И. Канта, на его мировоззрение оказала существенное влияние философская концепция Г. Гегеля. В гегелевской философии эволюция мироздания объяснялась как процесс саморазвития абсолютного духа, который в логическом развертывании переходит от первичных абстракций ко все большей конкретности. Абсолютный дух субъектен, т.е. является активным, действующим фактором становления мира. «Опыт сознания в философии Гегеля оказывается метафизикой субъекта в противовес «метафизике объекта» Канта, поскольку опыт сознания есть осознание субъектом самого себя. И субъект становится абсолютным в той мере, в какой он обретает несомненный опыт достоверности только самого себя. Этот опыт освобождения сознания овеществляется в гегелевской феноменологии, которая становится наукой на основе трех её важнейших принципов, а именно: 1) сознание есть свое собственное понятие; 2) сознание обеспечивает себя своим собственным критерием; 3) сознание само себя проверяет»²⁴.

Нечто очень близкое к этому мы находим в текстах В. Гумбольдта. В его теории понятие языка фактически сравнимо с гегелевским понятием абсолютного духа, выступая нагруженной смыслами системой, имеющей

²⁴ Сергеев К.А., Слинин А.Я. «Феноменология духа» Гегеля как наука об опыте сознания // Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992. С. XXXI.

собственную логику развертывания, причём эта имманентная логика служит основой для общей эволюции социума. В гегелевской философии субъект обладает прежде всего способностью к саморефлексии, к тому, чтобы, используя собственное выражение Гегеля, быть не только «в себе», но и «для себя», или обладать самосознанием. У В. Гумбольдта язык исполняет роль инстанции, обеспечивающей субъекту самосознание, т.к. не только коммуникация, но и вообще всякое мышление, всякая сознательная деятельность возможны только посредством языка. Он прямо пишет об этом: «Можно считать общепризнанным, что различные языки являются для наций органами их оригинального мышления и восприятия, что большое число предметов создано обозначающими их словами и только в них находит свое бытие»²⁵.

Происходит это за счёт укорененности языка в самой природе человека. С точки зрения концепции В. Гумбольдта, способность к языковому выражению существует как базовый ресурс, который сохраняется в человеке независимо от того, есть ли рядом кто-то, к кому можно было бы обратиться с речью. Поэтому нельзя сказать, – откликается В. Гумбольдт на одну из ключевых дискуссий своего времени, – что язык был создан конвенционально, как в теории общественного договора; ещё меньше язык является результатом божественного творения. Язык в потенции имманентен человеческой природе; но если он существует, он должен иметь и не любую, а определённую форму. Сущность человеческого рода определяет не только сам факт необходимости языка, но и его определённое внутреннее строение.

Эту проблему исследовал духовный наследник Вильгельма фон Гумбольдта – Александр Афанасьевич Потебня. В его время (середина XIX в.) большую популярность в среде лингвистов приобрела концепция К. Беккера, согласно которой любой язык в той или иной степени выражает и

²⁵ Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 51.

воплощает в себе одну и ту же логику. Сам А. Потебня суть этой концепции формулирует так: «Логика одна и одни формы мысли у всех народов; поэтому и языки, органические воплощения мысли, должны бы различаться между собой только по звукам, а не по значению своих форм, должна существовать одна грамматика (философская, как её называли в старину), равно обязательная для всех языков»²⁶. Этот взгляд кажется логически вытекающим из гегелевских представлений; дополнительно он аргументируется образом языка как культурной инстанции, которая должна точно и полно описывать внешнюю, не зависящую от человека реальность, построенную по единым законам, тождественным законам самого мышления.

Главный недостаток этого взгляда, согласно А. Потебне, в том, что данная концепция не учитывает связь человеческого языка не просто с абстрактной «внешней реальностью», а с великим разнообразием ситуаций, в которых оказываются люди на протяжении жизни не только человечества или народа, но даже и отдельного индивида. При этом идея разнообразия отнюдь не противоречит гегелевской концепции, где фиксируется не только единство, но и бесконечная феноменология духа.

В действительности язык всегда выступает одним из инструментов деятельности, а деятельность всегда направлена на достижение определённых целей. По этой причине язык можно считать средством воздействия на общество – прежде всего через непосредственные коммуникативные связи различных социальных агентов со всей характерной для них спецификой их социальных позиций. С другой стороны, только в языке может быть оформлено представление человека о среде его деятельности, причём не только рациональное, но и поэтическое (или, шире, художественное) видение мира, построенное главным образом на эмоциональной основе. Это позволяет по отношению к индивиду оценивать язык как среду, из которой человек воспринимает не одну лишь информацию

²⁶ Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии // Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. С. 21.

о внешних объектах чисто прагматического взаимодействия, но и знания о распространенных в обществе ценностях, предписания о должном и недопустимом поведении, о прекрасном и безобразном. Иными словами, язык понимается как средство формирования мировоззрения и поведения индивида – и средство управления его мировоззрением и поведением.

Очевидно, что язык при такой его интерпретации оказывается фактом глубоко социальным по своей природе. Язык формирует сознание, а значит, и человека; но сам язык формируется в социуме, в системе социальных и коммуникативных практик. А поскольку социум – это всегда конкретное человеческое сообщество, в котором наряду с общими проявлениями социальности есть и особенные, язык неизбежно выражает наряду с общей логикой и эту особенность.

Слово в концепции А. Потебни представляется не просто ярлыком, который более или менее произвольно навешивается обществом на те или иные объекты, а символом, выражающим сущность вещи. Но это не следует понимать так, будто слово – это некий мистический знак, неразрывно связанный какими-то магическими связями с обозначаемым предметом и выражающий сущность этого предмета, не зависящую от слова и языка. На самом деле сущность вещи имеется не до слова, а лишь после него. «Слово, – пишет А. Потебня, – выражает не все содержание понятия, а один из признаков, именно тот, который представляется народному воззрению важнейшим»²⁷. Иными словами, сначала формируется все-таки единичное понятие, понятие о данном конкретном предмете со всеми его особенностями, которое затем фиксируется в слове, и лишь в этом акте обретает определённую сущность вещи как предмета, принадлежащего к определённому классу объектов. Язык по отношению к человеку выступает, таким образом, как явление, обусловленное существованием индивида в обществе, включённостью его в общественные отношения, его позицией в

²⁷ Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии // Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. С. 5.

обществе и его социальными устремлениями. Более того, определение этой позиции и отношений происходит именно через язык. Из сказанного следует также вывод о том, что, когда с изменением социального статуса индивида меняется его язык, это не только выражает изменения в его мышлении и мировоззрении, но и производит эти изменения.

Таким образом, можно констатировать, что классическая философия начала исследовать язык прежде всего как оболочку мышления, дающую возможность закрепления и трансляции его результатов. Используя современную терминологию, центральной функцией языка она считала прежде всего коммуникативную функцию, состоящую в том, что язык служит средством передачи информации. По отношению к коммуникативной многие другие функции – познавательная, эмоционально-экспрессивная, фатическая, образовательная, аксиологическая и др. (о них подробнее пойдет речь в § 3) выступают, по сути, модификациями: посредством языка передаются знания, эмоции, культурные нормы и правила и другие виды социальной информации.

Но в классической философии был намечен также более широкий взгляд на язык как социокультурный феномен. С точки зрения этого подхода, социальные и культурные процессы не только отображаются и обсуждаются в языке, но и осуществляются в нём, а иногда даже им задаются. В англоязычной традиции неоднократно фиксировался, в частности, языковой аспект процесса консолидации и размежевания социальных групп. С одной стороны, возможность общения способствует сплочению членов социальной группы. Общий язык объединяет людей. С другой стороны, общий язык исключает тех, кто не говорит на этом языке или говорит на нём несколько иначе. В Великобритании представители различных общественных классов употребляют несколько отличающиеся формы английского языка. Хотя все владеют английским языком, некоторые группы употребляют «более правильный» английский, чем другие. Добавим, что в Америке имеется

буквально тысяча и одна разновидностей английского языка, что также не только отображает, но отчасти и усугубляет социальную дифференциацию.

Исходным принципом трактовки связи языка и культуры в классической философии можно считать подход, согласно которому язык и культура являются автономными, но вместе с тем тесно взаимодействующими знаковыми системами, соотнесенными с мышлением и коммуникацией. Но, рассматривая взаимодействие этих систем, классическая философия все более отчетливо видела их проникновение друг в друга.

Язык принимает участие во всех видах духовного производства. Материализуя общественное сознание, языковая знаковая система является носителем, а, следовательно, и хранителем информации, диапазон которой практически безграничен: от логико-рационального до чувственно-эмоционального восприятия мира. Интеграция языка и культуры осуществляется через феномен идеального. Идеальное является важнейшей формой, пронизывающей все существование культуры; это онтологическое основание культуры как «второй природы», надстраиваемой над природным, материальным уровнем бытия. Идеальное – это культурный способ отображения реальности, поскольку культура предполагает взаимодействие с миром на уровне смысловых структур. Но, будучи не-материальным, не-вещественным срезом реальности, идеальное требует обязательной знаковой формы представления. Идеальное входит в язык в виде значения его знаков и существует в культуре опосредованно – в форме предметов культуры, т.е. в опредмеченной форме, и в деятельностной форме. Иными словами, идеальное – это интегрирующее язык и культуру образование, отражающее их объективное единство. А поскольку общественному человеку идеальный образ задается обществом также как образ проекта и результата деятельности, основным способом социального программирования человека служит интегрированное воздействие: культурная программа выражается через язык.

Язык – факт культуры, во-первых, потому что он является её составной частью, которую мы наследуем от наших предков; во-вторых, язык – основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру; в-третьих, это важнейшее из всех явлений культурного порядка, так как если мы хотим понять сущность культуры – науку, религию, литературу, то должны рассматривать эти явления как коды, формируемые подобно естественному языку, как лучше всего разработанной модели. Этот итог размышлений классической философии о языке сформулирован С. Г. Тер-Минасовой следующим образом: «Язык – зеркало культуры, в нём отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира»²⁸. Мы, в свою очередь, считаем возможным сделать из этого вывод, определяющий направленность дальнейшего движения философской мысли: специфика и модификации культуры находят свое воплощение в языке наряду с общими принципами, и это закономерно.

Первичный срез исследований языка, осуществленный в классических гносеологически ориентированных работах, позволил зафиксировать две его главные функции: коммуникативную – функцию сообщения, передачи информации, и когнитивную – познавательную. Чаще всего концептуализация этих функций и рассматривается в качестве основного результата классической философии языка²⁹. По нашему мнению, рассматривая подход классической философии к социальному и культурному контексту языка, можно также утверждать, что в ней намечено выделение ещё некоторых функций, в первую очередь формирующей (обозначим её

²⁸ Тер-Минасова С.Г. Языки и межкультурная коммуникация // Учебное пособие. М.: Слово, 2000. С.14.

²⁹ См., например: Шаповалов В. Ф. Основы философии современности: к итогам XX века: курс лекций. М.: Флинта: Наука, 1998. С. 43.

пока так) и аккумулятивной. Данная позиция также закономерна, если мы рассмотрим содержание и внутреннюю взаимосвязь указанных функций.

Прежде всего язык обеспечивает взаимодействие отправителя вербального (словесного) сообщения и его получателя, адресата. Это и есть коммуникативная функция; она заключается в способности языка служить средством общения между людьми, обеспечивать социальные связи, жизнь в социуме. С точки зрения речевого взаимодействия, коммуникативная функция предполагает установку участников речевой коммуникации на плодотворность и взаимную полезность общения, а также общую нацеленность на адекватность понимания речи.

С другой стороны, язык направлен на действительность и на тот мир образов, который выстраивается между действительностью и человеком, выступая как множество знаний, образующих в совокупности картину, или модель, мира. Эта картина мира, локализованная в сознании, постоянно пополняемая и корректируемая, регулирует поведение человека. Язык не просто передаёт в актах коммуникации в виде высказываний сообщения, в которых содержатся те или иные знания о каких-то фрагментах мира. Он играет важную роль в формировании знаний и их хранении в памяти, способствуя их возникновению и принятию в определённом виде, упорядочению, систематизации, т.е. участвуя в их обработке. Тем самым язык обеспечивает познавательную деятельность человека. В этом и состоит его познавательная (когнитивная) функции.

Рассмотрение способа реализации этих функций привело классическую философию (прежде всего в лице В. Гумбольдта и А. Потебни) к пониманию роли языка в формировании мышления и личности человека. Разумеется, говорить – значит выражать свои мысли; но, с другой стороны, обнаруживается, что сами эти мысли рождаются и обретают существование именно с помощью языка. Мысль человека при своем рождении опирается на универсальные содержательные категории и структуры, на категориальные единицы конкретного языка. Конечно, это не значит, что, кроме словесного

мышления, не существует иных форм разумной деятельности. Есть ещё образное мышление, знакомое любому человеку, но особенно развитое у профессионалов – художников, музыкантов, артистов; есть технологическое мышление – профессиональное качество конструкторов, механиков, чертежников, опять-таки в той или иной степени присущее всем людям; существует предметное мышление – им все мы руководствуемся в массе бытовых ситуаций, от завязывания шнурков на ботинках до отпирания входной двери. Но основная форма мышления, в которой осуществляется большинство мыслительных актов, – это словесное, языковое мышление. И с этой точки зрения мышление в его конкретно-исторической форме во многом обусловлено языком, а не только выражается в нём.

Основной мыслительный «инструмент», используемый в познании, – это понятие. Понятие возникает на основе практической или познавательной деятельности человека, но оно не является «чистым» продуктом индивидуального опыта: в нём фиксируется выработанное социумом представление, которое осваивает человек. «Ресурс», созданный коллективным опытом, хранится в знаках языка. «Слово, которое одно способно сделать понятие самостоятельной единицей в мире мыслей, прибавляет к нему многое от себя», – писал Вильгельм фон Гумбольдт³⁰. Слово выделяет и оформляет понятие, а грамматический строй языка выделяет и оформляет логический строй мышления. По В. Гумбольдту, «чтобы соответствовать мышлению, язык, насколько это возможно, своим строением должен соответствовать внутренней организации мышления»³¹. Это означает, что в языковых структурах закрепляется ментальный строй народа; но это с необходимостью предполагает, что язык транслирует данный строй мышления каждому отдельному индивиду, формируя его логику.

³⁰ Гумбольдт В. фон. О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 318.

³¹ Гумбольдт В. фон. О возникновении грамматических форм и их влиянии на развитие идей // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 345.

Аккумулятивная функция языка связана с важнейшим предназначением языка – собирать и сохранять информацию, результаты культурной деятельности человека. Непрерывность существования в обществе делает язык хранителем и сокровищницей общественно-исторического опыта поколений: язык одновременно выступает и составной частью культуры, которую мы наследуем, и её орудием. Самостоятельность этой функции языка и выражение в ней роли, выполняемой языком «сверх» простого закрепления опыта, проявляется в том, что язык живет порой дольше не только человека, но и дольше целых народов. Известны так называемые мертвые языки, которые пережили народы, говорившие на этих языках. Самый известный «мертвый» язык – латинский. Благодаря тому, что он долгое время был языком великой культуры, латинский хорошо сохранился и до сих пор присутствует в нашей жизни. Например, большинство людей даже со средним уровнем образования знает несколько латинских изречений; но ведь это означает, что мы также знаем и хотя бы отчасти воспринимаем выраженные в этих изречениях жизненные принципы и мировоззренческие позиции. Язык является той средой, которая хранит культуру и передает её из поколения в поколение. Эта позиция, выработанная классической философией, обуславливает возможность и необходимость исследований активной роли языка в формировании личности, национального характера, этнической общности, народа и нации в целом.

Итак, мы постарались показать, что классическая философия содержит возможность объяснения не только общей природы и базовых функций языка, но и его социокультурной роли, а также исторической трансформации этой роли. Все выделенные ею в первом приближении функции языка являются неотъемлемыми условиями развития культуры: коммуникативная функция обеспечивает её повседневное самоподдержание, когнитивная функция – динамику, формирующая функция – включение в круг культурных традиций новых субъектов, аккумулятивная функция –

историческую преемственность и накопление социального опыта. В свете перспективы развертывания темы данного исследования мы считаем важным подчеркнуть, что, поскольку речь идёт о естественных национальных языках, все эти функции могут и должны рассматриваться не только на уровне человеческого сообщества вообще, но и на уровне конкретного социума. Коммуникативная функция отражает не только общечеловеческую потребность в передаче сообщений, но и особенности их кодировки, характерные для данного сообщества, когнитивная функция привязана к достигнутому уровню знаний, формирующая – к параметрам социума, аккумулятивная – к истории локальной культуры. И, таким образом, трансформация способов реализации функций языка и самих этих функций в зависимости от особенностей данного сообщества и исторического момента, переживаемого им, также вполне закономерна с точки зрения классической теории языка.

§ 2. Неклассическая философия о функциях языка

Во второй половине XIX в. философия вступила в неклассический период своего развития. Возникло сразу несколько новых философских течений, которые отличались от классической философии даже не новыми решениями философских проблем, а новыми способами постановки проблем: они задавались другими вопросами и использовали другие средства их решения. Тематизация языка в качестве предмета философского исследования для них была настолько важна, что многие историки философии позднее говорили о «лингвистическом повороте» в теории познания и философии в целом. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что осознание важности языка как фактора развития культуры уже стало общепризнанным в философии. Философия начала более активно ставить вопрос о том, в чём же и как проявляется языковая основанность культуры, и обнаруживать на этом пути новые, нетривиальные функции языка.

Особое значение философскому осмыслению языка придало прежде всего течение, получившее название аналитической философии. В рамках аналитической философии были реализованы два возможных подхода к анализу языка и, таким образом, аналитическая философия включает в себя две группы философов, развивающих соответствующие направления поисков. Одна из них сконцентрировала свои усилия на логическом анализе языка. Её представители, такие, как Б. Рассел, А. Уайтхед, Д. Мур, М. Шлик и др., видели главную задачу в том, чтобы в конечном счете преобразовать язык, максимально исключив из него логические несоответствия и двусмысленности. Логический анализ языка предусматривал, в частности, попытки обнаружения скрытых в языке противоречивых понятий, борьбу с пустыми терминами и т.п. На самом деле, конечно, речь не шла о том, чтобы предписывать всем пользоваться не тем языком, к которому привыкли, и не о трансформации живого разговорного или литературного языка. Имелось в виду то, что только непротиворечивый, недвусмысленный язык пригоден для постановки и решения научных проблем. Таким образом, философы данного направления интересовались языком главным образом как средством передачи информации и средством высказывания каких-либо утверждений, хотя и отмечали, что это только одна и, возможно, даже не самая основная его функция. Согласно Б. Расселу, язык может также служить для выражения эмоций или для того, чтобы влиять на поведение других³².

Представители логического атомизма разработали логику нового типа, намного более широкую, чем аристотелевская, в которую классическая (аристотелевская) логика входила, но лишь в качестве одного из частных случаев. Главное отличие этой логики от логики Аристотеля заключалась в том, что логика Рассела являлась логикой высказываний, тогда как логика Аристотеля по сути была логикой классов. Например, суждение «Все люди смертны» утверждает, что класс людей включен в класс смертных объектов.

³² B. Russell. Human Knowledge. Its Scope and Limits. London and New York, 2009. P. 55-60.

Однако в логике Рассела рассматриваются отношения между высказываниями, например, «Если идёт дождь, то улицы мокрые». Оба предложения: «Идет дождь» и «Улицы мокрые» — это высказывания, но (помимо того) они находятся между собой в определённой зависимости, которую Рассел назвал импликацией (следованием)³³. Расселу удалось показать, что в терминах этой логики можно выразить также отношения между классами.

Обращаясь с этим арсеналом к философии языка, Рассел утверждает, что базовая структура повседневных, естественных языков, таких, как русский или английский, подобна структуре математической логики. Соответственно математическая логика могла бы дать философии совершенный инструмент для выделения значений предложений любого естественного языка. Это также даёт основание полагать, что философские споры можно будет подвергать строгой логической проверке. Рассел утверждает, что мир состоит из «фактов» и что все эти факты имеют атомарную природу. То есть каждый факт может быть описан некоторым атомарным высказыванием³⁴. В природе не существует молекулярных фактов: каждое молекулярное высказывание может быть переведено или представлено набором атомарных высказываний и логических связок, например, «и», «или», «если... то» и других. Сами связки в мире ни к чему не относятся, являясь чисто языковыми средствами, позволяющими комбинировать атомарные высказывания различными способами. Их использование, считает Рассел, носит лишь «синтаксический» характер. Конечными элементами мира являются «факты», а каждый отдельный факт состоит из отдельного предмета и его индивидуальных характеристик.

Таким образом, Б. Расселом и другими философами данного направления была сделана попытка наметить контуры совершенного языка.

³³ B. Russell. *The Principles of Mathematics*. W.W. Norton and Company. New York, London. 1996. P. 33.

³⁴ B. Russell. *Human Knowledge. Its Scope and Limits*. London and New York, 2009. Pp. 102-109.

Если предложение с обычного естественного языка «перевести» на этот совершенный логический язык, то значение этого предложения становится полностью ясным. Если окажется, что при преобразовании предложения оно не обретет субъектно-предикатной формы, это значит, что оно не относится ни к чему реальному. Например, такого объекта не существует, т. к. к нему не относится грамматический субъект (грамматическое подлежащее). В структуре этого совершенного языка каждый термин-субъект обозначает некоторый действительный объект мира, а каждый термин-предикат – некую реальную характеристику этого объекта.

Логический атомизм получил более полное развитие в работе Людвиг Витгенштейна «Логико-философский трактат». Эта книга была опубликована в 1922 г. и посвящена разработке одного из течений логического атомизма, которое сейчас называется теорией отображений. Согласно Витгенштейну, идеальный язык отображает мир, как это делает географическая карта. Если нам необходимо узнать, находится ли город А севернее города Б, мы это можем определить при помощи географической карты. Это происходит потому, что отношения между точками на карте соответствуют точкам на местности. Совершенный язык подобен карте. Он соответствует структуре действительности. Для каждого имени собственного данного языка существует определённый объект, а для каждого предиката – определённое свойство. Отсюда следует, что идеальный язык описывает структуры фактов (событий), поскольку последние состоят из объектов и их свойств.

Позитивистская модель идеального языка представляет собой, по-видимому, предельное выражение описания языка в одной из его ипостасей – функции отображения, репрезентации мира. А дальнейшая трансформация этой модели демонстрирует ключевую тенденцию изменения представлений о сущности языка в философии культуры XX в.

Исходное допущение «Логико-философского трактата» о том, что сущность и природа языка и мышления связана с репрезентацией, в дальнейшем рассматривалось самим Л. Витгенштейном как серьезная

ошибка. «Существует множество различных форм мышления, языка и репрезентации, и неоправданно и нереалистично предполагать, что в этих формах воплощена некая общая природа»³⁵.

Отправной точкой критического анализа Л. Витгенштейна стал момент, когда он специально остановил внимание на органически присущей языку способности быть орудием человеческой неискренности, более того – провоцировать человека на неискренность. Л. Витгенштейн замечает, что человек способен быть неискренным даже в те моменты, когда он внутренне ориентирован на искренность, но доверившись языку, незаметно изменяет самому себе, соскальзывает к несобственному, чуждому, выдаваемому за свое. Это не только означает, что он может использовать язык для фальши и лицемерия – с тем же успехом это может означать, что человека уводит в данном направлении инерция языка, языковые штампы и стереотипы. Достижение ясности становится, таким образом, требованием не только логико-лингвистического, но и нравственного, социально значимого характера. Однако для его реализации необходимо преодолеть трудности, заключенные в самом языке.

Важной вехой в модификации понимания статуса языка является также витгенштейновская идея «языка как игры» или «языковой игры». В человеческой деятельности слова играют ту или иную роль. Употребление слов в языковом общении значительно сложнее, а роль этих слов в нашем языке иная, чем мы склонны полагать. Витгенштейн отмечает, что в философии «постоянно имеется опасность желать понять смысл выражения, созерцая самовыражение... Как будто смысл – это дыхание, которое слово привносит в каждое свое употребление»³⁶. В его сочинениях проводятся «испытания» таких терминов, как «знание», «оправдание» и «достоверность»: детально описываются приемы и способы использования

³⁵ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. Ч. 1. М.: «Гнозис», 1994. С.15.

³⁶ Там же. С.37.

этих понятий, встречающиеся в повседневной жизни. В результате становится ясным не только то, что именно означает знание, достоверность, оправдание в конкретных практических ситуациях, но также и то, что они имеют другое значение, когда изменяются обстоятельства. Витгенштейн говорит о том, что язык следует изучать тогда, когда он работает, а не тогда, когда он «отдыхает»; это предполагает акцентировку внимания на инструментальной роли языка в человеческой деятельности.

В 1920 - 1940-е гг. американскими лингвистами Эдуардом Сепиром и Бенджамином Ли Уорфом была разработана гипотеза лингвистической относительности, основной идеей которой был вывод на первый план этой инструментальной роли и конкретное рассмотрение того, как она осуществляется. В соответствии с гипотезой лингвистической относительности не реальность определяет язык, а наоборот, наш язык каждый раз по-новому членит реальность, формируя конфигурацию её восприятия и осмысления. Вначале этот взгляд был в общем виде высказан Э. Сепиром: «Люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают; они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества. Было бы ошибочно полагать, что мы можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых частных проблем общения и мышления. На самом же деле «реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом потому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения»³⁷.

³⁷ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Под ред. А.И. Кибрика. М., 1993. С.261.

Десять лет спустя эту мысль продолжил Б. Л. Уорф в статье «The relation of habitual thought and behavior to language»³⁸, где он говорил о том, что каждый язык описывает бесконечное разнообразие опыта с помощью конечного набора формальных категорий (лексических и грамматических). Эти категории, в свою очередь, связаны между собой, они усиливают и дополняют друг друга, являясь суммарной интерпретацией опыта³⁹. Необходимо искать связи категорий, отыскивать их отношения⁴⁰; мы обнаруживаем таким способом совокупность познавательных установок, с которой обращаемся к реальности. Лингвистические категории фиксируют определённый класс чувственных данных; выражающие их термины выступают также как своего рода интерпретации этих данных. К примеру, категория причины, присутствующая в нашем мышлении в языковой форме, ориентирует нас на интерпретацию опыта, происходящих в нём событий, через нее – мы смотрим на события так, что предполагаем, что у них есть какие-то причины. Категория вещи – это тоже ментальная схема интерпретации чувственных ингредиентов в качестве таких, которые сохраняют свое бытие и после прекращения их актуального восприятия. Иначе говоря, категории раскрываются как универсальные онтологические установки. Проблема функций языка включается, таким образом, в контекст философского осмысления предпонимания, предпосылок познания, обнаруживая роль социальных, априорных для индивида рамок мышления, заданных языком. Примечательно, что развитая Б. Уорфом гипотеза лингвистической относительности оказалась популярной не столько в академической лингвистике (относившейся к ней с некоторым подозрением), сколько в смежных областях – в аналитической философии, в

³⁸ Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. MIT Press, 1956. P.134-159.

³⁹ Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.С.189.

⁴⁰ Strawson P. F. Analysis and Metaphysics: An Introduction to Philosophy. N. Y.: OUP, 1992. P.17-28.

культурологических исследованиях. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что проблема роли языка в культуре действительно является не темой лингвистического исследования языка «изнутри», а философской и культурологической проблемой.

В том же направлении двигался в своих работах У. Куайн. Его основной идеей стала мысль о том, что, взяв за основу язык и рассматривая его как «теорию», необходимо сопоставить его с поведением людей. Вопреки классической традиции, Куайн ставит под сомнение определяющую роль как ментальности, так и мира физических объектов для языка. Язык рассматривается как социальное явление: «Фундаментальным отправным пунктом для Куайна стало наблюдение, что язык является социальным умением»⁴¹. Люди, стремясь понять друг друга, вынуждены осуществлять соответствующий перевод, в том числе через обращение к объективной реальности; но какой-то абсолютной основы для такого перевода не существует⁴². Одной и той же линии поведения могут соответствовать различные языки, одной и той же ситуации – различные, и, что важно, построенные на разных принципах высказывания. Бихевиоризм, холизм и эмпиризм являются базовыми принципами, на которых У. Куайн строит свою теорию языка. Принцип эмпиризма в его трактовке предполагает, что наши контакты с внешним миром ограничены лишь поверхностными раздражениями сенсомоторных органов чувств, поэтому любая физическая вещь манифестирует себя только благодаря оказываемому ею сопротивлению и воздействию на наши чувства. Но это означает, что любое правильно используемое и понимаемое слово есть результат (реакция) целенаправленного воздействия (стимул и подкрепление) социального окружения на произнесение индивидом этого слова в обыденных ситуациях. Иными словами, слово отражает не столько объект, сколько социально

⁴¹ 12 ведущих философов современности / Под ред. К. Бэлшоу, Г. Кэмп. М.: АСТ, 2014. С. 129.

⁴² Quine W.V.O. Word and object. MIT Press, 1960. P.40.

детерминированный способ восприятия ситуации – и соответственно транслирует этот способ.

Британский философ-аналитик Джон Остин расширил представления о функциях языка в созданной им теории речевых актов. Дж. Остин разложил речевой акт на три сущности: локутивный, иллокутивный и перлокутивный акты. Локутивным называется собственно акт говорения, или, точнее, произнесения определённых слов (звуков, языковых знаков). Иллокутивный акт осуществляется в ходе говорения, и его сущность составляют намерения, с которыми произносится та или иная локуция. Это может быть вопрос или ответ, информация или предупреждение, объявление приговора или решения, призыв или критика и т.п. Одни и те же локуции, будучи сами по себе нецеленаправленными, могут использоваться с разными целями. Дж. Остин предложил новый термин для обозначения этой характеристики речевого акта – иллокутивная сила. Результат же говорения с целенаправленным намерением влиять на мысли и чувства слушающих Дж. Остин назвал перлокутивным актом или перлокуцией. На примере использования различных глаголов он продемонстрировал различия между тремя сторонами целостного речевого акта. Так, фраза *Он сказал, что...* иллюстрирует локутивный акт, фраза *Он доказывал, что...* – иллокутивный, а фраза *Он убедил меня, что...* – перлокутивный.

Речевой акт, рассматриваемый с точки зрения его языкового состава, – это локутивный акт. Иллокутивным будет речевой акт, рассматриваемый с точки зрения его цели и условий реализации. Наконец, перлокутивным называется речевой акт, рассматриваемый с точки зрения его воздействия на слушающих. Дж. Остин проанализировал три вида результатов, порождаемых иллокутивным актом. Во-первых, осуществление иллокутивного акта подразумевает обеспечение усвоения. Слушающие должны понять значение локуции и иллокутивную силу. Во-вторых, иллокутивный акт воздействует на действительность особым конвенциональным способом, который отличается вмешательством в ход

событий. В-третьих, многие иллокутивные акты вызывают ответную реакцию – ответ или практическое следствие.

Последняя характеристика делает схожими иллокутивные акты с перлокутивами, однако все же необходимо различать действия, вызывающие определённые последствия (*Я приказал ему, и он подчинился*) и действия с определённой перлокутивной задачей (*Я заставил его подчиниться*).

Таким образом, Дж. Остин выдвинул в центр внимания деятельностную, или акциональную, функцию языка⁴³. Неклассическая концепция Дж. Остина обнаруживает языковой уровень активного воздействия на адресата, что позволяет рассматривать способность языка транслировать оценки и программировать действия как особый пласт его функций. Это и становится ключевой интенцией неклассических концепций языка.

Идеи Дж. Остина получили ревизию и развитие в трудах американского логика Дж. Сёрля: монографии «*Speech Acts*»⁴⁴ и ряде статей⁴⁵. Ключ к пониманию структуры речевых актов, по мнению Сёрля, заложен в структуре сознания. Ведь любой речевой акт – это осмысленный звуковой ряд, а осмысленность ему придает именно наложение на него ментальных состояний говорящего. Возможные ментальные состояния, которые можно упаковать в звуки или письмо, предопределяют, соответственно, реестр речевых актов. И даже если ментальные состояния разнообразны, то это не означает, что их нельзя распределить по базовым рубрикам.

Согласно Сёрлю, правильно понятая философия языка должна быть «ветвью философии сознания». И в философии сознания его сначала интересовали именно вопросы, связанные со структурой ментальных состояний. Важнейшей особенностью ментального он признавал

⁴³ Austin J.L. *How To Do Things With Words*. Oxford. Clarendon Press, 1962.

⁴⁴ Searle J. *Speech Acts*. Cambridge University Press, 1969.

⁴⁵ Сёрль Дж.Р., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986.

интенциональность, т.е. направленность на объект, или содержательность. Сущностная корреляционность интенциональных состояний позволила ему выделить два «направления соответствия» между подобными состояниями и соответствующими им объектами: от сознания к миру и от мира к сознанию. Иначе говоря, ментальные состояния либо отражают мир, как, например, убеждения, либо, подобно желаниям, нацелены на вмешательство в него⁴⁶.

Это направление разрабатывалось в трудах английского логика П. Ф. Стросона⁴⁷, а позднее – в многочисленных публикациях американских и европейских философов: Эндрю Р. Сэдока (Andrew R. Sadock), Йенса Олвуда (J. Allwood), Ричарда Л. Ланигана (R. L. Lanigan), П. Коула (P. Cole), К. Баха (K. Bach), Р. Харниша (R. Harnish), Дж. Вершурена (J. Verschueren), а также в работах российских учёных – И. П. Суслова, К. А. Богданова и др. Эндрю Р. Сэдок, например, объясняет природу взаимоотношений людей посредством интуиции и эмоций⁴⁸. А Йенс Олвуд уделял огромное внимание значению (meaning) как когнитивному феномену⁴⁹. И.П. Суслов сформулировал вывод о том, что язык как социально-интерактивная система, система вербального воздействия и взаимодействия включает в себя язык как когнитивно-интерпретированную систему, а последняя включает в себя язык как формальную систему.

История философского и лингвистического осмысления функционирования языка в контексте различных аспектов человеческой деятельности позволяет, на наш взгляд, сделать следующий вывод. Функции языка распадаются на две большие группы: связанные с отражением реальности и выражением знания и связанные с воздействием на слушателя и

⁴⁶ Searle J.R. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge, 1983.P. VII. / Режим доступа: http://web.stanford.edu/~tylers/notes/emotion/Searle_1983_Intentionality_reading_notes_Schnoebelen.pdf

⁴⁷ The Bounds of Sense. L., 1966; Logico-Linguistic Papers. L., 1971; Subject and Predicate in Logic and Grammar. L., 1974; Analysis and Metaphysics. Oxf., 1992.

⁴⁸ Andrew R. Sadock, Conscious Relationship, Wisdom Moon Publishing, 2013.

⁴⁹ Allwood J., Gardenfors P., Cognitive Semantics: Meaning and Cognition, Benjamins, John Publishing Company, 1999.

трансформацией реальности. Если классическая философия рассматривала в основном функции первой группы (хотя, как мы стремились показать выше, проблемы социального воздействия языка в ней были поставлены), то неклассическая все в большей степени обнаруживает значимость второй и стремится зафиксировать её проявления.

Э. Кассирер отчетливо разграничил эти две группы функций, назвав их семантическим и магическим использованием слов. Он отметил, что семантическая функция лежит в основе речи, но в примитивных сообществах магическая функция имеет доминирующее влияние: магическое слово не описывает вещи или отношения между вещами, оно стремится производить действия и изменять явления природы. Э. Кассирер показал, что в XX в. происходит возрождение магической функции. Рассматривая ситуацию в гитлеровской Германии, Э. Кассирер отметил, что внедрение идеологии в сознание людей происходит через язык: изобретаются новые слова, а старые используются в непривычном смысле, ибо их значения претерпели глубокую трансформацию, и стереотипизируются в новых языковых практиках. Слова, которые прежде употреблялись в логическом или семантическом смысле, начали использоваться как магические слова, вызывающие определённые действия и эмоции. «Обычные слова наделены значением; но эти, вновь созданные слова, нагружены эмоциями и разрушительными страстями»⁵⁰.

Магическое использование слов простирается настолько, что в известном смысле язык творит реальность. Власть слова такова, что, используя определённые слова, мы создаем или исключаем из жизни определённые объекты. Один из тезисов современной философии языка можно сформулировать так: «Сказать – значит в определённом смысле создать, сотворить». Например, едва ли не самый распространенный прием политической пропаганды – повторяемое негативное обозначение для некой социальной группы, позиционируемой в качестве «внутреннего врага»;

⁵⁰ Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. М., 1993. № 7. С. 158.

постоянное воспроизводство этого языкового оборота само по себе приводит к тому, что представители такой группы начинают обнаруживаться и «разоблачаться» сообществом. В современной коммуникативной среде во внедрении идеологических реалий и ценностных ориентиров часто ключевым становится найденное и эффективно использованное слово. Отметим с этой точки зрения в современной российской практике, например, позитивное выражение «духовные скрепы» и негативный оборот «иностранные агенты», использованный для обозначения организаций, имеющих зарубежное финансирование.

Таким образом, неклассическая философия акцентирует внимание на формирующих мышление и реальность функциях языка. Обратная сторона этой открываемой неклассической философией сферы функций языка состоит в его способности увести нашу мысль в предусмотренном не нами направлении. Это может произойти помимо нашей воли, в силу природы и особенностей избранного варианта языкового общения, о чём неклассическая философия и предупреждает: «Язык нас очень запутывает, мы постоянно употребляем слова не в том смысле, какой в них вкладывается»⁵¹. Современный человек оказывается перед необходимостью вести постоянную борьбу с «тиранией языка». Неклассическая философия приходит к тезису о линии противостояния языку, ограничения его власти.

Тем не менее, осмысление тиранической роли языка в массовом обществе привело современную философию отнюдь не к обоснованию призывов к «восстанию» против языка. Язык при всех условиях остается важнейшим «местом встречи» человека и общества. Посредством языка человек обретает действительную возможность стать человеком. Язык наряду с моралью, правом, традициями, обычаями и через них формирует человеческие черты, выделяющие род человеческий из природного царства. Но в массовом обществе процесс социализации индивида связан с

⁵¹ Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека (Опыт персоналистической метафизики). Париж, 1939. С.33.

диктатурой языка. Осваивая язык и участвуя в коммуникационных процессах, человек невольно становится пленником ходячих мнений, предрассудков, представлений, усваивает готовые варианты оценок тех или иных общественных явлений. Особый трагизм ситуации состоит в тотальности массового языка, т.е. он охватывает все сферы, все участки деятельности человека.

Проблема воздействия языка на человека, его способ мышления и его поведение рассматривается неклассической и постнеклассической философией на примере использования языка средствами массовой информации (коммуникации). Информировав человека о состоянии мира и заполняя его досуг, СМИ оказывают влияние на весь строй его мышления, на стиль мировосприятия, на тип культуры сегодняшнего дня. Возникнув вначале лишь как технические способы фиксации, трансляции, хранения, тиражирования информации и художественной продукции, СМИ очень скоро превратились в мощнейшее средство воздействия на массовое сознание.

Теоретик французского постмодерна Жан Бодрийяр в очерке «Другой через самого себя» говорит о том, что все мы живем в мире гиперкоммуникаций. Мир превратился в гигантский экран монитора. Информация перестает быть связанной с событиями и сама становится захватывающим событием. Его соотечественник социолог Ги Дебор двадцатью годами раньше, в книге «Общество спектакля»⁵², выступая против фальсификации общественной и личной жизни с помощью СМИ, формулирует идею, согласно которой языком и целью коммуникации в обществе становятся образы, созданные средствами массовой информации.

Именно сфера массовой коммуникации способствует тому, что язык выступает как «генератор социального гипноза»⁵³, попадая под влияние которого, мы начинаем видеть и воспринимать мир определённым образом.

⁵² Дебор Ги. Общество спектакля. Пер. с фр. / Перевод С. Офертаса и М. Якубович. М.: Логос, 1999. С.66.

⁵³ Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1980. С.5.

СМИ в современных условиях являются средой, через которую наиболее сильно реализуется воздействующая на мышление, магическая роль языка.

Слово в массовой коммуникации обладает повышенной важностью. Общеизвестна магия печатного слова и в особенности слова, звучащего по радио или с экрана телевидения. В истории имеется много примеров обмана населения посредством воздействия на массовое сознание. Одной из причин такого обмана является огромная вера людей в газетную, теле- и радиоинформацию, вера в печатное и звучащее слово. Каждый из нас вольно или невольно попадает под воздействие особого аудиовизуального мира, созданного средствами массовой информации. Эффект воздействия СМИ основан на использовании ряда лингвистических и психологических феноменов, в том числе языкового манипулирования.

Манипулирование встречается во многих сферах жизнедеятельности человека. Соответственно оно служит объектом изучения многих наук. В различных областях знаний существует множество определений этого явления. Одной из первых книг, прямо посвященных манипуляции сознанием, была книга социолога из ФРГ Герберта Франке «Манипулируемый человек» (1964). Он дает такое определение: «Под манипулированием в большинстве случаев следует понимать психическое воздействие, которое производится тайно, а следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено. Простейшим примером тому может служить реклама». А изданный в 1969 г. в Нью-Йорке «Современный словарь социологии» определяет манипуляцию как «вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, не раскрывая характер поведения, которое он от них ожидает». В своей книге «Манипуляция сознанием» Сергей Кара-Мурза определяет манипуляцию как вид скрытого духовного, психологического воздействия, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции⁵⁴.

⁵⁴ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2009. С.12.

Исходя из базового определения манипулирования, под языковым манипулированием следует понимать *использование особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого, не осознаваемого адресатом воздействия на него в нужном для говорящего направлении*. Иными словами, когда говорящий посредством использования определённых языковых средств навязывает слушающему определённое представление о действительности, отношении к ней, с той целью, чтобы слушающий не мог бы самостоятельно сформировать свою собственную реакцию на происходящее – в этом случае можно говорить о языковом манипулировании.

Программированно выбирая языковые средства для транслируемых сообщений, СМИ оказывают влияние на человеческое мышление. Именно СМИ, создавая и активно пропагандируя языковые формулы для определения социальных явлений, формируют тем самым стереотипные точки зрения. Человек начинает осмысливать социальную реальность посредством заданных языковых клише; альтернативную точку зрения в силу отсутствия готовых языковых средств ему намного труднее выразить, и соответственно труднее осознать.

В свое время немецкие мыслители анализировали с указанной точки зрения социальную роль радио. Г. Бредов в 20-х годах прошлого века дал определение радио как инструмента воплощения цивилизации (*zivilisatorisches Instrument der Menschenwerdung*), подчеркнув тем самым его значение в процессе влияния на человеческую личность. Бертольд Брехт, стремясь с помощью радио донести до широких народных масс искусство, прежде доступное лишь избранным, разработал теорию радиоискусства. В противоположность этому немецкие социологи Макс Хоркгеймер и Теодор Адорно, критиковавшие в книге «Диалектика просвещения» («*Dialektik der Aufklärung*») «индустрию буржуазной культуры», определяли радио и другие СМИ как инструмент оболванивания масс (*Instrument der Massenver-*

dummung)⁵⁵. После прихода Гитлера к власти, когда радио стало важнейшим средством пропаганды нацизма, появляется книга Г. Экерта «Rundfunk als Führungsmittel» («Радио как орган власти»), а три десятилетия спустя в Германии выходит справочник «Fernsehen und Rundfunk für die Demokratie» («Телевидение и радио на службе демократии»). В обоих случаях радио рассматривается как мощный инструмент, транслирующий заданную идеологию не только явно, но и неявно, через выбор лексических формул.

Магическое воздействие языка, меняя форму, сохраняет свою сущность и увеличивает возможности. Те же механизмы, которые работали в древних обществах в форме табу и заклинаний, сейчас, видоизменяясь, продолжают работать в коммерческой рекламе, политических лозунгах, массовом искусстве. «Вибрации, производимые звуками слова, в сочетании с образом предмета и направлением мысли имеют силу материального, даже физического воздействия»⁵⁶. Когда тот или иной набор звуков постоянно соответствует определённому образу, он сам по себе становится воздействующим фактором. С помощью тех же инструментов поддерживается в современной жизни отношение к популярным логотипам, торговым маркам, задающее некий пиетет уже на уровне восприятия.

Без активного использования магического воздействия языка такая составляющая современной культуры, как реклама, была бы невозможна. Основная цель рекламного текста – привлечь внимание, вызвать интерес и стимулировать сбыт⁵⁷. Но прагматические цели рекламы не выражаются в ней напрямую, они скрыты использованием языковых средств, апеллирующих не к материальным, а к духовным ценностям. Конечно, нельзя не отметить, что реклама чаще всего популяризирует материальный продукт как полноценный заместитель духовного. Однако использование в ней слов и выражений, связанных с важнейшими идеями культуры,

⁵⁵ Theodor W. Adorno, Max Horkheimer. Dialektik der Aufklärung. Fischer-TB.Vlg.,Ffm. Erscheinungsdatum: 2000. S.15.

⁵⁶ Петров Д., Борейко В. Магия слова: Диалог о языке и языках. М.: Прозаик, 2013. С.11.

⁵⁷ Павиленис Р. Проблема смысла: Язык, смысл, понимание. М., 1983.

«духовного оборудования» (П. Флоренский)⁵⁸ культуры – ключевых знаков, образов, слов – оказывает неизбежное влияние и на этот пласт культуры. Культурно ассоциированные идеи составляют «ресурсную базу» рекламы; соответственно повторяющееся их использование в рекламе определённым образом формирует и определённое отношение к этим идеям. Когда реклама эксплуатирует такие слова, как «русская душа», «русский характер», «матушка-Россия» и т.п., это отнюдь для них не безразлично. Когда имеющие национально-культурную значимость знаки, слова и выражения («национальное возрождение», «национальная гордость») становятся языковыми штампами в парламентской речи, в риторике выступлений государственных и общественных деятелей, в социально-политической лексике, они девальвируются, погружаясь в прагматический контекст.

Осознание опасностей, связанных с попаданием адресата рекламного сообщения, сформированного с помощью символически нагруженных терминов, под магическую власть языка, вызывает к жизни попытки общества взять этот процесс под контроль. В Международном кодексе рекламной практики (Париж, 1987)⁵⁹, который лег в основу этических кодексов и законодательных актов о рекламе в большинстве развитых стран, существует запрет вводить потребителя в заблуждение, в том числе и путем использования языка в манипулятивных целях. Но практическое нарушение этого запрета отслеживать очень сложно (в отличие, например, от запрета на использование в рекламе определённых образов), и российская практика в этом отношении очень ограничена. Так что манипулятивные технологии продолжают активно внедряться, и языковое манипулирование средствами

⁵⁸ Макеева Е. Учение о языке как символическом феномене в эстетике В. Соловьева и П. Флоренского [Электронный ресурс] / Макеева Е. - Режим доступа <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Makeeva/> (дата обращения: 26.12.2013)

⁵⁹ Международный кодекс рекламной практики Международной торговой палаты. [Электронный ресурс] / Режим доступа <http://www.advertology.ru> (дата обращения: 11.02.2014)

рекламы и СМИ становится все более изощренным, в том числе и в жизни современных россиян.

Политическая власть также рассматривает язык как инструмент социального манипулирования. Так, процессы централизации и децентрализации власти не случайно часто сопряжены с определённой направленностью лингвистических реформ. Большой контроль над языком означает большой контроль над обществом. Создавая единую лингвистическую норму, власть конструирует взгляды и мировоззренческие позиции населения. И напротив, снижение статуса языка означает перераспределение власти. Например, в современной Украине властные структуры осуществляли активный процесс вытеснения русского языка. Цель выведения его из образования и делового общения состояла в том, чтобы низвести язык до уровня вымирания. Если ему не учат, на нём не пишут и не читают, его удел – удел отверженного. Он может по-прежнему присутствовать в культуре, но будет выполнять крайне ограниченные функции. Язык – это система, стремящаяся к экспансии, к расширению количества участников. Язык тем ценнее, чем больше имеется потенциальных адресатов и собеседников. Конъюнктурные политические манипуляции над языком очень редко бывают эффективными; тем не менее процессы, происходящие в языке, могут не только отражать определённые сдвиги в социальной реальности, но и, как показала неклассическая философия, формировать их.

Магический аспект функционирования языка сильно проявлен также в любой идеологии. Язык идеологии включает комплекс вещественных и вербальных символов. Центрируют систему вербальных символов авторские «языковые формулировки», обладающие сокровенной, эмоциональной силой⁶⁰. Выбор средств, вызывающих соответствующие эмоции, становится

⁶⁰ Ветров С.А. Жажда идеологии: Монография. Омский гос. ун-т путей сообщения. Омск, 2002. С. 192.

источником силы языкового воздействия. Идеологически нагруженное слово будит в коллективном бессознательном ассоциацию или аналогию, которая становится спланирующей идеей. Этому способствует эмоциональность языка идеологии, которая осуществляется посредством прочного увязывания определённых образов с соответствующими терминами – например, термин «тоталитаризм» с марширующими колоннами солдат и демонстрантов.

Ввиду того, что идеология представляет собой совокупность эмоционально насыщенных символов, её язык – это в большей степени язык символов. Символическим смыслом наполнены слова, знаки, языковые формулировки, ритуалы, которые идеологи используют для доведения до сведения общества основных положений своей доктрины. Идеологический символ несет своеобразную информацию, которая не только предоставляет необходимые сведения, но и побуждает к определённым действиям. Например, такие государственные символы, как гимн, герб, флаг, только тогда имеют идеологическое наполнение, когда гимн постоянно звучит на всех торжественных заседаниях, поднятие флага воспринимается гражданами как необходимый ритуал, а герб активно используется в значках и кокардах государственных чиновников, военных и т.д. Иными словами, язык создает идеологический контекст для политического процесса.

Таким образом, в современной коммуникативной среде мы наблюдаем быстрый рост функций языкового воздействия, «магических» функций языка, активно эксплуатируемых специальными практиками. Эта тенденция проявляется во всех обществах эпохи модерна и постмодерна. В российском обществе, которое долго находилось под воздействием языковых практик, порожденных интенсивной идеологизацией социальной жизни, а затем оказалось под влиянием нового спектра факторов – экспансии западной лексики и интонационной системы, массовизации общества, возрастания роли СМИ в общественной жизни, агрессивной рекламы, средства контроля по отношению к которой обществом ещё не до конца разработаны – она может оказаться и особо сильной, и особо опасной. Именно поэтому

обнаружение и анализ магического воздействия языка, осуществленный неклассической философией, имеет принципиальное значение для отечественной философии культуры.

Итак, неклассическая философия разработала, в дополнение к представлениям о базовых функциях языка, тему его преобразующего воздействия на социокультурную реальность. Проявления формирующей роли языка охватывают целый спектр процессов различного уровня – от «вызывания к существованию» новых объектов до политической и экономической лояльности массового сознания. При этом необходимо отметить, что выявление конкретного набора функций языка, из которых складывается его магическое воздействие, а также формирование терминологии для обозначения этих функций не было завершено в философии XX в. и, безусловно, заслуживает специального изучения. В целом можно заключить, что в неклассической философии происходит системный сдвиг от рассмотрения языковых функций, связанных с трансляцией информации, к функциям воздействия языка на личность, общества, культуру.

§ 3. Функции языка как система

Одним из наиболее фундаментальных способов изучения функций языка является их классификация. Научная классификация имеет огромное значение для теоретической и практической деятельности человека. Она организует процесс изучения предметов и явлений окружающего нас мира, дает возможность обнаружить внутренние закономерности, которые определяют развитие и изменение исследуемых предметов и явлений, позволяет более полно характеризовать и предвидеть сущность каждого объекта, исходя из его места в системе. Когда возникает задача обзора, анализа и систематизации некоторого материала, определения последовательности планируемых действий, появляется и необходимость

классификации. Поскольку и материальный мир, и знания о нём динамичны, классификации также не могут быть неизменными, и с течением времени они постоянно уточняются. Прежде чем обратиться к существующим классификациям функций языка, необходимо остановиться на общей характеристике логики построения классификаций.

В наиболее общем определении классификация – это общенаучное и общеметодологическое понятие, означающее такую форму систематизации знания, когда вся область изучаемых объектов представлена в виде системы классов, или групп, по которым эти объекты распределены на основании их сходства в определённых свойствах.⁶¹ Классификация есть не что иное, как деление, относящееся к классам объектов, которые являются предметами изучения той или иной науки. Научная классификация выражает систему законов, присущих отображенной в ней области действительности. В связи с этим деления (точнее, их результаты) постоянно используются в науке, и многие из них имеют непреходящий характер. Правильно составленная классификация служит основой для обобщающих выводов и прогнозов и помогает исследователю ориентироваться в свойствах изучаемых объектов. При этом относительно одного и того же объекта могут существовать разные классификации.

Различие классификаций связано в первую очередь с различием задач, на которые они ориентированы. В частности, разграничиваются естественные и искусственные классификации. В искусственных классификациях, поскольку они предназначены для достижения чисто прагматических целей, группировка осуществляется на основании произвольно выбранных, отдельных, удобно различимых свойств объектов. В естественной же классификации группировка происходит на основании комплекса свойств объектов, выражающих их природу. Целью здесь является понимание существенных признаков, лежащих в основе феноменологии

⁶¹ Новая философская энциклопедия. В 4-х т. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. Т.2. С. 255.

объекта, поэтому в науке используются, как правило, естественные классификации. Примерами таковых могут служить классификация предложений – в лингвистике, животных и растений – в биологии, периодическая система химических элементов – в химии и др. Естественная классификация возникает на основе большого объема материалов наблюдений и опытных данных. В силу этих особенностей естественной классификации отнесение предмета к тем или иным рубрикам дает возможность перенести на него все накопленные уже знания. Когда классификация объединяет в один класс максимально сходные друг с другом в существенных признаках объекты, она является устойчивой и вместе с тем достаточно гибкой, чтобы сохраняться в условиях появления все новых и новых объектов исследования. Такие классификации выступают самостоятельным ресурсом формирования комплекса информации об объекте. Так, они дают возможность прогнозировать существование новых групп или ранее неизвестных свойств объектов, видеть «пробелы» в системе, образуемой уже изученными объектами.

Из истории науки известно, что классификация наиболее эффективна в гносеологическом плане, когда в качестве оснований деления на подклассы в ней используются наиболее существенные и важные в практическом отношении признаки. Но при этом важность признака является не абсолютной, а соотносительной характеристикой, которая зависит от познавательного контекста. Соответственно является правомерным и гносеологически оправданным существование различных классификаций, в зависимости от оснований, по которым они составлены, и от тех целей, для которых они используются. Деление объектов с точки зрения цели, ради которой оно осуществляется, должно представляться в виде некоторой системы, в связи с чем важное значение имеет расположение членов классификационного деления, учет их связей в составе целого.

Таковы общие логические принципы построения классификации. Рассмотрим теперь реализацию этих принципов в исследованиях функций языка.

Наиболее основательные классификации функций языка разработаны, конечно, в языкознании. Базовыми являются исследования Р. О. Jakobsona и А. А. Реформатского.

Р. О. Jakobson для классификации функций прибегнул к модели речевой коммуникации, состоящей из шести компонентов (факторов, элементов) информационного процесса и соответственно выделил шесть функций языка. К указанным компонентам относятся: адресант, контекст, адресат, сообщение, код и контакт⁶²; каждая функция сконцентрирована на каком-либо одном компоненте. При этом шесть функций языка Р. О. Jakobson сгруппировал в три колонки (используя более позднюю терминологию – иллокутивную, локутивную и перлокутивную).

Экспрессивная функция (другое название – эмотивная или функция выражения) ориентирована на адресанта: через эту функцию выражается отношение говорящего к тому, о чём он говорит. Референтивная (функция означивания отрезка действительности) ориентирована на референта (контекст), конативная (функция усвоения информации) – на адресата, поэтическая, где происходит концентрация на сообщении как таковом, соответственно, ориентирована на сообщение, метаязыковая функция – на код, и фатическая – на канал коммуникации. Таким образом, данные шесть функций определяются как установки на шесть элементов коммуникативной ситуации. В описании Р. О. Jakobson просматривается также указание на наличие магической функции, которая представляет собой разновидность конативной функции. Соотношение функций понимается как иерархическое: «Различия между сообщениями заключаются не в монопольном проявлении какой-либо одной функции, а в их различной иерархии. Словесная структура

⁶² Jakobson R. Closing Statement: Linguistics and Poetics. // Style in Language (ed. Thomas Sebeok). New York: MIT Press, 1960. Pp. 350-358.

сообщения зависит прежде всего от преобладающей функции». ⁶³ Список функций, согласно Р. Якобсону, является открытым: появление специфических реализаций языка в силу, например, вариативности элементов ситуации, дает возможность продолжить перечисление функций, но только добавочных, выводимых из основной триады.

А. А. Реформатский выделил следующие три функции, выполняемые языком. ⁶⁴ Это номинативная функция, или функция названия. Эта функция определяется в составе языка на уровне слов, которые могут называть вещи и явления действительности. Далее, язык есть орудие общения и соответственно выполняет коммуникативную функцию. Этой цели служат предложения. А. А. Реформатский также утверждал, что язык может выражать эмоциональное состояние говорящего, волю, желания. В этом состоит экспрессивная функция. Экспрессия может быть выражена разными элементами языка: это могут быть специальные слова – междометия, некоторые грамматические формы – слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, императивы глаголов, особо экспрессивно окрашенные слова и, наконец, интонация. В рамках экспрессивной функции учёный выделил ещё дейктическую (указательную) функцию, объединяющую некоторые элементы языка с жестами. Элементы данной структуры образуют в языке единство, что легко понять, так как предложения состоят из слов. Обратив внимание на их связь, можно заметить, что каждая низшая ступень является потенциально следующей высшей, и, наоборот, каждая высшая ступень как минимум состоит из одной низшей; так предложение минимально может состоять из одного слова, слово – из одной морфемы, морфема – из одной фонемы. В пределах каждого круга языковой структуры имеется своя система, более сложная, чем внешняя механическая упорядоченность (чем,

⁶³ Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против», М., 1975. С.198.

⁶⁴ Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 36-37.

по указанию А. А. Реформатского, и отличается язык как орудие общения от орудий производства).

Итак, рассмотрев базовые разработки классификаций функций языка, можно увидеть, что предметная направленность языковедческих классификаций определяет рассмотрение языка изнутри, с точки зрения внутреннего устройства, механизмов работы этой системы. Для философского, культурологического же взгляда может быть востребована иная классификация, где язык рассматривается как подсистема культуры в целом, и функции языка рассматриваются именно в отношении к общей системе.

Например, в классификации австрийского психолога, философа и лингвиста Карла Бюллера, ориентированной именно на описание функционирования языка в культуре, выделяются следующие основные функции языка: функция выражения, или экспрессивная функция (*Ausdrucksfunktion*), при которой происходит выражение состояния сознания говорящего, формулируются истинные или ложные утверждения; функция призыва, обращения к слушающему или апеллятивная функция (*Appellfunktion*), которая служит для оказания влияния на слушающего, для возбуждения у него определённых мыслей, оценок, стремлений к каким-то действиям; и функция представления, или репрезентативная (экспликативная) функция (*Darstellungsfunktion*), когда один что-то рассказывает другому. Последняя функция, по мнению К. Бюллера, является самой существенной для языка, так как благодаря ей осуществляется коммуникация.⁶⁵ Уже в классификации К. Бюллера очевидна ключевая сложность культурологического подхода: её представляет разделение функций и их определение в отдельности, поскольку в реальном функционировании языка функции, безусловно, переплетаются. Три функции, обозначенные К. Бюллером, по его собственному указанию, явно

⁶⁵ Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.

перетекают друг в друга, а коммуникативная функция на самом деле включает в себя основное содержание первых двух: когда один участник коммуникации что-то говорит другому, он при этом и выражает свое сознание, и оказывает влияние на другого. Как отмечает К. Бюлер, в языке представлена не подлинная реальность, а реальность отфильтрованная, пропущенная сквозь определённый ряд условий и правил, не выходящих за пределы познания субъекта. Всё, что не попадает в них, что находится за ними, является трансцендентным – чужим, не-моим. Граница репрезентации – трансцендентальные условия познания. Репрезентативная функция языка формируется и реализуется на основе индивидуального опыта субъекта. Такая репрезентация всегда субъективна, и о ней поэтому ничего нельзя сказать – разве только то, что она существует и ждёт, когда войдёт в границы трансцендентальных условий познания, чтобы быть представленной в сознании. Репрезентативная функция языка реализуется только совместно с функцией коммуникативной. Коммуникация – это процесс раскодирования содержания используемых слов. Код включает в себя, помимо отрефлексированных структур сознания и языка, структуры анонимные – привычки, сформированные на уровне коллективного бессознательного, культурные стереотипы, оценки, традиции, нормы, каноны. Представители одной нации на основе знания языкового кода выбирают из заложенного в языке множества значений именно те, которые соответствуют данной ситуации – речевому контексту.

Итак, указывает К. Бюлер, язык становится посредником между человеком и реальностью. В нём репрезентируется не «реальность-сама-по-себе», но реальность как языковая конструкция, реальность, пропущенная через закодированные значения. Человек, произнося отдельные слова, вкладывает в них определённый смысл, вернее, эмоциональную смысловую окраску, как бы выражает свое отношение к произнесенному им, как, кстати, и охваченному мыслью. Однако любое проявление чувств также служит для сообщения. В этом смысле эмоциональная функция языка также является

одним из способов реализации более объемлющей коммуникативной функции языка. Таким образом, различными видами реализации коммуникативной функции языка являются сообщение, воздействие, общение, а также выражение чувств, эмоций, состояний.

Таким образом, с точки зрения общих классификационных правил одной из существенных проблем для культурологической классификации функций языка является их разделение. В то же время полифункциональность языка представляется несомненной; соответственно возникает задача выделения небольшого, ограниченного количества функций языка, которые тем не менее достаточно полно раскрывали бы его роль в культуре в целом и имели бы различное содержание в соотношении друг с другом.

Примером соответствующего использования классификационных принципов при движении в культурологическом направлении может служить классификация Е. И. Пассова, где язык рассматривается не как таковой, а как одно из оснований образования. Е. И. Пассов перечислил функции языка не просто с лингвистических, а с образовательных позиций, выделяя познавательную (язык выступает как средство познания, орудие мышления), аккумулятивную (язык как хранитель национальной культуры), коммуникативную (язык как орудие общения, выразитель отношения, эмоций, воздействия и т. п.), личностно-образующую (язык как инструмент развития и воспитания) функции. Учёный сравнивает их с функциями культуры и раскрывает на этом уровне базовую роль языка в культуре, показывая его неразрывную связь с различными составляющими культуры, их содержательную и функциональную близость и единство. На этих принципах он и строит свою классификацию, рассматривая функции языка именно в отношении к общей системе.

В классификации Е. И. Пассова подчеркнута значимость познавательной функции (когнитивной способности) языка, основанной на приобретении и использовании человеком знаний, а также являющейся

инструментом для сбора, переработки, хранения, передачи информации. Язык, являясь основным орудием познания, играет важную роль в осуществлении его процессов и в осмыслении мира⁶⁶. «Язык вбирает в себя и своеобразно преломляет всю совокупность знаний и представлений о мире, “образует”, формирует, воспитывает “родственное внимание к миру” (М.Пришвин), способствует освоению и присвоению этого мира, ”открытию” и созданию себя в нём, побуждает к размышлению над смыслом существования человека на земле»⁶⁷. Несмотря на то, что основная роль среди функций языка традиционно отводится в языкознании коммуникативной функции, Е. И. Пассову представляется, что когнитивная и коммуникативная функции языка, будучи базовыми, являются по отношению друг к другу равноправными и их следует считать взаимодополняющими сущностными характеристиками языка. Общение людей происходит именно с целью познания, получения нового знания о действительности, его обработки, хранения и передачи из поколения в поколение.

Такая оценка когнитивной функции связана с ориентацией классификации Е. И. Пассова на роль, которую язык играет в образовании. Таким образом, на этом примере можно увидеть также, как влияет контекст построения классификации на её содержание. Но поскольку образование, получение знаний – это лишь часть глобальной системы культуры, классификация Е. И. Пассова тоже является лишь одним из возможных культурологических вариантов; соответственно работа по классифицированию функций языка с позиций философского понимания культуры должна быть продолжена.

Ориентируясь на культурологические задачи в составлении классификации функций языка, рассмотрим концепцию У. Стюарта⁶⁸. К

⁶⁶ Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 198, 217.

⁶⁷ Пассов Е.И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования. «Развитие индивидуальности в диалоге культур». М.: Просвещение, 2000. С. 10.

⁶⁸ Stewart, W. A. (1968). A Sociolinguistic Typology for Describing National Multilingualism. // Readings in the Sociology of Language, ed. J. A. Fishman, Mouton, The Hague. Pp. 532-545.

базовым функциям он добавил ещё официальную функцию (использование языка в сфере политики и государственного управления), групповую функцию (использование языка в определённом языковом коллективе, этнической группе), функцию широкой коммуникации (функционирование языка как средства межнационального общения в пределах государства), образовательную функцию (использование языка в системе образования), литературную функцию (использование языка в художественной литературе и науке), религиозную функцию (использование языка в религиозных обрядах и религиозной литературе) и техническую функцию (использование языка для получения научно-технической информации). Классификация У. Стюарта представляется достаточно полной по отношению к выбранному основанию деления; но с точки зрения содержания она, по сути, просто называет сферы культуры, в которых используется язык, и тем самым оставляет пространство для выяснения того, в каком качестве и каким образом он используется.

Отечественный лингвист В. А. Аврорин по-своему конкретизирует исходные принципы классификации и в своей книге⁶⁹ подразделяет функции языка по признаку соотнесенности со средами и сферами общения (межнационального, регионального, хозяйственной деятельности, общественно-политической деятельности, быта, науки, религиозного культа и т. д.). Под коммуникативной функцией языка автор понимает его назначение быть средством обеспечения социального взаимодействия. Это его общая функция. Но различаются и частные коммуникативные функции, так как язык соотносится с разными сферами общения и разным их числом. Язык может обслуживать только одну сферу (например, бесписьменный диалект – только сферу семейно-бытового общения, классический арабский язык в мусульманских странах – только сферу

⁶⁹ Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975. С. 7, 69 – 83.

ритуального общения), но может функционировать и в нескольких сферах общения (как, например, литературный язык).

Однако в классификации В.А. Аврорина сохраняется проблема разграничения функций, поскольку как рассматриваемые им сферы применения языка, так и применяемые в них дискурсы варьируются, вплоть до использования в определённых видах деятельности и общения специфических языковых форм. Например, в сферах хозяйственной деятельности, в быту, в устном народном творчестве, в личной переписке могут использоваться локальные формы существования языка, а в сфере религиозного культа – старописьменный или мертвый иностранный язык (типа древнеславянского или латыни).

Наиболее подробной классификацией, в которой рассматриваются функции языка в культурном контексте, является классификация Чарльза Фергюсона⁷⁰. Он выделил в качестве основной функции языка коммуникативную функцию, или функцию общения, в рамках которой язык используется для передачи информации: язык возник и существует прежде всего для того, чтобы люди могли обмениваться сообщениями.

На втором месте у Ч. Фергюсона стоит когнитивная или мыслительная функция; за счёт нее происходит формирование мышления индивида и общества. Когнитивная функция языка связана с тем, что в знаках языка осуществляется или фиксируется сознание человека. Язык является инструментом сознания, отражает результаты мыслительной деятельности человека. Когнитивная функция языка не только позволяет фиксировать результаты мыслительной деятельности и использовать их, к примеру, в коммуникации. Фиксируя в языке новые для себя понятия, вещи и явления, человек проникает в их сущность.

⁷⁰ Ferguson Charles A. (1968). *Language Development* // Charles A. Ferguson, Thom Huebner. *Sociolinguistic Perspectives: papers on language in society, 1959-1994*, Oxford University Press US, pp 40-47.

В последнее время процесс передачи информации ускоряется – объем информации, производимой человечеством сегодня, огромен. Все гигантские объемы информации, произведенной человечеством, существуют в языковой форме. В результате определяется аккумулятивная функция языка, с помощью которой человечество накапливает и передает информацию как в современности, так и в исторической перспективе.

Всякое осуществление языкового опыта – это прежде всего экспрессия, то есть те эмоции, которые человек вкладывает в сообщение. Таким образом, может быть выделена эмоционально-экспрессивная функция, заключающаяся в том, что язык служит для выражения чувств и эмоций. С помощью языка можно также убеждать, воспитывать, приказывать и т. д. Этому служит волюнтаривная (призывно-побудительная) функция языка, или функция воздействия.

Следующей Ч. Фергюсон выделяет метаязыковую функцию языка, за счёт которой происходит разъяснение средствами языка самого языка. С помощью данной функции человек использует язык как орудие и одновременно объект собственной мыслительной деятельности. Иначе говоря, с помощью языка мы контролируем свое употребление языка и деятельность на основе этого употребления.

Далее Ч. Фергюсон обращает внимание на фатическую, или контактоустанавливающую, функцию языка. Цель сообщения в рамках этой функции – не только установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить, работает ли канал связи, но и наладить психологическую связь между участниками коммуникации для достижения максимального эффекта общения.

Язык также может быть использован и для выражения идеологических предпочтений. Идеологическая функция, по Ч. Фергюсону, заключается в использовании слов, его форм, языковых конструкций для формирования общественного мнения, в использовании языка как средства стандартизации, стереотипизации мышления, сознания, поведения аудитории.

Также учёный упоминает омадательную функцию, которая помогает создавать реальность и контролировать её; номинативную функцию, связанную с потребностью при столкновении человека с новыми для него вещами и явлениями закрепить полученное знание в слове – названии; репрезентативную или, как иначе называет её Ч. Фергюсон, денотативную функцию, которая служит для представления информации; конативную функцию, ориентированную на адресата с целью вызвать у него соответствующую ответную реакцию – она находит свое грамматическое выражение в звательной форме и повелительном наклонении. Немаловажное значение имеет язык в качестве средства выражения творческих возможностей человека. Здесь речь идёт об эстетической функции языка, наиболее полно реализуемой в художественной литературе, особенно в поэзии. И, наконец, завершает модель Ч. Фергюсона аксиологическая функция, в рамках которой язык выступает, с одной стороны, как мерило оценки естественных, социальных и психологических фактов, а с другой, – как предмет оценки собственных качеств.

Предложенная Ч. Фергюсоном классификация функций языка на данный момент является, по-видимому, наиболее полной. В то же время она сохраняет списочный характер построения: функции (безусловно, действительно присущие языку) выделяются одна за другой, и принцип, организующий их последовательность, не до конца прояснен. Также остаются некоторые вопросы относительно самостоятельности выделяемых функций. Например, представляется, что номинативная функция является необходимой составляющей аккумулятивной и может быть рассмотрена как её часть. Иными словами, возникает проблема иерархизации функций, включенных в данную классификацию.

В отечественной философской литературе одна из самых развернутых культурологических классификаций функций языка принадлежит А.В.

Соколову⁷¹. Он выделяет четыре типа прикладных языко-речевых функций, которые реализуются в социальном пространстве и в индивидуально-психическом пространстве: 1) социально-языковые функции (национально-культурная, этнообразующая, функция основания словесного искусства, функция основания искусственных языков); 2) индивидуально-языковые функции (функция развития интеллекта, эмотивная, культурно-нормативная, функция идентификации индивида с группой); 3) индивидуально-речевые функции (функция социализации, мировоззренческая, инструментальная, функция самоопределения и самовыражения); 4) социально-речевые функции (регулятивная, магическая, контактная). Данная классификация представляется одной из самых разработанных, её логические основания в достаточной степени определены и позволяют выделить действительно различные подклассы функций. Но можно указать и некоторые спорные моменты проведенного разграничения. В частности, почему культурно-нормативная функция рассматривается как индивидуально-языковая, а не социальная? Насколько в реальности могут быть отделены друг от друга функция самоопределения и функция идентификации индивида с группой, функция развития интеллекта и функция социализации? Рискнём утверждать, что это одна из неизбежно возникающих проблем разделения функций языка по области (сфере или, как в данном случае, уровню) их реализации: функции, выполняемые языком в различных сферах, оказываются во многом совпадающими *по содержанию* (например, на индивида, малую группу, массовое сознание использование определённых языковых форм оказывает *одно и то же воздействие*), что и ведёт к взаимоналожению выделяемых категорий.

Следует отметить также большое количество источников, где нет полной классификации функций, но названы какие-то отдельные функции

⁷¹ Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. С. 319-354.

языка. Одну из таких моделей предлагает американский психолог Эрик Берн. Он выделяет следующие типы речевого взаимодействия: времяпрепровождение, ритуал, игра и процедура⁷². Соответственно описание характера использования языка в первом случае у Э. Берна в основном совпадает с фатической функцией, во втором – с конативной и идеологической функцией, в третьем близко к коммуникативной функции в её разнообразных формах реализации. Но подробно в классификации Э. Берна рассмотрена лишь коммуникативная функция.

Несколько иначе речевые функции определил М. Холлидей, он выделил семь функций речевого поведения: инструментальную (удовлетворение материальных потребностей); регулирующую (контроль поведения окружающих); взаимодействия (поддержание контакта); личную (самопредъявление); эвристическую, поисковую; воображаемую (внутренний мир); информативную (сообщение новой информации). Очевидна многосторонность содержания и названия речевых функций, отражение разных сторон коммуникативного взаимодействия.

По мнению А. А. Брудного⁷³, в сфере общения ведущей функцией языка является коммуникативная, которая проявляется в четырех своих разновидностях: инструментальная, синдикативная, функция самовыражения и трансляционная. Инструментальная функция является основной рабочей функцией общения, заключающаяся в передаче информации. Близка, но не тождественна инструментальной функция объединения – синдикативная, имеющая своей целью выявление и укрепление общности между людьми в рамках больших и малых групп, направленных на решение социальных задач. Синдикативной функции родственна функция самовыражения, которая ориентирована на взаимопонимание и контакт. Особую роль играет самовыражение в творчестве, т.к. продукт творческой деятельности

⁷² Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений. М.: Лениздат, 1992. С. 9.

⁷³Брудный А. А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1998. С. 91-98.

становится предметом общения между людьми. И наконец, важнейшее значение имеет трансляционная функция общения – функция передачи информации. А. Брудный акцентирует внимание на её значении в обучении. «Эта функция лежит в основе обучения: через общение и происходит обучение личности, как институциональное, санкционированное и организованное государством, так и собственно индивидуальное, неформальное, происходящее в процессе повторяющихся контактов с людьми, способными передавать данному лицу свои знания и навыки»⁷⁴. Отметим, что, несмотря на подробное описание частных проявлений коммуникативной функции языка, А. Брудный по существу раскрывает содержание лишь этой функции.

Вольфганг Дресслер⁷⁵ называет функции, соответствующие уровням языка. Он выделяет функции фонологические, функции морфосемантической и морфотактической мотивации, называя их главными функциями морфологии, лексическую функцию обогащения лексикона (словообразовательный уровень) и функцию предикации (синтаксический уровень).

Перечисленные, а также многие другие частичные классификации функций языка также указывают на необходимость дальнейшего прояснения оснований классификации, перехода от наращивания списка функций языка к изучению их соотношения.

Исследование показывает, что общее количество функций языка, выделенных в разных работах, весьма велико. Однако не всегда удается даже отождествить две сходные функции, упомянутые в разных работах и названные по-разному, поскольку не всегда очевидны основания той или иной классификации.

⁷⁴Брудный А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1998. С.98.

⁷⁵ W. U. Dressler. Word-formation in Natural Morphology in *Studies in Natural Language and Linguistic Theory. Handbook of Word-formation*. Edited by P. ŠTEKAUER and R. LIEBER. Springer 2005. P.267.

На наш взгляд, повышению систематичности философско-культурологического представления о функциях языка будет способствовать группировка этих функций, т.е. переход от их перечисления списочным способом к разделению на подгруппы, каждая из которых включает несколько функций. Логика развития философских концепций языка, изложенная в предыдущих двух параграфах, позволяет выбрать в качестве базового основания классификации следующий принцип:

а) ряд функций языка нацелены на выражение различных сторон объективной и субъективной реальности, которую объединяет статус уже существующей, внеязыковой онтологии;

б) другая часть функций обеспечивает создание или трансформацию существующей реальности.

Иными словами, первая группа функций связана с репрезентацией в языке и трансляцией языковыми средствами *того, что есть* (хранение информации, передача информации, выражение эмоций и оценок), а вторая – с созданием посредством языка *того, чего не было*, вызыванием изменений (в адресате сообщения и в реальности). Выше мы попытались показать, что это ключевое выявленное в философских исследованиях языка разграничение; оно и должно быть положено в основу классификации.

Представленный принцип дополняет наиболее разработанное в описанных выше классификациях «объектное» разграничение функций языка – по тому, *где* или *по отношению к чему* они реализуются. В данном случае использовано деятельностное разграничение, основанное на том, *какое именно действие* совершается посредством языка.

Согласно данному принципу, уже известные функции языка были нами распределены на две группы.

К первой из них относится прежде всего номинативная функция (другие варианты её обозначения – функция называния, репрезентативная, экспликативная или денотативная функция). Человек начинает свое познание с того, что присваивает объектам имена. Это первое условие репрезентации

мира в человеческом опыте: вещи и явления действительности должны быть символически представлены в человеческом опыте, только тогда они существуют для человека. Языку свойственно называть или обозначать не только отдельные предметы, действия, процессы, состояния, качества, признаки и отношения, но и те или иные события как совокупность определённых явлений. Мы обозначили первую группу функций как выражение того, что *есть*; номинативная функция и состоит в формировании базового представления того, *что* есть, рассматривается человеком как существующее в той или иной форме.

Конечно, выделение этой функции является абстракцией. Называние является способом выделения объекта из непрерывного потока событий в реальности, поэтому оно всегда в какой-то степени создает объект. Со временем название прикрепляется к своему предмету, и возникает иллюзия исконности, «природности» наименования, но, как показывает опыт неклассической философии языка, это всегда лишь иллюзия. Тем не менее у названия есть аспект обозначения объективно существующего, и с соответствующей долей абстракции выделение этой функции возможно.

Далее, к этой группе относится ряд проявлений коммуникативной функции языка. Согласно большинству приведенных концепций, это базовая функция, т.к. назначение языка – обеспечивать обмен мыслями через определённую знаковую систему. К её подфункциям относится, прежде всего, информативная, констатирующая или трансляционная функция. Её содержание составляет передача информации как таковой, простое «нейтральное» сообщение о факте, выраженное в повествовательных предложениях. Такая передача является частью разных стилей общения: научного, публицистического, официально-делового, разговорного.

Здесь необходимо сделать ту же оговорку: представление о том, что язык может быть автономным, что слова могут нести значение сами по себе, также является абстракцией. Любая полученная информация предполагает последующий акт общения или внутреннего диалога. В реальности язык

никогда не бывает ни целиком автономным, ни полностью коммуникативным. Точнее было бы говорить о том, что язык обладает относительным весом в пользу той или иной идеализации. Но реальное предназначение языка, выделяемое в этой идеализации, также существует.

Следующая подфункция – эмоционально-экспрессивная, эмотивная, или функция выражения. Человек выражает и может передавать с помощью языка возникающие у него чувства, ощущения, переживания. Эта функция реализуется тогда, когда в сообщении прямо выражено субъективно-психологическое отношение адресанта к предмету речи (интонация, междометия, слова с эмоционально-экспрессивной коннотацией и т.п.). При этом субъективное отношение как бы наслаивается на объективное содержание языковых единиц. Эта функция языка обнаруживается в художественной литературе, ораторском искусстве, в дискуссионной речи, споре, полемике, дружеской беседе, праздничном веселье, песне, опере, театре, просто в повседневной жизни (например, когда уставший человек разговаривает с кем-либо, зевая, используя медленный темп речи, т.е. сообщая речевым единицам эмоциональный фон). Эмоциональная сфера в жизни людей чрезвычайно разнообразна, и на самом деле эмоционально нейтральная, бесстрастная речь встречается не часто. Экспрессивность представляет собой (в общем случае) отображение в содержании языковых сущностей эмотивного отношения субъекта речи к элементам внешнего или внутреннего мира человека, вызываемого в нём при их обозначении. Опять-таки необходима оговорка о том, что сам факт языкового выражения эмоции отчасти воздействует на эмоциональное переживание. Но, как правило, эмоция все-таки первична, что и делает возможной соответствующую абстракцию.

Ещё один аспект экспрессивной функции – передача позиции автора⁷⁶. О её значимости говорит, в частности, такое требование: сигнализируемая экспрессивная интенция автора обязательно должна передаваться при переводе текстов с одного языка на другой, соответствуя стандартам культуры; её неучёт делает перевод неадекватным.

Также к этой группе относится метаязыковая функция. Система языка может объяснять саму себя, истолковывает языковые факты с помощью своих собственных языковых средств, к которым относятся, например, определения, толкования и дефиниции научных понятий, объяснение значений слов непонятных для собеседника. С помощью данной функции человек использует язык не только как орудие, но и как объект собственной мыслительной деятельности. Метаязыковая функция языка обеспечивает также возможность взаимодействия между языками, переводов с одного языка на другой. Именно здесь ярко проявляются возможности взаимной трансляции разных знаковых систем.

В качестве результирующей для данной группы может быть выделена познавательная функция, с которой, на наш взгляд, тесно связана аккумулятивная (накопительная). Большая часть того, что знает человек о мире, приходит к нему с языком и хранится в языковой форме. Язык является готовым классификатором объективной действительности, служит средством сознания, способствует его осуществлению и выражает его результаты. Язык отражает мир и культуру своего носителя. Каждое новое поколение получает с родным языком «комплект» культуры, в котором уже заложены черты национального характера и мировоззрение.

Во вторую часть функций вошли функции, основное содержание которых состоит в создании или изменении существующей реальности.

⁷⁶ Nord C. So treu wie möglich?: Die linguistische Markierung kommunikativer Funktionen und ihre Bedeutung für die Übersetzung literarischer Texte // Linguistik und Literaturübersetzen. T.: Narr, 1997. S.35-59. S.57.

Здесь отправной, видимо, следует считать контактоустанавливающую функцию (другие обозначения – фатическая или функция взаимодействия), которая имеет своей целью создание и поддержание контакта между собеседниками в ситуации, когда взаимодействия ещё нет или уже нет (приветствие, прощание, обмен репликами о погоде т.п.). Например, ситуация, когда кто-либо спрашивает у незнакомого человека о времени, а затем получает ответ. Получается короткий диалог, и, таким образом, язык создает новую ситуацию, в которой два человека уже связаны некоторым отношением. Это необходимое действие: общение с родственниками, соседями, сослуживцами нужно не только для поддержания определённых отношений в микроколлективах, оно важно и для самого человека – для его самоутверждения, реализации как личности. В относительно постоянных коллективах установление и поддержание речевых контактов – важнейшее средство регулирования отношений.

При этом фатика не так проста, как может показаться на первый взгляд. Сегодня многие учёные занимаются вопросом её дальнейшего структурирования. Рассматривая проявления фатической функции в художественном тексте и разговорной речи, Е.Н. Рядчикова выделяет двенадцать опосредованных функций⁷⁷. Являясь частью целого, эта функция служит инструментом вовлечения участника или участников в речевое взаимодействие с целью оказать на этого человека воздействие, изменить в той или иной степени состояние среды, чтобы это изменение вызвало со стороны слушающего ту или иную поведенческую реакцию. В современной культуре фатическая функция языка активно используется в средствах массовой информации, как традиционных, так и электронных. Так, например, в радио- и телепрограммах, построенных по принципу «ток-шоу», в основу которых положен монолог с элементами диалога или диалог-интервью, а

⁷⁷ Е.Н. Рядчикова. Функции фатической речи в художественном тексте и разговорной речи // Форма, значение и функции единиц языка и речи: Материалы докл. Междунар. науч. конф. Минск, 16-17 мая 2002 г.: В 3 ч. Ч. 2. Минск, 2002. С. 192-194.

главной целью является высокий рейтинг, ведущий обязан достичь реализации речевого контакта. При этом традиционная граница между средствами реализации фатической функции в сферах личной и публичной коммуникации размывается. Когда ведущий говорит: «Надеюсь, что информация дня вчерашнего поможет вам лучше сориентироваться в бурном потоке событий сегодняшнего. Счастливо! Напоследок я вам скажу: встретимся завтра в то же время на той же частоте», – это иллюзия более близкого контакта, чем реально существующий. Но данный пример делает очевидной востребованность (и даже самооценку) фатической функции в современном мире.

Следующая функция – регулятивная или конативная – это функция передачи информации, являющейся «руководством к действию». Она направлена на создание, поддержание и регулирование отношений субъектов. Регулятивная функция фиксирует прежде всего те случаи использования языка, когда говорящий ставит своей целью непосредственно воздействовать на адресата: побудить его к какому-то действию или запретить ему что-либо делать, предостеречь от определённого поведения, заставить сделать что-либо (например, ответить на вопрос) и т.д. Различного рода побуждения, просьбы, приказы, предостережения, запреты, советы, убеждения и т.п. имеют весьма обширный арсенал используемых для их выражения языковых средств. Так, обращенную к сыну просьбу не приходить домой поздно мать может выразить непосредственно, с использованием формы повелительного наклонения «Не приходи сегодня поздно, пожалуйста!», может замаскировать её под вопрос «Во сколько ты собираешься вернуться?», а также под упрек, предупреждение, констатацию факта и т.д.; сравним такие высказывания, как: «Вчера ты опять поздно пришел...» (с особой интонацией), «Смотри – теперь рано темнеет», «Метро работает до часу, не забудь», «Я буду очень волноваться» и т.п. Таким образом, конативная функция присоединяется к фатической, выстраивая ситуацию и поведение людей определённым образом.

Одной из самых активных трансформирующих функций является оценочная, или аксиологическая функция языка. Она модернизирует действительность в вербальном образе, управляет сознанием и действием посредством представления схем социального поведения как предписываемых или осуждаемых, в целом задает отношение человека к феноменам описываемого мира и соответственно программирует его деятельность.

Наиболее активное воздействие на адресата осуществляется через лексический уровень языка. Давая вещам эмоционально окрашенные названия, язык одновременно определяет восприятие этих вещей. Высказывание Ж. Вандриеса: «Знать имена вещей – значит иметь над ними власть»⁷⁸ в современном мире может быть интерпретировано так: продуманный выбор имени вещи – это власть над людьми. На современном рынке труда должность, которая называется «дежурный по переезду», привлекает гораздо меньше претендентов, чем «управляющий шлагбаумом» – при тех же профессиональных обязанностях. Таких примеров встречается множество: вместо «секретаря» эффективнее приглашать «помощника руководителя», должность «товароведа» больше востребована под названием «мерчандайзер» и т.д. И в области образования мы наблюдаем за появлением таких новых терминов: дизайнер курсов – разработчик учебных курсов; тьютор – специалист по интерактивному предоставлению учебных курсов; фасилитатор – консультант по методам обучения; инвигилатор – специалист по методам контроля над результатами обучения, и в каждом случае имеет место попытка повысить авторитет деятельности через использование современного и явно имеющего иноязычное происхождение наименование.

Вопросы аксиологического воздействия лексики находят отражение во многих лингвистических исследованиях (Г.Я. Солганик, В.Г. Костомаров и их последователи). Авторы указывают на возможность перехода

⁷⁸ Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес. Пер с фр. примеч. П. С. Кузнецова под ред. и с предисл. Р. О. Шор. М.: Соцэкгиз, 1937. С.36.

аксиологической функции языка на манипулятивный уровень. Так, использование журналистом газеты *The Guardian* глагола *to Kerzhakov* сделало это слово общеупотребительным («кержаковить», т.е. тотально промахиваться). Поводом, соответственно, послужил нападающий сборной России по футболу Александр Кержаков, который во время Евро-2012 нанес серию неудачных ударов в матче с Чехией. Слова и словосочетания, создаваемые с особыми стилистическими целями, являются эффективным способом манипулирования сознанием адресата, т.к. происходит замена информационной составляющей экспрессивно-оценочной, которая усваивается адресатом в ходе понимания содержания даже незаметно для него самого.

Одно из предназначений языка – быть выразителем художественной творческой потенции. В ряде исследований в той или иной форме выделяется эстетическая (поэтическая) функция языка. Эта функция используется прежде всего в поэзии – именно стихотворение может быть не до конца нам понятно по содержанию, но нравиться по форме. Но эстетическая функция занимает большое место и в художественной прозе, и в разговорной речи. Она проявляется через использование образных средств (тропов, фигур экспрессивного синтаксиса), обновление привычного словоупотребления (каламбуры, рифмы). В таких случаях языковыми средствами создается относительно самостоятельный эстетический объект, а язык выступает как инструмент эстетического воздействия на человека. Оно связано с нашим восприятием прекрасного как гармонии между содержанием и формой.

В современной культуре эта функция тоже часто используется для манипуляции, основанной на её способности подсознательно воздействовать на душевное состояние и поведение человека или общества. Например, в рекламе часто используются художественные выразительные средства: сравнение, метафора, повторы, персонификация, антитеза и др. Всё это подчинено основной цели – создать эффект преимущества, уникальности, отличительной особенности товара, выгодно организовать информацию.

Например, *«Роскошные объёмные ресницы – лёгкие, словно крылья бабочки. Новая тушь от Max Factor дарит невероятные ощущения: в три раза больше объёма без утяжеления ресниц»*. В рекламном тексте повторы – это те эмоциональные доводы, которые действуют на адресата независимо от его логики. Поэтому в рекламе часто используются синонимы, тавтологии: *«Совершенно уникален и не имеет аналогов в мире...»*.

Таким образом, мы видим, что не существует какой-то отдельной магической функции языка (которую иногда выделяют, интерпретируя идеи Э. Кассирера); это целый ряд функций, образующих вторую группу. Магическое воздействие языка – это обобщающее обозначение различных проявлений способности языка оказывать планируемое воздействие на аудиторию посредством выбора соответствующих языковых форм. Их перечень можно продолжить.

Одно из самых общих проявлений формирующей деятельности языка заключается в том, что он организует сам процесс мыслительной деятельности человека. Язык имеет свой внутренний строй, и, начав на нём говорить, человек начинает мыслить соответствующим образом. Любопытные свидетельства дают наблюдения над умственной деятельностью полиглотов – людей, умеющих хорошо говорить на многих языках. Они признаются, что в каждом конкретном случае думают на том или ином языке. То есть язык вольно или невольно устанавливает нормы поведения, общения, формирует образ мысли и образ жизни. При формировании мысль опирается на категории и единицы языка. Сама словесная форма мышления служит средством построения мыслей. Вспомним неписаное правило, которого придерживаются студенты при подготовке к экзаменам: *«Не знаешь сам – объясни товарищу»*. Не случайно при реализации в языковой форме достигается лучшее осознание учебного материала: сам процесс вербального оформления даёт ресурсы «достройки» мышления. Таким образом, особая функция заключается в том, что язык

служит средством формирования мысли. Структура языка органически связана с категориями мышления.

Одним из вариантов структурирования группы формирующих функций языка является также описание набора его социальных (общественных) функций. В качестве таковых выделяют, например, индивидуально-речевую (индивидуально-личностную, инструментальную, мировоззренческую), национально-культурную (официальную), межнациональную (интегрирующую), а также этническую. Речь идёт о воздействии языка на собственное поведение говорящего, его самовыражение и мировоззрение (индивидуально-речевая функция), о его значимости в качестве инструмента, создающего видение мира, менталитет (национально-культурная функция). Интегрирующая функция реализуется в действиях общества или государства, направленных на использование языка как основы формирования национально-политических общностей, а также межнациональных объединений. Развитие и распространение языка как средства межнационального взаимодействия в современной культуре также специально стимулируется государствами. Этническая функция означает, что язык объединяет народ как этнос. Этническая функция определяется отношением людей к языку, традициям культуры и национально-языковой политикой, т.е. она создается не только самим употреблением языка, но и отношением людей к языку, его восприятием как части национальной культуры. Консолидирующая роль её тесно связана с разъединяющей, реализуемой при стремлении общности к отделению, при выдвижении ею требования официального признания её языка, создания для нее особой территориально-административной единицы. Таким образом, социальные функции языка – это различные аспекты его формирующего участия в становлении и поддержании социальных общностей и социальных отношений.

Пределным же выражением данной группы функций в целом является функция, обозначенная Ч. Фергюсоном как омадатовная – функция создания

реальности и контроля над ней. Данная функция может трактоваться как самостоятельная, если под созданием реальности мы будем понимать не добавление новых фрагментов к уже существующим реалиям, а порождение новых отдельных миров как особых онтологических феноменов. К таковым относятся, например, миры научных теорий, художественные миры, создаваемые в литературном творчестве, миры социальных идеалов и т.д. Конструирование таких миров в человеческом мышлении было бы невозможно без языкового обеспечения этого процесса.

Таким образом, как мы постарались показать, существует возможность классифицировать уже имеющиеся функции языка, объединив их в две группы, которые мы теперь предлагаем обозначить как «группу репрезентации» и «группу конструирования». Основопологающим при этом выступает принцип разграничения двух процессов: *выражения* в языке различных сфер объективной и субъективной реальности и их *изменения*, трансформации языковыми средствами. На наш взгляд, это позволяет логично соотносить между собой и объединять конкретные функции, а также достаточно полно представить спектр многообразных направлений функционирования языка в культуре.

Краткие выводы по главе 1

Если лингвистические науки чаще всего изучают язык с точки зрения внутреннего строения, организации, динамики языковых форм, то для философии ключевым является взгляд на язык с позиций его социального и культурного бытия. Язык как часть культуры предметно может быть изучен через выделение функций, которые он способен выполнять по отношению к человеку, социальной группе, к науке, искусству, другим явлениям социальной действительности.

Под функциями языка понимается спектр направлений его действия в социокультурной системе, проявлений его влияния, воздействия на

социальные феномены. Функции языка являются его характеристиками, через которые реализуется его роль в культуре.

Классическая философия начала исследовать язык прежде всего как оболочку мышления, дающую возможность закрепления и трансляции его результатов. В качестве первичных в ней рассматривались коммуникативная функция, состоящая в том, что язык служит средством передачи информации, и когнитивная функция языка, связанная с его ролью в приобретении и сохранении информации. Но в классической философии был намечен также более широкий взгляд на язык, с точки зрения которого социальные и культурные процессы не только отображаются и обсуждаются в языке, но и осуществляются в нём, а иногда даже им задаются. Таким образом, в классической философии произошло первичное выделение ещё некоторых функций, в первую очередь функции формирования (как мысли, так и личности), и аккумулятивной функции, связанной с формированием и сохранением культурных традиций. Поскольку указанные функции реализуются не только на уровне общества в целом, но и на уровне локальных сообществ, уже в классической философии возникает также возможность определения активной самостоятельной роли языка в культурных трансформациях.

Для неклассической философии представление о том, что функции языка не сводятся к его инструментальной роли средства отражением реальности и выражением знания, выступает базовой идеей. Философия XX в. уделяет преимущественное внимание функциям языка, связанным с воздействием на слушателя и трансформацией реальности. Проявления «магической» роли языка наиболее ярко выражаются в политической практике, идеологии, рекламе, деятельности СМИ. Обратной стороной реализации формирующего воздействия языка выступает языковое манипулирование, которое может быть определено как использование особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого, не

осознаваемого адресатом воздействия на него в нужном для говорящего направлении.

При достаточно полном выявлении сущности «магического» функционирования языка в современной культуре выявление конкретного набора функций языка, из которых складывается его магическое воздействие, а также формирование терминологии для обозначения этих функций не было завершено в философии XX в. и остается предметом, требующим специального рассмотрения.

Одним из наиболее фундаментальных способов изучения функций языка является их классификация. Лингвистические классификации, как правило, рассматривают функции языка «изнутри», с точки зрения его внутреннего устройства, способа работы этой системы. Для философско-культурологического описания функций языка необходимо рассмотрение языка как подсистемы культуры в целом, выделение функций с точки зрения обеспечения работы общей системы культуры.

Существующие в философско-культурологических исследованиях классификации функций языка встречаются с рядом логических трудностей. Во-первых, представляется неэффективным «списочное» выделение функций языка, при котором каждый автор добавляет к существующим перечням собственные концептуализации, что всегда оставляет открытым вопрос о полноте предлагаемых списков. Во-вторых, часто в различных источниках используются разные терминологические обозначения для фиксации либо одних и тех же, либо совпадающих частично проявлений языка, в силу чего выделяемые функции перекрываются по содержанию. В-третьих, дифференциация функций объективно проблематична, поскольку в реальности они осуществляются всегда в комплексе.

В работе предложено использовать в качестве классификационного принципа идею, которую автор считает ведущей линией в развитии философии языка. Это разграничение двух основных сторон функционирования языка – *выражение* в языке чего-то уже существующего

(хранение информации, передача информации, выражение эмоций и оценок), и *создание* посредством языка того, чего не было, вызывание изменений в адресате сообщения и в реальности. Эти стороны могут быть обозначены как репрезентирующая и конструирующая группы функций языка. Основными функциями первой группы являются номинативная, коммуникативная, эмоционально-экспрессивная, метаязыковая и познавательная функции. Ко второй группе принадлежат фатическая, регулятивная, аксиологическая, эстетическая, мыслеформирующая, омадательная функции и подгруппа социальных функций языка.

ГЛАВА 2. ТРАНЗИТИВНОСТЬ КУЛЬТУРЫ И ТРАНЗИТИВНОСТЬ ЯЗЫКА

§ 1. Понятие и характеристики транзитивного периода в развитии культуры

Современное состояние общества описывается многими исследователями как переходное или транзитивное. Понятие «транзитивный», от латинского «transitus», интерпретируется как «промежуточный», являющийся переходом от одного состояния к другому. Понятие «транзитивной эпохи» употребляют социологи и культурологи, в основном для обозначения переходных стадий в культурно-историческом процессе. Близкими к нему по смыслу понятиями являются: «переходная эпоха (стадия)», «эпоха трансформаций», «эпоха перемен», «сдвиг» и др. Русский язык для более точной передачи терминологического смысла тяготеет к международной (западной) лексике. Это сложившаяся практика в функционировании русского языка для тех случаев, когда звучание синонимичных по основному смыслу слов различно, и в данном случае обращение к ней представляется оправданным. В понятии «транзитивный» корневое значение «транс-» (через) передаёт смысл движения, изменения, преодоления рубежа, а в слове «переходный» основная идея передается приставкой пере-, т.е. семантикой аффикса – некорневой морфемы, и смысловая акцентировка оказывается слабее. Поэтому термин «транзитивный», на наш взгляд, является более убедительным, хотя основное содержание в обоих случаях составляет, конечно, идея перехода.

В самом общем определении транзитивные эпохи представляют собой те «стыки» истории культуры, в которых происходит смена культурно-исторических этапов. Под транзитивным состоянием общества и культуры, как правило, понимаются формы социальных укладов жизни, имеющие явные или скрытые возможности для полного преобразования своей

структуры. Понятие транзитивности является средством осмысления процесса исчезновения старых и возникновения новых социальных структур, форм культуры, всего социально-культурного строя человеческого бытия. В современных социально-гуманитарных исследованиях понятия «транзитивность», «транзитивное состояние», «транзитивное общество» используется как инструмент диагностики текущего состояния социально-культурных процессов, их характера, а также целей и причин этих процессов.

Итак, базовое содержание транзитивного состояния культуры определяется его характеристикой как переходного периода. Поэтому исходным основанием для его рассмотрения является философское осмысление *преобразования* как необходимого момента культуры. Можно показать, что философские концепции различных направлений – в частности, как формационные, так и цивилизационные – содержат эту идею.

Содержание данной идеи у разных исследователей, несмотря на определённые различия в толковании «переходного периода», сводится прежде всего к пониманию того, что процесс преобразования культуры всегда занимает определённое время, а не совершается мгновенно. В состоянии перехода общество, экономика, культура сохраняют существенные характеристики предыдущего этапа и в то же время начинают обретать черты следующего, ещё не наступившего периода. Под «переходным периодом» понимают особые «стыки», которые характеризуются крупными и масштабными преобразованиями, охватывающими все сферы жизни и проявляющими себя в разнообразных переломных моментах. Рассмотрим наиболее разработанные подходы к «переходным периодам», которые представляют для нас интерес.

Истоки систематического исследования переходности принадлежат ещё Гесиоду, который в поэме «Труды и дни»⁷⁹ излагает легенду о пяти

⁷⁹ Гесиод. Полное собрание текстов. / Перевод фрагментов О. П. Цыбенко, вступ. ст. В. Н. Ярхо, комм. О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. (Серия «Античное наследие»). М.: Лабиринт, 2001. 256 с.

поколениях людей и выделяет основные этапы в развитии человечества: золотой, серебряный, медный, героический и железный века. В поэме Гесиода акцентируется внимание на одной важной мысли: меняются не только времена – меняется человеческий род. Первое поколение было создано богами (именно отсюда пошло выражение «золотой век» – период, когда человек был честным, трудолюбивым и жил счастливо), а последующие поколения оказывались всё хуже. Переход от одного периода к другому сопровождался ухудшением качеств как самого человека, так и особенностей его жизни, т.е. Гесиод определяет развитие как путь исторического регресса. Вероятно, поэма Гесиода является исторически первой попыткой передать мироощущение человека, живущего в переходной эпохе, который видит нарастающие изменения и не в силах ни противостоять им, ни их контролировать.

Более активные исследования переходного состояния начались в рамках философского осмысления исторического развития уже в XVIII веке, когда динамика социального развития стремительно возрастала и общество стало предметом рассмотрения с точки зрения определённой последовательности его состояний. Это была эпоха Просвещения, когда особое внимание уделялось изменению сознания самого человека, прогрессу его разума и ряду определённых ступеней, которые этот прогресс проходит; иными словами, в центре рассмотрения философов оказалась не только динамика социальных отношений, но и общая динамика культуры. В эпоху Просвещения в рамках господствующих линейно-стадиальных концепций исторического прогресса рассматривалось развитие семейных отношений, хозяйственной деятельности, собственности, социально-экономических отношений, насилия и принуждения, государства и права. В XVIII в. французский философ-просветитель Жан Антуан Кондорсе писал, что история представляет картину непрерывных изменений, картину прогресса человеческого разума в виде тезиса циркуляции форм правления. В «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума» он формулирует эту

идею: «Если рассматривать развитие с точки зрения результатов относительно массы индивидов, которые одновременно сосуществуют в определённом пространстве, и если проследить его от поколения к поколению, то оно предстанет как картина исторического прогресса»⁸⁰.

XIX–XX века ознаменовались стремительными событиями, которые дали новый толчок к рассуждению о прогрессе и регрессе в жизни общества. Идею прогресса, которую выдвинул Кондорсе, развивали многие философы, прежде всего в рамках немецкой классической философии (И. Кант, Г. Гегель, И. Фихте). Так, И. Кант считал, что основной ориентир развития культуры состоит в том, что «когда-нибудь, не очень скоро, человеческий род достигнет наконец того состояния, когда все его природные задатки смогут полностью развиваться и его назначение на земле будет исполнено»⁸¹. Обратим внимание на слова «не очень скоро»: переход к будущему состоянию является, по И. Канту, достаточно длительным процессом.

Новые аспекты данной идеи раскрывал и Карл Маркс, полагавший, что человечество идёт ко всё большему развитию производства. Суть своего видения развития человеческого общества К. Маркс выразил следующим образом: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще... На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с

⁸⁰ Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 2010. С.82.

⁸¹ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т.6. С. 23.

существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции»⁸². Революции, в ходе которых одна общественно-экономическая формация сменяет другую, для марксизма являются не менее важной фазой в развитии общества, чем периоды устойчивого функционирования социальных систем.

В философии XX в. постепенно усиливались идеи, связанные с осознанием духовных опасностей переходного состояния. Оценивая идеологию ожидания светлого будущего и веры в него, испанский философ Х. Ортега-и-Гассет дает её критическую оценку: «Поскольку люди позволили этой идее затмить им рассудок, они выпустили из рук поводья истории, утратили бдительность и сноровку, и жизнь выскользнула из их рук, перестала им покоряться»⁸³. Вера в наступление светлого будущего, как считает Х. Ортега-и-Гассета, расслабляет людей в борьбе с реальным злом; для улучшения будущего нельзя терять опасения насчёт него. О том же пишет и К. Поппер, критикуя «историцизм» и «провиденциализм»: «Историцизм сводит наши действия до уровня морали человека, вдохновленного гороскопом и мечтами и пытающегося вытянуть счастливый билет в лотерее». «Если мы думаем, что история прогрессирует или что мы вынуждены прогрессировать, то мы совершаем такую же ошибку, как и те, кто верит, что история имеет смысл, который может быть в ней открыт, а не придан ей. Ведь прогрессировать – значит двигаться к некоей цели, которая существует для нас как для человеческих существ. Для «истории» это

⁸² Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.13. С. 6-8.

⁸³ Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. М., 1991. С. 73.

невозможно. Прогрессировать можем только мы, человеческие индивидуумы»⁸⁴.

Альтернативой теориям прогрессивного развития общества являются в истории философии концепции циклического круговорота, ограниченности исторической динамики развитием локальных культур и цивилизаций. Так, Н. Макиавелли доказывает цикличность смены государственных образований. Государственное развитие у большинства народов следует от монархии через олигархию к республиканскому правлению, которое также уступает место единовластию. «... Разрушив владычество олигархов и не желая восстанавливать монархию, люди вводили у себя народное правление, учредив у себя такой порядок, чтобы ни аристократы, ни монарх не имели и в нём никакой власти. Так как всякий государственный порядок пользуется вначале уважением, то народное правление могло некоторое время существовать, впрочем, недолго, пока не угасло основавшее его поколение; затем быстро водворялась полная распущенность, где ни частные, ни общественные люди не внушали никому никакого почтения, так что всякий жил по-своему и все наносили друг другу тысячи обид. Тогда, побуждаемые необходимостью или советом какого-нибудь умного человека, люди во избежание такого беспорядка опять обращались к монархии и от нее снова постепенно возвращались к распущенности тем же путем и по тем же причинам.

Таков круг, в котором вращались и вращаются правления всех республик, однако они редко возвращаются к тому, из чего вышли, потому что в них редко сохраняется столько жизненной силы, чтобы пройти, не погибнув, несколько раз этот круг. ... она должна будет вращаться в этом круге бесконечное время»⁸⁵.

⁸⁴ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т.2. С.311-322.

⁸⁵ Н. Макиавелли. Сочинения. М.; Л., Academia, 1934. Т. 1, Н. Макиавелли. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия (под редакцией Н. Курочкина, 1869) Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Ростов н/Д: Изд-во Феникс. 1998, С.155-158.

В данном фрагменте всё состояние общества предстает как затянувшийся переходный период, время перемен, которое стало постоянным измерением культуры.

Аналогично Джамбаттиста Вико пытается обнаружить основные ступени человеческой истории и говорит о смене века звериного веком героев, затем веком людей и новым циклом. «Естественное Поступательное движение, совершаемое нациями, можно проследить в единообразном постоянстве этого движения вперед во всех многочисленных обычаях Наций на основании деления на три века, соответственно этому делению нации всегда проходят через три вида Природы, из этих трех видов Природы вытекают три вида Нравов, из трех видов Нравов вытекают три вида Естественного Права Народов, соответственно им устанавливаются три вида Гражданского состояния Государств и т.д.»⁸⁶. Для Вико основополагающим принципом развития общества является единство всеобщей истории, его особый круговорот, циклический повтор одних и тех же состояний, чередование этих кругов на протяжении довольно долгого времени и повторение этих циклов на новой основе.

Концепция Г.В.Ф. Гегеля представляет собой своеобразное сочетание линейно-восходящего и циклического образа истории человечества. По Гегелю, история представляет собой самодвижение мирового духа, который преследует свои цели и ведёт человечество в конечном счёте к воплощению в ней Духа. По Гегелю, история, как и вся действительность, является царством разума: всё происходит согласно разуму, Мировому Духу (Weltgeist). Но поскольку Дух действует в царстве истории через избранные им орудия – индивиды и народы, то любая нация, как и индивид, переживает свои «звездные часы» в истории, у каждого народа есть своя миссия, реализуя которую, он уходит со сцены, чтобы уступить дорогу более молодой нации. Конечной целью исторического развития, по Гегелю,

⁸⁶ Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. Киев: Из-во REFL-book, Москва: Ирис. 1994. С. 377.

является достижение истинной свободы: «Всемирная история есть прогресс в сознании свободы, – прогресс, который мы должны познать в его необходимости»⁸⁷. Подчеркнём и здесь идею возобновляющегося изменения, центр которого перемещается от одного народа к другому.

Итак, согласно Макиавелли, Вико, Гегелю, Гердеру и другим сторонникам идеи диалектической спирали, история человечества развивается кругообразно: народы проходят периоды детства, юности, зрелости и старости и покидают сцену мировой истории; далее всё повторяется сначала. Таким образом, социальная и культурная история видится как бесконечное превращение. Переходность составляет универсальное содержание социокультурного бытия.

Идея переходности еще усиливается в сочетании с представлением о дискретном характере истории. Сторонниками таких взглядов являются Ж.А. де Гобино, Г. Риккерт, Н.Я. Данилевский, в трудах которых доказывается временность существования культурно-исторических индивидов, неминуемость их гибели и появление на смену им новых. «Только народы, составлявшие эти культурно-исторические типы, были положительными деятелями в истории человечества; каждый развивал самостоятельным путем начало, заключавшееся как в особенностях его духовной природы, так и в особенных внешних условиях жизни, в которые они были поставлены, и этим вносил свой вклад в общую сокровищницу... Так как ни один из культурно-исторических типов не одарен привилегией бесконечного прогресса и так как каждый народ изживается, то понятно, что результаты, достигнутые последовательными трудами этих пяти или шести цивилизаций, своевременно сменявших одна другую, ...должны были далеко превзойти совершенно уединенные цивилизации...»⁸⁸. Анализируя ход мировой истории, Данилевский определяет, что историческое развитие – это не

⁸⁷ Г.В.Ф. Гегель. Лекции по истории философии. СПб.: Наука, 1993. С. 72.

⁸⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа./Составление и комментарии Ю.А. Белова/ Отв.ред. О.Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С.110.

линейный, а дискретный процесс, который необходимо рассматривать как последовательно сменяющие друг друга «культурно-исторические типы». Отдельный такой «культурно-исторический тип» развивает только ему свойственные, самобытные основы. Данилевский в качестве оснований самобытности «культурных» типов выявляет четыре возможных фактора: религиозный, политический, культурный и социально-экономический. Также он отмечает, что существуют первичные культурно-исторические типы, где в развитии ещё отсутствует доминирование одного из перечисленных начал, одноосновные и двухосновные культурно-исторические типы. Особыми «зонами переходности» в этой концепции оказываются как периоды определения культурно-исторических типов, в начале оформления их основанности, так и возможные фазы формирования «гибридных» культурно-исторических типов, имеющих два и более оснований.

Особое внимание наличию промежуточных периодов между явно оформленными историческими этапами, отличительным чертам таких переходных периодов, механизмам их осуществления и мировоззрению населения в эти периоды уделяли О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, П. Сорокин, связывавшие начало рождения культуры с особенностями ландшафта, пространства, природных характеристик и выводившие законы, по которым происходила смена одной фазы развития культурного типа другой. История общества ими понималась как волнообразное движение культуры, которое подчиняется внутреннему ритму и законам. Именно в трудах данных исследователей впервые специально выделяются для рассмотрения особенности не только культурных этапов, но и транзитивных периодов, даются характеристики, подчеркивающие системный характер транзитивности, где учитываются не только особенности механизмов внутреннего социального исторического развития, но и особенности изменения внешних условий – различных ритмов и циклов, их взаимовлияния и взаимодействия. О. Шпенглер пишет, что культура есть главная основа любой цивилизации. «Каждая культура проходит возрастные

ступени отдельного человека. У каждой есть свое детство, своя юность, своя возмужалость и старость»⁸⁹. По мнению Шпенглера, за полным расцветом культуры следует период цивилизации, который и является переходом культуры в иное состояние. Иначе говоря, Шпенглер не считает, что существует транзитивный этап при переходе от культуры к цивилизации, а рассматривает саму цивилизацию как эпоху транзита – переход живой культуры в некое инобытие. «Ибо у каждой культуры есть своя собственная цивилизация. Впервые эти оба слова, обозначавшие до сих пор смутное различие этического порядка, понимаются здесь в периодическом смысле, как выражение строгой и необходимой органической последовательности. Цивилизация – неизбежная судьба культуры»⁹⁰.

Вслед за Шпенглером А. Дж. Тойнби полагает, что цивилизации проходят этапы возникновения, роста, надлома и разложения. История развития общества при таком подходе делится на историю довольно самостоятельных, имеющих специфические особенности цивилизаций, которые возникают и исчезают, пройдя определённые этапы своего существования. Движущей силой развития цивилизаций, по мнению А. Дж. Тойнби, выступает деятельность людей. Особую роль при этом играет творческое меньшинство. Тем не менее, оно исчерпывает свой потенциал, и цивилизация распадается. Распад цивилизации носит, по мнению Тойнби, универсальный характер и заканчивается её полным вымиранием. Учёный видит внутри самой культуры в качестве перехода от этапа к этапу период формирования «ответа» на «вызов», бросаемый человеку либо социальными противоречиями, либо природой, либо другими цивилизациями. Субъективным содержанием этого периода является процесс формирования творческого меньшинства и внутреннего пролетариата, в результате действия которых и происходит смена одного состояния культуры другим, что тем

⁸⁹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М: Мысль, 1993. С. 265

⁹⁰ Там же. С. 163.

самым влечет за собой рост цивилизаций. «Когда мы наблюдаем человека или человеческое общество в ситуации Вызова-и-Ответа, мы замечаем устойчивую тенденцию к перемещению из одного поля действия в другое. Наличие или отсутствие этой тенденции позволяет судить о наличии или отсутствии роста, ибо если посмотреть на процессы более внимательно, то мы убедимся, что невозможно назвать пример Вызова-и-Ответа, где действие имело место исключительно в одном поле. Даже в тех ответах, которые на первый взгляд кажутся всего лишь завоеванием внешнего окружения, всегда можно заметить элемент внутренней самодетерминации, и, наоборот, всегда существует какой-то выплеск действия наружу, если само действие направлено внутрь. В то же время, если серия Вызовов-и-Ответов стимулировала рост, это предполагает, что в каждом последующем круге Вызова-и-Ответа влияние действия на внешнее поле понижается, а действие на внутреннее поле оказывается решающим в ходе борьбы»⁹¹. Таким образом, в концепции А. Тойнби содержится трактовка транзитивного периода как сложного взаимодействия объективных и субъективных факторов.

Ещё более детально исследует внутреннюю интенцию культуры к транзитивности в своем труде «Социальная и культурная динамика» П.А. Сорокин. Он доказывает наличие волнообразного развития культурных суперсистем от идеациональной к чувственной суперсистеме и их обратного движения. Скачок от одного этапа к другому происходит через идеалистическую культуру, которая сочетает в себе элементы обеих суперсистем. Сначала это сочетание может быть эклектическим, а затем, возможно, оно становится более согласованным, и, наконец, начинают преобладать элементы новой суперсистемы. Сорокин утверждает, что «настоящий кризис представляет собой лишь разрушение чувственной формы западного общества и культуры, за которым последует новая

⁹¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. Айрис Пресс, Москва, 2002. С.192.

интеграция, столь же достойная внимания, каковой была чувственная форма в дни своей славы и расцвета»⁹². Таким образом, социокультурный кризис XX в. связан с исчезновением чувственной культуры и возникновением в её недрах новой. Идеи П.А. Сорокина отразились в синергетическом мировоззрении, в рамках которого происходит анализ не только природных, но и социальных, экономических и культурных процессов. Согласно этой теории, система для того, чтобы войти в новое состояние, сначала должна утратить свою устойчивость, став наиболее чувствительной к внешним или внутренним воздействиям. Рождение и формирование сложных систем происходит по причине смены друг другом периодов устойчивости и неустойчивости. Неустойчивые состояния системы внешне выглядят хаотическими, однако этот хаос не является признаком крушения системы, а определяет начало установления нового этапа. Этот момент представляется важным для понимания транзитивного периода развития культуры. Именно здесь «неявное ядро» позволяет феноменам культуры жить и быть ощущаемыми, узнаваемыми, понимаемыми, и соответственно влиять на процесс перехода.

Итак, в наиболее общем определении транзитивная культура – это *культура, в течение определённого исторического времени находящаяся и остающаяся в состоянии преобразования, трансформации*. В философской классике определяется устойчивая линия именно такого рассмотрения социального бытия; особо выделяется цивилизационный подход (в широком смысле), с точки зрения которого вся история культуры предстает непрерывным процессом трансформации.

В современных философско-культурологических исследованиях отмечается, что в настоящее время переходный характер культуры определяется по нескольким основным направлениям⁹³:

⁹² Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С.432.

⁹³ Федотова М.Г. Модели означивания социальной информации в транзитивном обществе. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2012. 125 с.

- переход от фазы индустриального общества к постиндустриальному (Д. Белл) или информационному (Е. Масуда) этапу развития, т.е. от капиталоемкого к наукоемкому производству, где основным ресурсом становится не энергия, а информация;

- переход от культуры модерна с её установкой на постоянное обновление производства, активной политической жизнью и идеологией личного успеха к культуре постмодерна, характеризующейся «игрой» с уже состоявшимися культурными достижениями (Ж. Бодрийяр), принципиальной многовариантностью культурной деятельности, поддержкой наряду с магистральными альтернативных, периферийных культурных форм, разнообразных меньшинств и национальные особенности, поиском форм совмещения актуальных и традиционных ценностей и мозаичностью возникающего в результате жизненного мира;

- переход к новым моделям распределения собственности, «революция менеджеров» (Дж. Бернем), т.е. отделение управления от собственности и превращение управляющей позиции в самостоятельный ресурс, определяющий уровень контроля;

- переход к новым формам государственного устройства и взаимодействия государства и гражданского общества, ключевой из которых становится появление на исторической арене «антиципаторной» (О. Тоффлер) или «электронной» демократии, формирование в информационных сетях «электронного политического пространства»⁹⁴, обеспечивающего новые способы влияния общества на принятие властных решений;

- изменение соотношения сил и влияния различных стран, регионов, культурных центров на мировой арене.

Все эти процессы – утверждение техногенного типа развития, становление «суверенной демократии», появление стандартов «общества потребления», перестройка нормативных и ценностных ориентаций,

⁹⁴ Омеличкин О. В. Электронная демократия: понятие, проблемы // Вестник КемГУ. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2014. № 1 (57). Т. 2. С. 86 – 89.

виртуализация культуры – характерны для современной России, что дает основание утверждать, что характеристика современной российской культуры как транзитивной отражает её сущностные свойства.

В современных исследованиях отечественных философов, посвященных понятию транзитивности, наметилось также направление разработки этого термина в отношении его уточняющего ограничения, придания ему более специального смысла по сравнению с классической традицией, по существу, отождествляющей его с общим процессом социокультурной трансформации или модификации.

Чаще всего в поисках такого ограничения подчеркивается, что в качестве транзитивного состояния должна рассматриваться не вся социокультурная динамика, а только промежуточные периоды между относительно устойчивыми состояниями – при том, что и в рамках устойчивых периодов преобразования происходят. Это точка зрения развита, в частности, в работе А. Н. Данилова⁹⁵. М. Г. Федотова также подчеркивает, что базовая трактовка понятия «транзитивность» заключается в представлении его как промежуточного состояния. «Период существования транзитивного общества ограничен промежутком между двумя фазами динамической стабилизации».⁹⁶ Она пишет: «Основная сложность исследования транзитивного общества состоит в необходимости анализировать крайне динамичный момент перехода, во время которого всё ещё действуют системные закономерности предшествовавшего этапа общественного развития и вместе с тем начинают формироваться закономерности новой общественной системы»⁹⁷. Ключевой здесь представляется акцентировка на «динамичном моменте перехода»: состояние

⁹⁵ Данилов, А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации. Минск: Университетское, 1997. 431 с.

⁹⁶ Федотова М.Г. Модели означивания социальной информации: монография / М.Г. Федотова. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2012. С.34.

⁹⁷ Федотова М.Г. Транзитивное общество: новые смыслы переходности // Аспирантский вестник Поволжья. 2010. № 1 – 2. С. 86.

транзита – это период между двумя состояниями культуры, точка бифуркации в её развитии. Данное определение является отправной точкой также у Е.А. Тюгашева, который пишет, что «пункт транзита» – это «соединяющее и промежуточное звено между смежными обществами»⁹⁸.

Вместе с тем необходимо отметить, что данного направления уточнения термина придерживаются далеко не все авторы. Так, В.Б. Агранович считает, что для славянских стран, в том числе и для России, «характерен транзитивный тип общества, т. е. постоянный переходный период, вызванный к жизни природными особенностями, социокультурными обстоятельствами, спецификой исторической судьбы»⁹⁹. Иными словами, она продолжает рассматривать транзитивность в более широком смысле, считая её скорее общей особенностью культуры, чем состоянием, в котором культура оказывается. При таком подходе даже рассмотрение социальной структуры на первый взгляд стабильного общества через призму начала, способного нарушить его равновесие и способного привести к кардинальному переустройству имеющихся в нём социальных, экономических, политических, правовых и иных отношений, позволяет определить его как транзитивное.

На наш взгляд, возможен вариант трактовки понятия транзитивности, частично совмещающий оба подхода. Он заключается в определении транзитивности как состояния культуры, *задерживающейся* в переходной фазе между двумя формами социокультурной организации и в течение определённого исторического времени не осуществляющей однозначный переход к одному из состояний. Возможно, это наиболее узкая из всех предложенных трактовок, поскольку понятие транзитивности связывается не просто с промежуточной фазой, а с *затягивающейся* промежуточной фазой, в

⁹⁸ Тюгашев Е.А. Философия и право в транзитивном обществе: гендерная перспектива // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2001. С. 15.

⁹⁹ Агранович В. Б. Инновации в транзитивном обществе: социально - философский анализ: Дис.. к. филос. н.: 09.00.11. Томск, 2007. С.5.

которой формируется и обретает устойчивость собственный вариант переплетения черт и проявлений различных периодов, т.е. сама промежуточность *стабилизируется*.

Это позиция может быть поддержана обращением к характеристикам содержания переходного периода в посвященных транзитивности исследованиях. Большинство авторов считают главной из этих характеристик *множественность вариантов* социального действия, сопряженную с одновременным присутствием в нормативном поле культуры различных ценностных ориентаций. Например, в работах социолога А.Д. Шопенко¹⁰⁰ указывается, что одним из главных черт современного общества является отсутствие осознания его переходности, с одной стороны, и асинхронности правовых, социальных и экономических процессов, с другой: во всех перечисленных сферах одновременно действуют различные нормативные стандарты, формы организации, «правила игры». В частности, для транзитивных систем права характерны принципиальная неполнота правового поля, отсутствие средств регулирования уже возникших форм деятельности, наличие в системах права устаревших норм, которые реально перестают применяться. Если же говорить не о транзитивном праве, экономике или политике, а о транзитивной культуре, то данная характеристика принимает вид параллельно происходящих на протяжении всего промежуточного периода процессов: воспроизводства культурных норм и ценностей, присущих прежней эпохе; утверждения культурных норм и ценностей наступающей фазы развития культуры; возрождения традиционных для данной культуры норм и ценностей, в том числе архаичных; формирование определённой устойчивой формы сосуществования и переплетения этого набора норм и ценностей.

¹⁰⁰ Шопенко А. Д. Социальные риски транзитивного общества: Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2011.

Возникновение последнего и позволяет, на наш взгляд, говорить о *культуре транзита*.

К примерам проявления такого наложения различных норм и ценностей культуры, одновременно действующих и расширяющих свое действие, можно отнести, например, ряд противоречий, связанных с положением религии и церкви в современном мире. В современной общественно-политической обстановке получает распространение религиозный экстремизм в качестве составляющей политического экстремизма, нередко при зарубежной поддержке, – нарушения территориальной целостности России, свержения в отдельных регионах государственной власти, навязывания клерикальных порядков. Обнаруживается, таким образом, отчетливая тенденция возврата к архаике, поддерживаемая в современной культуре различными социальными силами и с существенно различными целями.

Проявлением социально-мотивированного стремления вернуться к традиционным ценностям является также усиливающаяся поддержка религии на государственном уровне. Религия сегодня оказывает существенное влияние на социально-политические ценности, играя важную роль в сфере политических символов. Но сохраняется, во-первых, двойственное отношение религии и власти – с одной стороны, официально государство сохраняет светский характер, с другой стороны, демонстрируется его сближение с церковью – например, позиционирование представителей власти во время православных церемоний. Наблюдается картина возрождения национально-патриотической идеологии под эгидой православия. Отмечаются случаи прямого вмешательства религиозных деятелей в политические события на стороне тех или иных политических сил. В настоящее время некоторые священнослужители — сторонники как власти, так и оппозиции — участвуют в политических собраниях и уличных митингах, со страниц печати призывают голосовать за политически близкие им движения. Существует также противоречие между определением статуса

России как многонационального и соответственно поликонфессионального государства и политикой, определяющей православие как основную религию. Примером может служить постоянное отражение в средствах массовой информации православных праздников, которое делает их неизменным фоном жизни даже для атеистов, при явно уступающем освещении праздников иных конфессий.

М. Г. Федотова указывает, что одним из важнейших свойств транзитивной культуры выступает проектность¹⁰¹ – сознательное проектирование социальными субъектами будущего состояния, к которому движется общество. Множественность и параллельное присутствие в культуре различных ценностных ориентаций проявляется также в конкуренции образов предстоящего или желаемого будущего, обращающихся в смысловом пространстве культуры.

Эта идея позволяет, на наш взгляд, уточнить временные характеристики «затянувшегося» состояния переходности, которые мы связали с фазой транзита. Если в истории сообщества и локальной культуры на место одних глобальных ориентиров развития приходят другие и начинается деятельность по их освоению и поиску путей к ним, можно говорить о фазе транзита, но не о транзитивном состоянии. Если же на протяжении определённого периода отсутствует доминирующее определение основного направления, в котором предстоит двигаться обществу, возникает транзитивное состояние, в рамках которого формируется транзитивная культура.

Именно это состояние наблюдается в современном российском обществе. По данным Левада-центра¹⁰², при ответе на вопрос «Каким государством вы хотели бы видеть Россию в будущем?» 31 % опрошенных выбрал вариант «Государством с рыночной экономикой, демократическим

¹⁰¹ Федотова М.Г. Транзитивное общество: новые смыслы переходности // Аспирантский вестник Поволжья. 2010. № 1 – 2. С. 90.

¹⁰² Демократия – на свой лад? // Аргументы и факты. 2016. № 3 (1836). С. 2.

устройством, соблюдением прав человека, подобным странам Запада, но со своим собственным укладом», 24 % – «Государством с совершенно особым устройством и особым путем развития», 10 % – «Социалистическим государством с коммунистической идеологией»; 27 % при этом указали, что им всё равно, какой тип государства будет в России, 3 % предпочли «Империю, монархию, какой Россия была до 1917 г.», а 5 % затруднились ответить. Иными словами, спустя тридцать лет с начала перестройки в обществе по-прежнему отсутствует доминирующее представление о том, какова же конечная цель трансформации общества, а среди образов будущего в достаточной степени представлены «заявленная», «предыдущая» и «архаичная» модели.

При этом транзитивность «умножается» тем обстоятельством, что современное общество, как было сказано выше, находится в состоянии перехода не по одному, а по нескольким направлениям – от индустриализма к постиндустриализму, от модерна к постмодерну, от тотальности к техногенной демократии и т.д.: в каждой из этих сфер определяется значительный разброс ориентаций, связанных с проектированием оптимального будущего состояния. Как показывает Н. И. Мартишина¹⁰³, и для истории российской культуры, и для сегодняшнего российского общества характерно сложное переплетение сциентизма и антисциентизма, технократизма и антитехнизма, в том числе на уровне практических решений. То же касается и демократического устройства общества: модели либеральной и суверенной демократии в России конкурируют в общественном сознании уже на протяжении достаточно длительного времени, и т.д.

В результате вместо динамической стабилизации общества на пути выбора средств для установленных целей происходит его относительная

¹⁰³ Мартишина Н. И. Экзистенциальная критика науки в философии: основания и направленность // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Вып. 27. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2012. С. 31 – 40.

стабилизация в самом состоянии переходности. Сама транзитивность оказывается новым видом социально-культурных отношений. Динамическое развитие жизни общества требует переосмысления понятия «стабильность»: оказывается, что может существовать не только стабильность определённого уклада, но и стабильность неопределённости. Неустойчивость становится всё более всеобъемлющей характеристикой современной жизни, но вместе с тем из общественных ожиданий уходит даже ожидание устойчивости, допущение её реальной возможности. Во всех сферах социального бытия формируются временные схемы, отражающие их неустойчивость, и эти схемы постепенно превращаются в самостоятельную, воспроизводящуюся структуру социальных взаимодействий. При этом множественность ценностных ориентаций превращается до некоторой степени в самоподдерживающийся процесс: как показывают П. Бергер и Т. Лукман, «сам плюрализм ... способствует подрыву традиционных определений реальности»¹⁰⁴.

Когда продолжительность этого состояния становится сопоставимой со сроками социальной активности поколения, формируется транзитивная культура как *совокупность форм деятельности, позволяющая существовать в состоянии переходности*. Условно говоря, ядро транзитивной культуры образуют привычка социальных субъектов «жить в эпоху перемен» и выработанные ими способы приспособления к этой жизни.

Итак, рассмотрев различные теории, можно выделить функциональное и сущностное определение транзитивности. Первое определение может быть представлено в различных формах, но оно всегда приходит к констатации того, что транзитивное общество – это социальная система, имеющая переходный характер, и конкретизирует, между какими именно социальными формами осуществляется переход. В противоположность этому сущностное определение должно быть направлено на выявление критериев, позволяющих

¹⁰⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Московский философский фонд «Academia-Центр» «МЕДИУМ», 1995. С. 204.

оценивать то или иное общество как находящееся в переходном состоянии. Базовые сущностные определения были ориентированы на фиксацию скрытого или явного преобразования социальной системы сквозь призму какой-либо одной сферы социокультурного целого (экономики, политики, права и т.д.). Такие определения позволили обнаружить, что, во-первых, существуют различные типы транзитивных обществ, а во-вторых, что наличие многообразия этих форм обусловлено различием не только действующих в них сил, но и преследуемых ими целей. Транзитивная культура же возникает при относительной стабилизации общества в состоянии взаимного наложения затягивающихся переходных процессов, и в этом плане данный термин интегрирует в себе различные параметры транзитивности.

§ 2. Языковые корреляты транзитивных процессов

В предыдущем параграфе было показано, что современная российская социальная реальность может быть представлена как состояние общества, задерживающегося в фазе транзита. В этой связи современная российская культура может, в указанном выше аспекте, характеризоваться как транзитивная.

Поскольку язык является «домом мышления» и основной средой, в которой протекают все культурные процессы, трансформации культуры происходят в единстве с трансформациями языка. Соединение этих двух линий изменения имеет двоякую направленность: с одной стороны, новые факторы развития культуры приводят к языковым изменениям; с другой стороны, новые языковые явления способствуют распространению культурных трендов, втягивают в их осуществление всё новых субъектов, в целом поддерживают и в результате усиливают культурные процессы. Данный раздел работы посвящен выделению по крайней мере некоторых

моментов языковой трансформации, поддерживающих процессы, характерные для транзитивного состояния российской культуры.

Транзитивное состояние культуры предполагает постоянно длящуюся перестройку её внутренней конфигурации, что ведёт к повышению уровня смешения и взаимопроникновения тех её сфер и слоев, которые, возможно, оказались бы разделенными в обычном состоянии культуры. Прежде всего это проявляется в принципиальном усилении процессов межкультурного влияния. Наиболее заметным фактором, обуславливающим этот процесс, в современном мире выступает глобализация. Это понятие, введенное в качестве термина социально-гуманитарной сферы исследований около 1985 г. американским социологом Р. Робертсоном, означает рост влияния факторов международного уровня воздействия на социально-культурные процессы в различных странах и, соответственно, изменение протеканий этих процессов в рамках каждой локальной культуры под внешним воздействием¹⁰⁵. Глобализация имеет технико-производственную, экономическую, информационную, политическую, социальную и другие составляющие. В качестве основных культурных процессов, происходящих в рамках глобализации, И. Г. Владимирова выделяет: ослабление роли привычек и традиций, социальных связей и обычаев; возникновение глобального единомыслия в оценках некоторых социальных и культурных явлений (например, убежденность в универсальной значимости демократии или рыночной экономики); распространение транснациональных и ведущих общую информационную политику средств массовой информации, а также массовой культуры и искусства; развитие академической мобильности и трансграничных форм дистанционного обучения; ослабление контроля национальных государств за воспроизводством «человеческого капитала»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Что такое глобализация? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.univer.omsk.ru/omsk/socstuds/glob/index.html> (дата обращения 25.01.2015).

¹⁰⁶ Владимирова И. Г. Глобализация мировой экономики: проблемы и последствия [Электронный ресурс] // Менеджмент в России и за рубежом. 2001. № 3. – Режим доступа: <http://www.cfin.ru/press/management/2001-3/10.shtml> (дата обращения: 10.10.2015).

Наиболее очевидным проявлением глобализации является распространение по всему миру унифицированных канонов организации и содержания культуры. В современной практике это в первую очередь американская культура, в связи с чем критики глобализации указывают, в частности, что глобализация в современных условиях – это американизация мировой культуры¹⁰⁷. А. И. Шендрик считает, что глобализация – это распространение западной культуры в широком смысле: «Глобализация утверждает культурную экспансию как единственный способ культурного взаимодействия. Она реанимирует принцип европоцентризма, возвращает нас к тем временам, когда «свет цивилизации» несли конквистадоры и авантюристы всех мастей, воодушевленные идеей абсолютной ценности европейской культуры и совершенства европейского образа жизни»¹⁰⁸. Вместе с тем глобализация создает условия, при которых точно так же может распространиться по миру и созданное в других странах – например, одним из проявлений глобализации является мода на восточную культуру (японская и китайская кухня, китайский Новый год и символы каждого года, восточные единоборства и т.д.). На волне взаимного знакомства культур характерные для локальных культур мифы и религиозные представления, традиции и праздники, суеверия и доктрины, формы хозяйствования и предметы материальной культуры и т.д. распространяются далеко за пределы их первоначального формирования. Проблема в том, что «волна глобализации» может подхватить далеко не самые удачные и не самые значимые в масштабах каждой культуры продукты деятельности, а их обращение в глобальных процессах нередко трансформирует их сущность до неузнаваемости (например, некоторые марки одежды или мебели, идеология которых в странах-производителях является идеологией стандартных,

¹⁰⁷ Stiglitz J. Globalization and its Discontents. London, 2002.

¹⁰⁸ Шендрик А. И. Глобализация в системе культурологических координат (начало) // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. (С. 59–71). С. 70.

массовых, доступных благ, в странах с более низким уровнем развития потребительского рынка становятся символами достатка и успеха).

Процесс глобализации приводит к общим языковым процессам, протекающим на их фоне: в национальные языки проникает большое количество лексики из других языков, а определённая часть заимствованной лексики становится международной терминологией и в дальнейшем сразу интегрируется национальными языками в этом качестве. Данный процесс отмечается лингвистами как необходимый: «Глобализационные процессы, происходящие в настоящее время в мире, объективны и неизбежны, а лексические заимствования являются их неотъемлемой частью. Наибольший наплыв иноязычных заимствований ощущается обычно в периоды бурных социальных, культурных и научно-технических преобразований. Такими были татаро-монгольское иго, период христианизации Руси, время петровских преобразований, богатое революциями начало XX века. Подобный же революционный период начался на постсоветском пространстве примерно в 1987 г. и длится по сей день»¹⁰⁹. Для русского языка характерна смена основных каналов заимствования, связанная с изменением направленности основных культурных контактов. Так, в период формирования православной культурной традиции существенным являлось византийское влияние и усвоение соответствующей лексики, татаро-монгольское завоевание оставило свой языковой след, петровская эпоха принесла с собой значительное количество немецких и голландских слов, а «галантный век» – многочисленные заимствования из французского. Показательны и тематические тенденции в заимствовании: если к греческому и латинскому языкам часто восходит научная лексика (планиметрия, космос, парадокс), то из татарского языка происходят многие слова, связанные с кочевым бытом (караул, кибитка), из немецкого – ряд профессионально-технических терминов (слесарь, стамеска), а из французского и итальянского

¹⁰⁹ Дронсейка Р. П. Интернационализация лексики русского литературного языка начала XXI века // Вестник ОмГПУ: Гуманитарные исследования. 2015. № 2 (6). С. 35.

– термины, связанные с искусством (балет, жанр). В полном соответствии с этой логикой, в эпоху глобализации основным источником заимствований становится английский язык. Из него в последние десятилетия пришли в русский язык практически все компьютерные термины (блог, файл, гаджет), значительное количество спортивной лексики (тайм, рекордсмен), экономических понятий (дефолт, маркетинг), названий новых или изменившихся профессий (мерчендайзер, риэлтор) и их профессиональных терминов (пресс-релиз, стартап), и т.д. Кроме того, в соответствии с ролью этих культур в мировых глобализационных процессах, существенным становится влияние восточных языков – японского, китайского, корейского, из которых тоже заимствуются термины, отражающие специфические для данных культур продукты деятельности, получившие распространение во всём мире (суши, бонсаи, манга, кимоно и т.д.).

Значение этого процесса определяется выработанным в философии языка и культуры общим пониманием того, что «изменение состава языка влияет на познавательные функции. Так, обучение новым словам, обозначающим цвета, влияет на различение оттенков, а словам, обозначающим время – на восприятие времени»¹¹⁰. Вместе с понятиями приходят не только новые блюда или технические новинки; с ними приходят определённые системы практических действий (фэн-шуй), организационные структуры (аутсорсинг), жизненные стратегии (дауншифтинг). Не всегда они органично соединяются с уже существующими укладами; в результате возникает общая эклектичность культурной среды, в которой одновременно существуют огромное количество оснований, атрибутов и ориентиров деятельности, каждый из которых изначально предстает как относительный и ограниченный временными рамками.

Не только сама по себе лексика, но и другие характеристики языков, проникающих в российскую культуру извне, могут оказывать на него

¹¹⁰ Бородитски Л. Как язык формирует мышление // В мире науки. 2011. № 5. С.18.

трансформирующее воздействие. О.А. Донских пишет: «Язык является в речи в определённых интонациях. Эти интонации сильно различаются в разных культурах. Уже по интонационному рисунку мы можем легко отличить нашу речь от речи на иностранном языке. Может быть, самое опасное – это то, что интонационное упрощение, искажение производства и восприятия речи снижают уровень мыслительной деятельности, связанный с нашим языком»¹¹¹. А, например, современными СМИ активно заимствуется темпоритм речи, характерный для английского языка (в американском варианте). Люди говорят невнятно, произносят слова очень быстро, в их речи наблюдается потеря музыкального, интонационного и орфоэпического строя русского языка. Мелодика русской речи с его мелодичностью звуков исчезает, что приводит к утрате самобытности языка. Даже в речи ведущих средств массовой информации и на театральных подмостках замечается высокая скорость речи. Как отмечает филолог Ю. Шатин: «Ориентируясь на западные, часто англоязычные шоу, ведущие восприняли скорость речи западных шоу-менов. Дело в том, что английский язык не обладает таким богатством интонаций, как русский, поэтому он быстрый. Такая скорость для русской речи губительна – интонации не прослушиваются и не проговариваются»¹¹².

Большое количество иноязычной лексики, используемой в профессиональных сообществах подчас для обозначения самых простых явлений и действий («менеджер по клинингу»), вносит свою лепту в развитие системы «символического производства», в котором слова создают иллюзию чего-то большего, чем реально стоящие за ними процессы. М. Кронгауз в этой связи обращает, например, внимание на насыщение сверх всякой меры спортивных репортажей специальной терминологией, придающей происходящим событиям (например, спортивной игре, которая, по существу,

¹¹¹ Донских О. А. Где изысканность русской медлительной речи? // Высшее образование в России. 2013. № 10. (С. 69 – 77). С. 76.

¹¹² Шатин Ю. Спасать русский язык не надо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nsk.aif.ru/culture/culture_art/110720 (дата обращения 15.02.2016).

всё равно игра) вид сверхважного и доступного лишь специальной оценке действия¹¹³; как правило, такая терминология заимствуется из иностранной спортивной лексики. Значение слова выходит за рамки информации, содержащейся в его понятийном определении, оно не исчерпывается и контекстом практического применения. Символическое значение слова отсылает к культурным смыслам, а не к объективной реальности. Человек создает и пользуется символическими системами (культурой) в форме языка и других «символических посредников». К Бёрк употребляет термин «символического действия», обозначающий систему коммуникации, основанную на символах. В своей теории символического действия он утверждает, что основным отличием человека от животного служит рефлексивный уровень символизации, выстраивание символической системы. Благодаря рефлексии человек выстраивает отношения с внешним миром. Но парадокс языка заключается в том, что человек подразумевает и оперирует понятиями, которых не существует. Символизм выступает в качестве парадоксального пути «единения» человека и реальности (вещей) на уровне сознания. Очевидно, что само символическое по преимуществу и является языком; именно из него возникают субъект и объект в процессе взаимодействия¹¹⁴. По существу, смена устоявшихся значений означает смену мира, в котором мы живем. Значения нам заданы заранее как определения (дефиниции), однако только их понимание задает нам широту видения и возможные направления к действию. Это предполагает наше личное отношение к значениям, их согласование с существующими ситуациями, что уже требует их переинтерпретации. Более того это и есть переопределение ситуации действия и одновременно экстернализация новой дефиниции и т.д. Таким образом, в социальном взаимодействии мы имеем

¹¹³ Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва: Москва: Знак, 2007. С. 52 - 53.

¹¹⁴ Burke, K. Language as symbolic action: Essays on life, literature, and method. Berkeley: University of California Press, 1966. Pp.53-54.

дело не с объектами, а с дефинициями объектов (т.е. с символами) и интерпретируем их в определённом языке (т.е. посредством символов).

Для языка массовой коммуникации в современном обществе характерно качественное и количественное усложнение конкретных сфер речевой коммуникации. Язык СМИ изобилует различными отклонениями от норм, жаргонизмами и иноязычными заимствованиями. Общеизвестна подмена понятий для манипулирования общественным сознанием. Столь же общепринятой практикой в языке СМИ является употребление эвфемизмов. К. Аллан и К. Бэрридж трактуют эвфемизм как «выражение, используемое в качестве альтернативы не предпочитаемому выражению с целью избежать возможной потери лица: либо говорящего, либо аудитории, либо какой-то третьей стороны»¹¹⁵. Эвфемизмы нередко маскируют суть явления, вуалируют его. Примерами эвфемии может быть употребление словосочетания «либерализация цен» вместо «повышения цен», «конфронтация» вместо «противостояния», «несатисфакбельная пресса» вместо «желтой, бульварной», «нейтрализовать» вместо прямой номинанты «убить», использование в медицине латинских эквивалентов для более комфортной коммуникации с адресатом и т.п. Такие заимствования направлены на смещение эмоциональной доминанты высказывания с целью скрыть, завуалировать понятие. Таким образом, общей тенденцией изменения языка в транзитивной культуре следует признать возрастание его символической составляющей, растущий разрыв языка и «первоначальной» реальности.

Следующей общей тенденцией транзитивной культуры является усиливающееся дробление социума на локальные группы, сообщества, которые воспринимают и позиционируют себя в качестве выделенных социальных субъектов. Внешне эта тенденция противоположна

¹¹⁵ Allan K. Linguistic meaning. London, New York: Routledge & Kegan Paul, 1986. P.86; Burrige K. Political correctness: euphemism with attitude // English Today- 1996. Vol.12, No.3. Pp.42-49.

глобализации, но на самом деле является её оборотной стороной. Как отмечает В. Ж. Келле, глобализация, создавая и делая очевидным для социальных субъектов риск утраты элементов собственной культуры, в своем обратном влиянии стимулирует целенаправленную борьбу за сохранение и возрождение таких элементов¹¹⁶. В условиях транзитивной культуры разрушается единство крупных социально-культурных общностей; соответственно усиливается тенденция к объединению на уровне социокультурных общностей среднего и малого уровня: звучат призывы к консолидации профессиональных сообществ с целью защиты своих интересов, активизируются этнические общности, региональные движения. Например, транзитивные периоды в новейшей истории российской культуры традиционно отмечены апелляциями к особости исторической судьбы и культуры Урала, Сибири и других регионов; применительно к современной России Л. С. Докучаев выделяет в качестве составляющей идеологического спектра «новый регионализм» – идеологию и стратегию элит, направленную на перераспределение властных компетенций между центром и периферией¹¹⁷. Языковой поддержкой консолидации отдельных сообществ с неизбежным их выделением, хотя бы в некоторой степени, из общего культурного пространства, становится использование и акцентировка собственных языковых средств.

Базовыми формами этих языковых процессов являются формирование и развитие необходимой профессиональной терминологии, использование естественно сохраняющихся местных диалектов и в целом существование специфической лексики в объеме, соответствующем реальным потребностям групп. Но в транзитивной культуре потребность в локальной интеграции как восполнению недостающего глобального единства закономерно ведёт к

¹¹⁶ Келле В. Ж. Процессы глобализации и динамика культуры // Знание. Понимание. Умение, 2005. № 1. С. 69–70.

¹¹⁷ Докучаев Д.С., Назукина М.В. «Элитарный» регионализм в России: проблема взаимоотношений власти и интеллигенции (на материале Пермского края и Ивановской области) // Интеллигенция в современном обществе. 2013. С. 19.

искусственному усилению такой лексики, акцентировке различий. Например, различие между московскими и петербургскими «бордюром» и «поребриком», «подъездом» и «парадной» усилиями СМИ превратились в «визитные карточки» городов. Необходимые профессионализмы в речи также активно обрастают профессиональным сленгом, одна из функций которого состоит в отделении от «непосвященных», выведении их за рамки коммуникации¹¹⁸. Очень часто такой сленг не просто отступает от норм языка, но связан с их нарушением. Примером может служить распространенное явление перестановки ударений в словах при их профессиональном использовании. Например, медики произносят: рОженица (правильно – рожЕница), новорОжденный (вместо новорождЕнный); шприцЫ (правильно – шпрИцы); это едва ли не самый простой способ минимальными средствами отмежеваться от речи непосвященных, выделить круг профессионалов. К этому же разряду принадлежит неправильное употребление языковых средств торговыми работниками, которые предлагают нам различные кремА (вместо крЕмы), договорА (вместо договОры), оплату «наличкой» (вместо наличных средств) и т.д. А также: «дать отмашку» – из языка спорта; «отслеживать завод» – из речи военных; «озвучить список» – из речи работников радио и кино; клишированная фраза из официально-деловой речи: «Объект закончен строительством» – этот штамп пришел из лексики застройщиков, а в общелитературном языке смысл фразы передается по-другому: «Строительство объекта закончено». Представляется, что в данном случае мы имеем дело не просто с речевыми ошибками, а с неявными поисками языковых средств отмежевания от «дилетантов», позиционирования своей группы как обладающей особыми

¹¹⁸ Давыдова, М. Л., Филимонова Н. Ю. Юридический жаргон как средство профессиональной коммуникации юристов / М. Л. Давыдова, Н.Ю. Филимонова // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. / Под ред. М.В. Антонова, ИЛ. Честнова; предисл. Д.И. Луковской, Е. В. Тимошиной. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014. - Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права. С 512-523.

знаниями и навыками. Но эти тенденции вносят свой вклад в размывание норм литературного языка.

Особо следует отметить в данной связи культурное значение специфической лексики поколений. В транзитивной культуре социальные реалии существенно меняются каждое десятилетие, если не чаще. Соответственно складывается молодежный жаргон, сохраняемый потом людьми определённого возраста; у людей, которые всего на несколько лет моложе, уже другие любимые словечки. Приведем обозначения «хорошего» и «плохого» в разные десятилетия. «Хорошо» на молодежном сленге в 70-е гг. звучало – «отпад, улетно, драйв»; в 90-е – «ништяк, клево, круто, классно»; в 2000-е гг. – «прикольно, кайфово, уматно, угарно», а в 2010-е – «супер, гуд, зер гут, нормуль, кул, жаксы, люто, ОК, айс, няшно, космос». «Плохо» на языке молодежи 70-х гг. выражалось словечками «труба, облом», в 90-е – «фигня, стремно»; в 2000-е гг. – «порожняк, жесь», а 2010-х – «не айс, фейк, фейл, неора». Другим примером может служить употребление Интернет-сленга: «лайкать» – «положительно оценить что-либо», «тормозить» – «замедленно реагировать», «имэйл» – «электронная почта», «личка» – «приватное сообщение», «логиниться» – «входить в систему под определённым именем пользователя», «ник» – «псевдоним, прозвище» и др.

Некоторые из сленговых слов и выражений с течением времени настолько приживаются, что переходят в общеупотребимую речь. Иногда какое-то словечко становится языковым маркером года, как это произошло недавно с популярным мемом «Карл», опять-таки отделившим «посвященных» в его происхождение от «непосвященных». Языковая дифференциация поколений является общекультурным процессом, но в транзитивной культуре разрывы между поколениями и тенденция к отрицанию опыта предшественников выражены сильнее, и язык это поддерживает и усиливает: в нём тенденция к созданию и подхватыванию новых слов в «своем кругу» начинает преобладать над стремлением к использованию общепонятных языковых средств.

Таким образом, языковые процессы в транзитивной культуре поддерживают и усиливают социальную дифференциацию. С точки зрения личности этот процесс может быть описан также как затруднение в формировании своей идентичности. В условиях, когда социально-культурные общности являются нечеткими, их границы меняются, происходит их переобъединение по признакам, ранее казавшимся второстепенными, человеку сложнее соотнести себя с определёнными социальными группами и идентифицировать в соответствующем качестве. Между тем фундаментальная потребность чувствовать себя не просто индивидом, а частью сообщества (Э. Фромм определил её как «потребность в «мы»») требует реализации. Согласно Э. Фромму, «Необходимость единения с другими живыми существами, приобщенности к ним является настоящей потребностью, от удовлетворения которой зависит психическое здоровье человека»¹¹⁹. Э. Фромм выделяет несколько путей для достижения такого единения. Человек может обрести единство с миром, примыкая к отдельной личности, группе, организации, Богу. Таким образом, он становится частью чего-то большего, нежели он сам. Потребность в таком акте является универсальной; но в транзитивной культуре происходят, как было сказано, процесс слома границ между социальными группами и встречный процесс их активного обособления, зачастую лишь символического. В этих условиях высока вероятность выбора человеком искусственной формы такой идентификации (примыкание к какому-либо неформальному течению), а также превращения такой локальной идентичности в доминирующую (т.е. человек воспринимает себя не как русского или студента, а как «эмо»). В неформальных сообществах принят свой язык, свои темы, свои способы коммуникации, и осваивая и начиная применять этот язык, человек дистанцируется от внешнего широкого социокультурного мира.

¹¹⁹ Фромм Э. Здоровое общество / Перевод Т. В. Банкетовой. М.: Аст, Хранитель, 2006. С.16-17.

Итак, можно выделить, в качестве характерного для транзитивной культуры языкового процесса, проявляющуюся в многообразных формах языковую дифференциацию, которая поддерживает дробление на локальные субкультуры и размывание культурной общности на макроуровне.

Третьей по счету тенденцией, дополняющей унификацию социально-культурных групп в рамках глобализации и встречное движение к обособлению локальных социально-культурных групп, социальных коллективов, движений, в том числе и на языковом уровне, выступает тенденция к перемешиванию традиционных социальных групп и слоев. В стабильном существовании культуры они, как правило, занимают определённые места и воспроизводятся в соответствующих границах. В транзитивной культуре они становятся экстраординарно подвижными¹²⁰, выходят за рамки привычных сфер бытия. Соответственно зоны действия культурных норм, ценностей, стандартов социального поведения, в стабильных культурах четко разграниченные, начинают пересекаться. В результате взаимопроникают и смешиваются и соответствующие языковые практики.

Одним из наиболее наглядных примеров того, как это происходит, является проникновение лагерно-тюремного жаргона и «бандитской» лексики в язык российского общества. Уже А.И. Солженицын саркастически заметил, что вернувшийся из путешествия на «Архипелаг ГУЛАГ» не чувствует особой разницы – в привычных ему выражениях обсуждают свою жизнь попутчики, студенты, интеллигенция. Примечательны примеры, которые он приводит в качестве образцов лагерной лексики: «с ходу», «всю дорогу», «по новой»¹²¹ – в современной России это практически

¹²⁰ См.: Миграции в трансформирующемся обществе: аннотированный библиографический указатель литературы, изданной в странах СНГ 1992–1999 гг. / Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ; Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии; Л.Арутюнин и др.; отв. ред. Ж.Зайончковская. М.: Комплекс-Прогресс, 2000.

¹²¹ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918 – 1956: Опыт художественного исследования. Ч. III –IV. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 430.

общепринятые, хотя и просторечные выражения. Распространение «языка зэков в языке воли»¹²² имело предпосылкой пересечение большого числа человеческих судеб, в той или иной форме, с лагерным «архипелагом» в соответствующий период российской истории. Аналогично вторым периодом экспансии «бандитской» лексики, во многом совпадающей с «тюремной», были в российском обществе 90-е годы XX в., когда большие массы людей занимались бизнесом, неизбежно попадавшим в сферу внимания или контроля криминальных сообществ. В результате такие выражения, как «зачачка», «откосить», «разборка», тоже перешли из узкоспециализированного оборота в массовое словоупотребление.

Опасность здесь видится всё в том же направлении влияния: усваивая язык криминального или тюремного сообщества, люди усваивают и отраженную в языке принятую в этой среде систему взаимоотношений, ценностей, стереотипов поведения. В современном российском обществе даже дети знают, что значит «забить стрелку» или «поставить на счётчик»; это не означает, что они уже готовы к внедрению этих схем действия в собственную практику, но то, что становится языковой нормой, в определённом смысле санкционируется и в качестве нормы социального действия – или, по крайней мере, барьер перед таким действием в некоторой степени снижается. В целом, как отмечает Л. П. Крысин¹²³, огрубление речи является одной из значимых тенденций в речевых практиках современного российского общества. И этот процесс коррелирует с растущей жесткостью социальных отношений.

Размывание границ между различными языковыми контекстами может оказываться деструктивным не только для культуры, но и для самого языка. П. Вайль и А. Генис проследили с этой точки зрения историю распространения мата, который, по их оценке, примерно до 60-х гг. XX в.

¹²² Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918 – 1956: Опыт художественного исследования. Ч. III –IV. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 558.

¹²³ Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М., 1996. С. 142 – 185.

занимал четко ограниченную «нишу» в культуре, затем проник в литературу (первой «официальной» публикацией они считают книгу Ю. Алешковского «Николай Николаевич»)¹²⁴, затем в СМИ (в годы перестройки это стало нормой), в сферу публичных выступлений, в различные жанры художественного творчества и т.д. В настоящее время приняты ограничительные меры, но уже существенно снижены культурные барьеры, ограничивающие использование обценной лексики в быту (например, запрещающие мужчинам использовать бранные выражения при женщинах, молодым людям – при родителях и т.д., что когда-то было неписанным, но достаточно строго соблюдавшимся правилом). П. Вайль и А. Генис показывают, что «переход из фольклора в письменность разрушил саму идею запретности мата, который никогда и не претендовал на роль общеупотребительной лексики»¹²⁵. По их мнению, выразительность мата была во многом связана именно с его запретностью и была утрачена вместе с ограничительными культурными нормами.

Подчеркнём, что проникновение за барьеры культурных разграничений тюремной, криминальной, обценной лексики было рассмотрено в качестве только одного из проявлений общего процесса – смешения в транзитивном обществе различных языковых контекстов. Начиная с 80-х гг. XX в. существенной тенденцией в развитии русского языка становится активное вхождение в сферу публичной, нормативной речи языковых явлений, ранее существовавших на периферии речевых коммуникаций, расшатывающих традиционную систему языковых норм (к ним относится не только тюремный, но и, например, молодежный жаргон, использование которого стало нормой и «фирменным стилем» ряда СМИ). И даже в тех случаях, когда речь не идёт о «запретной» лексике как таковой – например, Л. К. Граудина рассматривает «пограничные» зоны русского литературного языка

¹²⁴ Вайль П., Генис А. Советское барокко // Вайль П., Генис А. Собр.соч. в 2-х тт. Т. 2. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. С. 417.

¹²⁵ Там же. С. 418.

между профессиональной, технической, научной и публичной речью, т.е. различными нормативными литературными областями, и делает вывод об их активном взаимопроникновении¹²⁶ – возникает размывание нормативных требований, как языковых, так и внеязыковых, социально-культурных, своеобразный эффект маргинализации как неизбежной черты транзитивной культуры. В рамках любой культуры происходит обмен между языковыми сферами, но в транзитивных состояниях он увеличивается настолько, что происходит качественное изменение условий функционирования языка.

Одним из существенных факторов, определяющих транзитивный характер современной российской культуры, является изменение технической сферы – «догоняющая модернизация» в недавней истории и незавершенный переход к постиндустриальной организации общества. Языковым процессом, отражающим возрастание значимости уровня развития техносферы в определении всех сторон культурного бытия, является отмечаемый специалистами рост количества техницизмов, используемых в речи. М. Н. Никонова¹²⁷ выделяет в качестве основной формы их присутствия в языке метафоры, в том числе уже стертые. Она указывает основные источники технических ассоциаций, используемые людьми для характеристики человеческих качеств и действий: сложные машины («у тебя не голова, а банк данных»), транспортные средства («ну, ты – тормоз»), ручные инструменты, оружие, музыкальные инструменты, теле- и видеоаппаратура, звукозаписывающие и звуковоспроизводящие устройства, оптика, электроника и др.¹²⁸ Она также отмечает, что для русской языковой

¹²⁶ Граудина Л. К. Семантические преобразования языковых единиц в пограничных зонах литературного языка // Русские языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 33–47.

¹²⁷ Никонова М. Н. Антропологизация техницизмов в современном русском языке: К проблеме образа человека в русской языковой картине мира: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Никонова М. Н.; [Место защиты: Омский гос.ун-т] Омск: ОмГУ, 2004.

¹²⁸ Никонова М. Н. Техницизмы в современном русском языке: ТГ, динамика, функции // Язык. Время. Личность: Материалы Международной конференции / Под ред. Л. О. Бутаковой. Омск: ОмГУ, 2002. С. 62 – 67.

традиции наиболее характерно обращение к сельскохозяйственной технике, а в настоящее время стремительно нарастает использование компьютерной лексики, причём, в отличие от «механических» техницизмов, сравнения человека с компьютерной техникой, как правило, сопряжены с его позитивной характеристикой¹²⁹.

Распространение в литературном и разговорном языке технической лексики, в том числе её использование для антропологических характеристик, вносит свой вклад в реализацию отмеченных выше тенденций. На современном этапе она усиливает барьер между поколениями, находящимися на разном уровне владения техникой, особенно компьютерной и цифровой. Компьютерный жаргон служит средством обособления специфических сообществ, иногда крайне одномерных (например, геймеров определённой игры), общающихся на своем языке и в своем кругу и в результате частично выпадающих из общей культурной среды. Но необходимо также отметить как тенденцию, поддерживаемую распространением технической лексики за пределы собственно-технической сферы, распространение технократического стиля мышления и деятельности.

Как указывал Н. А. Бердяев, культура образована соединением органического и технического элементов, и «окончательная победа элемента технического над элементом природно-органическим означает перерождение культуры во что-то иное, на культуру уже не похожее»¹³⁰. Антропологизация технической лексики как раз и отражает перераспределение содержания культуры в пользу технического элемента. Сущность техники, по М. Хайдеггеру – это «постав»¹³¹, утверждение

¹²⁹ Никонова М. Н. Метафора технической сферы в контекстах экспрессивной характеристики человека (к проблеме образа человека в русской языковой картине мира // Материалы ХLI Международной конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. С. 54 – 55.

¹³⁰ Н. А. Бердяев. Человек и машина: Проблема социологии и метафизики техники // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 147 – 162.

¹³¹ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 221 – 237.

конструируемого порядка вещей как наличного. Технократический стиль мышления характеризуется утверждением требуемого через процедуры конструирования, он противопоставляется органическому «ожиданию созревания». К его проявлениям Б. Г. Юдин относит, в частности, представление о том, что, применив соответствующие педагогические технологии, можно сформировать личность с любыми заранее запроектированными качествами – например, с творческим мышлением¹³². Как отмечает Н. И. Мартишина: «В историческом формировании технического тип мышления основывался на опыте взаимодействия человека с машинной средой, понимании свойств машинной системы – и экстраполяции найденного способа осмысления реальности за пределы собственно технической сферы»¹³³. Она считает определяющим признаком технократизма убеждение носителей этой идеологии в том, что для любой проблемы способом решения является локальное алгоритмизированное воздействие, однозначно соотнесенное с результатом. Техницизмы, становящиеся привычными – это канал, через который технократическое мышление распространяется и приобретает вид общепринятого.

Одной из существенных сторон функционирования транзитивной культуры является сохранение динамики противоборства в системе властных отношениях, актуальная конкурентность в этой сфере, которая может быть противопоставлена «выстроенной» системе властных отношений в стабильном социальном мире. Противоборство в борьбе за власть рождается вне языковой сферы, но язык неизбежно оказывается одним из инструментов этого противоборства. Как пишет О.Аронсон: «Те «силовые» конфликты, которые мы наблюдаем в современном мире, – национальные, религиозные,

¹³² Юдин Б. Г. От утопии к науке: конструирование человека // Многомерный образ человека: На пути к созданию единой науки о человеке. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 8 – 31.

¹³³ Мартишина Н. И. Технический тип мышления и специфика гуманитарной подготовки в техническом вузе // Гуманитарное образование в информационном обществе: Материалы науч. – практ. конф. / Мин-во образования РФ. Екатеринбург, 2003. С. 159 – 163. С. 160.

конфессиональные, политические, профессиональные и др., – все они суть результаты определённой политики, господствующей в современном мире. Именно политика производит конфликты-противоборства, хотя постоянно обволакивает их речью, которая должна показать, что она их разрешает»¹³⁴. Многочисленные примеры того, как использование языка становится инструментом перераспределения власти, могут быть обнаружены в новейшей истории бывших советских республик, в которых происходило искусственное вытеснение русского языка из сферы делового общения, науки, образования, даже там, где средств национальных языков было недостаточно и приходилось их создавать и внедрять в оборот специально, путем целенаправленных усилий. К примерам того же плана относятся иницилируемые представителями этих республик попытки контролировать употребление своих наименований в русском языке. Хотя в целом является языковой нормой модификация топонимов одного языка при их использовании в другом (например, «Париж», а не «Пари»), вопросы о том, следует говорить «на Украине» или «в Украине», писать «Таллин» или «Таллинн» и т.п. поднимаются в таких дискуссиях на принципиальную высоту, и способность (или стремление) навязать русскому языку определённую норму извне выступает элементом проверки «баланса сил» и попытки его смещения в свою сторону.

Но отношения силы и власти отображаются не только в межязыковых взаимодействиях. По оценке Г. Гадамера, они являются неотъемлемым аспектом речи: «То, что выходит наружу в разговоре, есть постоянно повторяющееся покушение ввязаться во что-нибудь и связаться с кем-нибудь. Но это означает: подвергать себя чему-нибудь (ставить под

¹³⁴ Аронсон О. Конфликты и сообщества (о политической функции в высказывании) // Язык и этнический конфликт / Под. ред. М.Б. Олкотта и И.Семеновы. М.: Гендальф, 2001. С.54.

угрозу)»¹³⁵. Этот аспект языка создает возможность использования его как инструмента властных отношений.

М. Вебер определил в начале XX в. тенденцию к «рационализации» общественной жизни: социальные и культурные процессы всё в меньшей степени протекают спонтанно, в обществе усиливается деятельность, призванная формировать их целенаправленно, ставить под социальный контроль, выстраивать «сверху» определённым образом. Примером такой рационализации может служить PR как специальное формирование имиджа, во изменение стихийно складывающегося образа и основанной на объективной деятельности репутации. По аналогии можно говорить о тенденции «рационализации языка» в современной культуре в целом и в транзитивных состояниях культуры в особенности: определённые слова, речевые обороты, точно выбранные и несущие в себе скрытый оценочный посыл обозначения социальных реалий специально создаются, конструируются профессионалами (например, идеологами или рекламистами), для того, чтобы вложить в них запрограммированный смысл и неявно его транслировать. Так в конфликтных ситуациях говорящий пытается отразить реальность с выгодной ему стороны. В межкультурных конфликтах действительность искажается путем освещения её в прессе. «Субъекты информационных конфликтов широко используют аргументацию историографического и культурологического дискурсов, актуализируя, игнорируя, а подчас произвольно толкуя и искажая данные исторической практики»¹³⁶. Наиболее активное воздействие на адресата осуществляется через лексический уровень языка. Давая вещам эмоционально окрашенные названия, язык одновременно определяет восприятие этих вещей. За счёт

¹³⁵ Гадамер Х.-Г. Текст и интерпретация. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000037/st001.shtml> (дата обращения 03.03.2015).

¹³⁶ Нефедова Л.К. Универсальное и особенное как принцип интерпретации культурного конфликта: современность и XIX век // Вестник ОмГПУ. Гуманитарные исследования. 2015. № 5 (9). С. 22.

этого происходит модернизация действительности в вербальном образе посредством представления схем социального поведения. В целом создается отношение человека к феноменам описываемого мира и соответственно программируется его деятельность.

Суть языкового манипулирования в рекламе заключается в аналогичном воздействии: рекламная информация подается таким образом, чтобы потребитель на её основе самостоятельно сделал определённые выводы. Как правило, в рекламе мы имеем дело не с объективной картиной мира, а с её интерпретацией. Такая разница в восприятии позволяет рекламщикам создавать собственные «версии мира» (его эмоционально-оценочные образы) и выдавать их за реальные. Здесь мы сталкиваемся с высказываниями в форме «мудрых мыслей», афоризмов, безапелляционных заявлений, аксиом и т.п., притягивающих восприятие мира к рекламируемому объекту. Именно к версифицированному образу действительности стоит отнести фразу «Тефаль. Ты всегда думаешь о нас». Реклама активно использует различные ценностные установки, обращаясь или к общественно-идеальным ценностям (любовь к ближнему, стремление к лучшей жизни, свобода, нравственность, справедливость, патриотизм, гражданские права и др.), или к индивидуально-материальным (экономия, выгода, прибыль, эффективность, гарантия, надежность, защита, польза): «Не всё так доступно, как низкие цены Теле2 GSM». Очень часто в рекламе ключевое понятие сцепляется с выстроенным рядом негативных / позитивных понятий, вследствие чего и оно приобретает негативный / позитивный смысл. При этом человек сам делает работу по негативизации / позитивизации смысла. «Когда у компании есть новые самолеты, опытные пилоты, внимательные бортпроводники, самые требовательные техники и отзывчивые работники наземных служб, компания может сосредоточиться на самом важном: на вас». В рекламе авиакомпании LUFT-HANSA вы, как потребитель, приравнены к «самому важному».

В транзитивной культуре по этому принципу строятся и транслируются оценки всех значимых социокультурных реалий всеми активными

социокультурными группами. Программируемая реакция и формируемый способ поведения задается в коммуникационных актах самим выбором слов, что заметно осложняет любую возможность сделать их предметом осмысления. В.Ф. Шаповалов называет языковую практику современной культуры «диктатурой» или «тиранией» языка: постоянно воспроизводящиеся в массовых коммуникациях обозначения социальных реалий превращаются в речевые штампы и делают возможным только один способ восприятия этих реалий массовым сознанием; для того, чтобы сформировать и выразить относительно них какую-то иную мысль, сложно подобрать подходящие языковые средства. «Общество «входит в человека» посредством стандартизированного и схематичного языка массовых коммуникаций»¹³⁷.

И наконец, общей тенденцией транзитивной культуры является соскальзывание массового сознания к познавательным операциям низкого уровня, возвращение к архаичным формам мышления. По существу, это закономерная реакция на растущее усложнение социального бытия (стремление его упростить, свести к какому-то доступному образу) и на его постоянные модификации (стремление к стабильному, устойчивому образу мира). В результате в транзитивных культурах происходит «ремифологизация» – возрождение мифологических способов оформления представлений о мире. «Едва ли не самой важной и вместе с тем самой тревожной особенностью современной политической жизни является возникновение новой силы – силы мифологического мышления»¹³⁸. «Мифологизм пришел на смену традиционному рационализму»¹³⁹. А поскольку, как сказал Р. Барт, «миф – это слово»¹⁴⁰, этот процесс протекает преимущественно в языковой среде. А.Ф. Лосев трактует понятие имени не просто в субстанциональном смысле, а переводит его в сферу мифического

¹³⁷ Шаповалов В.Ф. Основы философии современности. М.: Флинта: Наука, 1998. С. 48.

¹³⁸ Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. 1993. № 7. С.153.

¹³⁹ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. С. 7.

¹⁴⁰ Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 2004. С. 233.

символа. «Имя есть символ личностный и энергийный или – *энергийно-личностный символ*. Эта формула, однако, ярче выражает свою сущность, если мы скажем, что имя есть магически-мифический символ»¹⁴¹.

Мифология основывается на специфическом способе отображения мира. Единицей мифологического мышления является не обобщающая абстракция, а «конкретное обобщение». Мифологические понятия синкретичны: они соединяют в себе, во-первых, чувственное и логическое отображение объекта (по определению Я. Э. Голосовкера: «Миф есть образно выраженная идея»¹⁴²), во-вторых, обозначение объекта и обозначение отношения к нему человек (В. М. Пивоев указывает на частое совпадение названий предметов с названиями потребностей и способов их удовлетворения, что позволяет ему охарактеризовать логику мифа как «аксиологику»¹⁴³). Мифология трактует именование как овладение предметами, приписывая слову магическую власть над ними. По оценке И. Т. Касавина, магия, будучи «прикладной мифологией», также представляет собой главным образом языковой феномен: это «пределный случай, демонстрирующий силу и активность языка»¹⁴⁴. Ремифологизация массового сознания в транзитивных культурах проявляется, таким образом, в возрастании степени оценочно-эмоциональной нагруженности лексики с тенденцией смещения от точного смысла понятий к метафорическому и от репрезентативного к оценочному и программирующему использованию слов. Эта тенденция, как можно видеть, переплетается с такими уже обозначенными тенденциями, как консолидация и обособление через язык локальных сообществ (для мифологии характерно жесткое разграничение «своих» и «чужих»), антропологизация техницизмов, «диктатура языка».

¹⁴¹ Лосев А.Ф. Вещь и имя. Самое само. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. С.111-112.

¹⁴² Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987. С. 149.

¹⁴³ Пивоев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск: Карелия, 1991. С. 70.

¹⁴⁴ Касавин И.Т. Размышления о магии, её природе и судьбе // Магический кристалл: Магия глазами ученых и чародеев. М.: Республика, 1992. (С.6-29). С. 12.

Таким образом, описанные в данном параграфе тенденции не просто характеризуют современную языковую практику каждая в отдельности, но и существуют во взаимодействии, поддерживая и усиливая друг друга. Изложенное также означает, что все функции языка, выделенные ранее, претерпевают внутреннюю трансформацию. Специальному рассмотрению их модификаций и будет посвящен заключительный параграф.

§ 3. Трансформации функций языка в современной культуре.

Перемены, происходящие в современном обществе за последний период, представляют собой пеструю картину обретений и потерь. Объективно процесс общественного развития проходит и на уровне каждой отдельной личности. Происходит тесное взаимодействие процессов, протекающих во всех сферах жизни человека. И язык играет ведущую роль в этом развитии: он является инструментом, создающим видение мира.

Выделенные в первом разделе данной работы функции языка по-разному действуют и проявляются в связи с изменениями, происходящими в современной культуре. В этом параграфе мы рассмотрим вышеупомянутые функции и проанализируем их трансформацию в состоянии транзитивности.

Одна из основных функций языка – *номинативная* (иначе: функция называния, репрезентативная, экспликативная, денотативная функция). Она заключается в том, что язык призван называть вещи и явления окружающей реальности. В настоящее время она по-прежнему является базовой функцией языка, однако меняется по содержанию. Изменение в основном связано с усложнением самого понятия «реальность» в современной философии: оно становится всё более вариативным. В базовом определении «реальность – это совокупность всего материального вокруг нас, окружающий мир, воспринимаемый нашими органами чувств и независимый от нашего сознания»¹⁴⁵. Но уже фиксируя это традиционное определение, В. П. Руднев

¹⁴⁵ Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. С. 255.

утверждает, что мы воспринимаем реальность не только через органы чувств, но при помощи нашего языка. А каждый язык вычленяет реальность по-разному. «Надо знать язык реальности, для того чтобы понимать её смысл. Но каждый считает свой смысл»¹⁴⁶.

В современной онтологии реальность рассматривается как область или сфера бытия с определёнными характеристиками. Например, является иной по отношению к объективной реальности научная реальность как специфическая и устойчивая сфера осуществления познания. Как пишет Е. Р. Рукомойникова: «Возрастание роли конструктивных начал в познании... не позволяет отождествлять понятие научной реальности ни с объективной реальностью, ни с инструментально-конвенциональными построениями. Понятие научной реальности больше не укладывается в традиционное понимание субъект-объектных отношений»¹⁴⁷. В качестве самостоятельных сфер бытия в современной философской литературе выделяются наряду с объективной реальностью социальная, виртуальная, научная, художественная, медиареальность, гиперреальность, изобразительная реальность и др.; само существование объектов начинает оцениваться как относительное – объект может не просто существовать или не существовать, он может обладать существованием только в пределах определённой реальности. Например, на вопрос: «Существует ли Дед Мороз?» с позиций современной онтологии вполне корректно ответить «Существует в рамках фикциональной реальности русских сказок». Таким образом, по современным представлениям, «Наш мир представляет собой совокупность различных реальностей, взаимодействующих между собой, совокупность которых может пополняться, в том числе творческой деятельностью

¹⁴⁶ Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. С. 257.

¹⁴⁷ Рукомойникова Е. Р. Проблема научной реальности: автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ф.н.: 09.00.01 / Рукомойникова Е. Г.; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена] Спб. .: СПбГУ, 2011. С. 3.

человека»¹⁴⁸. Соответственно функция формирования базового представления о том, что есть, что рассматривается человеком как существующее, существенно усложняется в связи с усложнением представлений о существующем в реальности. Итак, номинативная функция языка начинает включать в себя элемент выбора реальности, конституирования объектов как принадлежащих к ней. Она служит не просто для ориентации человека в пространстве и времени, она формирует восприятие реальности и, в конечном счёте, движется в сторону формирования самой реальности.

Важнейшая *коммуникативная* функция языка также усложняется в связи с усложнением целей коммуникации в современном мире. Увеличивается масштаб и объём коммуникации. Крайне редко в общении передается «чистая» информация, в современных коммуникационных актах задач, как правило, несколько. Напомним о концепции Дж. Остина, который раскладывал речевой акт на три сущности: локутивный, иллокутивный и перлокутивный акты¹⁴⁹. Все три акта совершаются одновременно, а не один за другим. Локутивным называется собственно акт говорения, или, точнее, произнесения определённых слов (звуков, языковых знаков). Сущность же иллокутивного акта составляют намерения, с которыми произносится та или иная локуция. Одни и те же локуции, будучи сами по себе нецеленаправленными, могут использоваться с разными целями. Многие иллокутивные акты вызывают ответную реакцию – ответ или практическое следствие. Иллокутивный акт воздействует на действительность особым конвенциональным способом, который отличается вмешательством в ход событий. Результат же говорения с целенаправленным намерением влиять на мысли и чувства слушающих Дж. Остин назвал перлокутивным актом или перлокуцией. Перлокуция состоит в воздействии на информационное

¹⁴⁸ Мартишина Н. И. Реальность и её конструирование. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2009. С. 76.

¹⁴⁹ J.L. Austin. How To Do Things With Words. Oxford. Clarendon Press, 1962.

состояние адресата, на его планы, настроение, волю и желания¹⁵⁰. В транзитивной культуре резко возрастает значение именно последней, перлокутивной составляющей коммуникации. Наши представления о том, что происходит в действительности, неизбежно обусловлены образами и интерпретациями, которые ежедневно тиражируются с помощью средств массовой информации. При этом информационная функция СМИ становится второстепенной, на первый план выдвигается функция воздействия. «Средства массовой информации становятся средствами массового воздействия, призванного формировать мнение аудитории в заданном направлении», — пишет Ю. Н. Шаталова¹⁵¹. Интерпретируя события окружающей действительности, СМИ трансформируют фактическую информацию, создавая необходимые образы политических деятелей, событий, стран и т. д., акцентируя внимание на одних чертах и намеренно игнорируя или делая менее заметными другие. В. З. Демьянков высказывает мнение о том, что при анализе медиатекста даже с чисто филологической точки зрения исследователь «боковым зрением» должен смотреть на фон: политические и идеологические события, господствующие в мире интерпретатора¹⁵². Реализация воздействующей и интерпретирующей составляющих коммуникации в СМИ происходит не только при выборе фактов, но и при выборе языковых средств для их описания. Языковые единицы, как правило, национально-специфичны и у носителей одного языка и одной культуры вызывают в сознании вполне фиксированные образы. Обладая экспрессивностью, апеллируя к культурной памяти и жизненно значимым ценностям, языковые средства СМИ создают яркие образы,

¹⁵⁰ Остин, Джон Лангшо. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 22-130.

¹⁵¹ Шаталова Ю. Н. Общественно-политическая жизнь в зеркале словотворчества // Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: материалы междунар. науч. семинара (Белгород, НИУ «БелГУ», 2-3 апр. 2014 г. Белгород, 2014. С.174.

¹⁵² Ксензенко О.А., Александрова О.В., Володина М.Н., Волков А.А., Демьянков В.З. Язык средств массовой информации. М.: АльмаМатер, 2008. С. 376.

которые вызывают соответствующую реакцию адресата, и, следовательно, могут выполнять функцию воздействия. Так же (и чаще всего тоже через СМИ, хотя далеко не обязательно) действуют агитация, пропаганда, коммерческая и некоммерческая реклама, причём в транзитивной культуре возрастает тенденция к целенаправленному использованию различными социальными субъектами перлокутивного компонента при решении тактических и стратегических задач, специальной его разработке. К этому следует добавить и появление специальных языковых практик, разработанных для выполнения локальных практических задач. Примером может служить диалог менеджера по продажам с клиентом: все этапы его речи и применяемые языковые средства специально разработаны и выстроены в процессе тренингов. Таким образом, в реализации коммуникативной функции языка происходит усиление значимости перлокуции, в соотношении с локуцией и иллокуцией.

В непосредственной связи с этим в транзитивной культуре сильно возрастает значение *эмоционально-экспрессивной* функции (эмотивной, или функции выражения). Во-первых, многие объекты, которые раньше воспринимались нейтрально, в условиях транзитивной культуры получают определённую эмоциональную нагрузку, поскольку появляется связанный с ними опыт индивидуальных и социальных переживаний. Во-вторых, в борьбе группировок возрастает стремление передать другим свои эмоции. Всё чаще авторы средств массовой информации не просто констатируют факты, но стремятся приложить свою собственную оценку к происходящему. Обратимся к одному из примеров, который освещает ключевые события украинского кризиса. В статье газеты *The Guardian*, описывающей результаты выборов в парламент Украины осенью 2014 г., упоминается премьер-министр А. Яценюк в следующем контексте: *The result suggested that Poroshenko, a billionaire chocolate tycoon, would probably continue working in tandem with Yatsenyuk, who has been more hawkish on Russia than the president*

but is considered a safe pair of hands for the economy¹⁵³. А. Яценюк описывается при помощи фразеологического оборота «a safe pair of hands», которую «Oxford Advanced Learner's Dictionary» определяет как «a person that you can trust to do a job well»¹⁵⁴. Этимология фразеологизма прослеживается до XVI в., когда он употреблялся только как спортивный термин, когда в команде игры регби или крикета нужен был человек, который бы хорошо ловил мяч и на которого можно было бы положиться. Затем с XVIII в. это выражение стало употребляться в политическом контексте¹⁵⁵. Умелое действие рук во время ловли мяча трансформировалось в характеристику человека, который умеет делать свою работу. Контекст конкретизирует значение данной языковой единицы («a safe pair of hands for economy»), указывая на то, что Яценюк может принести пользу Украине преимущественно в секторе экономики. Таким образом, отрывок демонстрирует, как оценочный характер придается высказыванию самим выбором языковых средств. Употребление субъектами культуры эмоционально-окрашенных языковых единиц позволяет им создавать яркие, запоминающиеся образы, помогая выразить оценочное отношение к политическим событиям и реализовывать воздействующую функцию текста. Для этого создаются фиксированные образы, часто реализуемые с помощью метафор и метонимий, или новые контекстные значения для получения более яркого, запоминающегося образа.

В транзитивный период в связи с расширением коммуникации приобретает особую важность аспект, связанный с обеспечением межкультурной коммуникации. В связи с этим актуализируется вопрос о самой возможности сделать такую коммуникацию гармоничной, а перевод с одного языка на другой – полным. Теоретики перевода неоднократно

¹⁵³ Ukraine election a win for president and allies, early count suggests // The Guardian. 27.10.2014 URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/oct/27/ukraine-election-presidents-allies-early-count-petro-poroshenko> (дата обращения: 10.05.2016).

¹⁵⁴ Oxford Advanced Learner's Dictionary online. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 12.05.2016).

¹⁵⁵ Online Etymology Dictionary = OEL. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.etymonline.com (дата обращения: 12.05.2016).

утверждали, что, обращаясь к иностранному языку, переводчик не только актуализирует новый аспект в своем мировоззрении, но и неизбежно переносит влияние своего собственного мировоззрения на этот язык, поэтому достижение полноценного перевода представляется проблематичным¹⁵⁶. Так, в некоторых случаях наблюдается утрата или, наоборот, усиление образности. Передача стилистической окраски слова оригинала в переводе является одной из центральных и актуальных задач, поэтому переводчик иногда намеренно прибегает к использованию стилистических приемов для придания большей выразительности, чувственности создаваемому тексту. При этом неизбежно происходят изменения в содержании текста, которые в определённых случаях могут приводить к его неправильной интерпретации. Примером могут быть газетные и журнальные заголовки, построенные на игре слов, на каламбурах, цитатах, аллюзиях и деформированных идиомах: «Green Fingers»; «Where the Grass Is Greener»; «A Knight to Remember». Очевидно, что такие заголовки, как и многие другие, нельзя переводить буквально. Переводчик находится на стыке двух семиосфер: «своей» и «чужой». Поэтому межкультурную коммуникацию можно интерпретировать как процесс взаимодействия партнёров, осознающих факт «чужеродности» друг друга. Этот факт необходимо осознать и учесть в общении. В нём приходится специально предпринимать усилия к преодолению межкультурных различий. Культуры-коммуниканты изначально выступают в межкультурном взаимодействии как лакунизированные объекты, но постепенно «получают друг от друга различные интерпретации» и «раскрываются друг другу»¹⁵⁷. Таким образом, взаимодействие культур представляет собой устранение лакун. Чем большим количеством знаний о других культурах обладают участники коммуникации, тем быстрее они

¹⁵⁶ Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.

¹⁵⁷ Ключанов И.Э. Динамика межкультурного общения. Системно-семиотическое исследование. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. С.45.

перестают воспринимать их как лакуны и тем успешнее будет процесс общения; но полностью преодолеть границы всё-таки достаточно сложно.

Американский логик и философ Уиллард Куайн в монографии «Слово и объект»¹⁵⁸ выдвинул гипотезу, основной тезис которой сводится к тому, что любой перевод является принципиально неопределенным. Философ утверждает, что «нет оправдания для сопоставления лингвистических значений, разве только в терминах предрасположенностей людей к открытой реакции на социально наблюдаемые стимуляции»¹⁵⁹. Соответственно язык характеризуется им как комплекс предрасположенностей к речевому поведению. Основной тезис поведенческой концепции языка состоит в том, что на основе поведенческих критериев не существует никакого способа установления радикального перевода. Таким образом, и эта функция языка, по мере расширения и углубления её реализации, всё в большей степени осознается как проблематичная.

Проиллюстрируем сказанное ещё на примере английского языка. Сегодня он стал языком межнационального общения, хотя ещё остаются регионы, где другие языки удерживают свои позиции, как, например, французский в ряде стран Африки, русский в странах бывшего СССР. Но при этом сам английский язык существует в различных вариантах: американском, австралийском, карибском, канадском, южно-африканском, новозеландском, ирландском и др., что значительно затрудняет не только международное общение в целом, но и общение между этносами, говорящими на разных английских языках. Язык международного общения претерпевает трансформацию в сторону упрощения и «приспособления». Это достигает такого масштаба, что по нормам, соблюдаемым самими носителями, языком пользуется лишь незначительная часть общего количества говорящих. Как отмечает М. Вернс: «Беспрецедентное распространение английского языка в мире приводит к тому, что возникают всё новые его разновидности,

¹⁵⁸ Quine W. Word and Object. N. Y.; L., 1960. P.27.

¹⁵⁹ Там же. P.IX.

формирующиеся под воздействием других языков и культур и отражающие элементы неанглосаксонского менталитета, моральных ценностей, культурно-исторических реалий, традиций, норм поведения. ... Примечательно, что если прежде, изучая английский язык как иностранный, студент ставил перед собой цель устно и письменно общаться без переводчика с носителем английского языка, то теперь более вероятны такие коммуникативные ситуации, когда для обоих собеседников английский язык, являясь языком-посредником, будет в равной степени неродным»¹⁶⁰.

При этом известный британский лингвист D. Graddol убежден в том, что английский язык, который, казалось бы, доминирует на земле, утратит свой статус языка глобализации из-за постоянного уменьшения количества его носителей. Уже сегодня по этому показателю он занимает второе место в мире, а неоспоримым лидером является китайский: свыше 1,2 млрд. чел. говорят сегодня на разных его вариантах – это в три раза больше, чем признающих английский как родной. Как считает D. Graddol, английский к 2050 г. скатится на третье место, а второе между собой поделят азиатские и индоевропейские языки, включая испанский и арабский¹⁶¹.

Рассмотрим далее прагматику языка в таком аспекте коммуникации, как передача знаний. Фоном для трансформации *познавательной* (аккумулятивной, накопительной) функции служат проблемы, связанные в транзитивной культуре со статусом знания.

С одной стороны, одно из главных направлений транзита в современном мире – это формирование «общества знания». Впервые этот термин был введен в оборот в 1966 г. американским исследователем Р. Лэйном, который рассматривал влияние научного знания на сферу публичной политики и управления. Многие влиятельные социальные

¹⁶⁰ Berns, M. Didactic and Pragmatic Approaches To English Language Teaching. Assumptions // English Unites the World. Proceedings of the International Conference. Saratov: Saratov University Press, 2002. P.8.

¹⁶¹ Graddol, D. English On Decline For World Youth [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.guardian.co.uk.britain/article. - 27.02.2004. (дата обращения: 10.04.2016).

теоретики, стремившиеся уловить уникальность современного общества, обращали особое внимание на роль знания в социальных трансформациях. Изменения в общественной структуре, функционировании социальных институтов, научных познаниях, производство и эксплуатация информации и знания послужили факторами развития «общества знаний». Безусловно, изменился и сам подход к достижению знания. Н. Штер выдвигает следующий аргумент: «Тот факт, что я описываю нынешние развитые индустриальные общества как общества знания, основывается на неоспоримом проникновении науки во все сферы общественной жизни»¹⁶². Он акцентирует роль знания как предпосылки социального действия. Б. Крингс отмечает, что термин «общество, основанное на знании», часто используемый как метафора модерна, тем не менее имеет собственную нормативную силу¹⁶³. Не только в политических декларациях, но и в научных дискуссиях «знание» выступает в роли индикатора масштаба и направленности изменений современных обществ. М. Кастельс, подобно предшественникам, утверждает, что контроль над информацией и технологиями, позволяющими этой информацией манипулировать, дает колоссальные преимущества тем, кто ими обладает¹⁶⁴.

С другой стороны, в современной цивилизации всё шире распространяется идея о том, что предположение о возможности полной объективности и достоверности знания, вероятно, является мифом. Поскольку образ такого знания чаще всего связывался с наукой, сомнениям способствует характер существования науки в современном обществе: в условиях растущих конкурентных отношений между социальными субъектами самого разного уровня наука всё чаще становится одним из акторов на социальной арене. Растущий спрос на научную экспертизу

¹⁶² Stehr N. Arbeit, Eigentum und Wissen: Zur Theorie von Wissensgesellschaften. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1994. S. 33.

¹⁶³ Krings B. The sociological perspective on the knowledge-based society: Assumptions, facts and visions // Enterprise & work innovation studies. Monte de Caparica, 2006. № 2. P. 9–20.

¹⁶⁴ Castells M. The rise of the network society // Castells M. The information age: Economy, society & culture. Cambridge (MA): Blackwell, 1996. Vol. 1. P. 17.

приводит в том числе и к спекулятивному использованию знания. Наука во всё возрастающей степени испытывает влияние политики. Использование научной экспертизы политиками и другими группами общества вовлекает науку в принятие политических решений и позволяет учёным утвердиться внутри политических групп. Это означает, что политика рискует потерять важный источник легитимации, а наука рискует утратить общественное доверие. Исследователями отмечается также формирование «антрепренерской науки», связанной со СМИ и зачастую находящейся под их влиянием¹⁶⁵. Так, в 1993 г. голландский исследователь объявил об обнаружении вакцины против СПИДа. Уступая давлению коллег, проверявших достоверность открытия, он признался, что преувеличил свои результаты, поскольку чувствовал, что это единственная возможность добиться общественного внимания и поддержки¹⁶⁶.

Наука всё больше коммерциализируется. Научное знание может быть продано подобно любому другому продукту. Наука и СМИ всё теснее взаимодействуют друг с другом по мере того, как учёные используют массмедиа для увеличения общественной поддержки их исследованиям. Всё эти тенденции указывают на потерю дистанции между наукой и социальными запросами, которая ранее выступала важной основой для производства достоверного знания.

Если в целом в современном обществе идёт возрастание массива знаний, то специфической особенностью транзитивной культуры является демонстрируемая, казалось бы, всей повседневной практикой относительность всякой истины. На фоне этого знание частично обесценивается, так как прошлый опыт ограниченно годен для новых условий. В результате приобретаемого опыта быстрой смены и социально-политических, и научных представлений современный человек склонен

¹⁶⁵ Юревич А. В. Наука при медиакратии // Науковедение. 2002. № 1. С. 69 – 85.

¹⁶⁶ Hagendijk R., Meeus J. Blind faith: Fact, fiction and fraud in public controversies over science // Public understanding of science. L., 1993. Vol. 2, N 4. Pp. 391–415.

рассматривать знания как текущие и постоянно заменяемые. Это постепенно подрывает идею ценности знания, поскольку любое конкретное знание начинает восприниматься как устойчивое лишь относительно, знание, которое в дальнейшем может быть опровергнуто, вытеснено, заменено.

Резкий рост информации усиливает требования к её выбору. А лавинообразное увеличение объема информации начинает сопровождаться информационным голодом, вызванный неспособностью человека к её восприятию и переработке в полноценное знание. Рул и Безен показывают, что информация в современном мире становится оружием конфликтующих сторон, каждая из которых привлекает своих экспертов и пытается убедить общественность в правильности именно своего взгляда на решение проблемы¹⁶⁷.

Как результат всех описанных процессов, утрачивается идея *необходимого* знания. Приведем пример: Билл Гейтс отказался от завершения образования в Гарварде, но в итоге его компания сделала для информатизации планеты больше, чем кто-либо. На фоне этой и других «историй успеха» в культуре утверждается представление о том, что систематическое обучение и практический опыт, образование различного профиля и т.д. вполне взаимозаменяемы и, соответственно, ни одна из форм знания не является принципиально значимой. В условиях транзитивной культуры смена господствующих парадигм и представлений о том, какие знания обязательны для человека, происходит особенно быстро. Когнитивная функция языка, таким образом, оказывается в амбивалентном состоянии: с одной стороны, её важность по-прежнему признается, с другой стороны, её осуществление, особенно в аспекте аккумуляции знаний, на практике частично обесценивается трансформациями статуса самого знания.

Также в транзитивной культуре активно меняется *фатическая* функция языка (иначе функция взаимодействия, или контактоустанавливающая). С

¹⁶⁷ Rule J.B., Besen Y. The once and future information society // Theory & society. Dordrecht, 2008. Vol. 37, N 4. Pp. 317–342.

одной стороны, язык стремительно заполняется речевыми штампами; например, существуют стандартные зачины обращений политиков, представителей различных организаций, ораторов к аудитории. С другой стороны, как было отмечено в предыдущем параграфе, на формирование адекватных средств установления контакта оказывает существенное влияние динамика статуса социальных групп относительно друг друга. Внутри языка, как правило, выделяются разновидности обращения, функционирующие в определённых коммуникативных ситуациях, внутри определённых социальных групп. Содержание и форма контактоустанавливающего общения варьируются в зависимости от пола, возраста, социального положения, взаимоотношений говорящих, и в целом такие речи стандартны. Но в транзитивной культуре положение социальных групп относительно друг друга теряет необходимый для этого уровень определённости. Отсюда сложности выбора адекватных языковых средств и разнообразные смещения – обращение к взрослой аудитории в молодежных выражениях, использование или неиспользование отчеств и т.п. Журналисты молодёжных изданий часто используют жаргонизмы и варваризмы («Ярким и запоминающимся моментом вечеринки был показ боди-арта»; «Во время диджей-сетов молодежь развлекалась как могла»), образуют новые слова с помощью аффиксов от иностранных лексем («Мы занимались на суперских экспресс-курсах...»). Все чаще в речи журналистов центральных каналов встречаются такие слова, как «презентация, рейтинг, консенсус, брифинг, шоп-тур». Подобная «англоизация» языка, по мнению исследователей, искажает «образ национального слова, вызывая коммуникативные затруднения»¹⁶⁸. Фатический разговор по определению должен быть стандартным, поверхностным и легким, помогая преодолевать разобщённость и некоммуникабельность. А в данном случае мы видим, что

¹⁶⁸ Купина Н.А. Мужская речь уральской традиции и русский тип / Н.А. Купина // Филология и журналистика в контексте культуры. Ростов-на-Дону: Флинта, 1998. С.5.

развитие языка приводит в текущей ситуации к определённым трудностям именно в установлении контакта.

Регулятивная, или конативная функция языка – регуляция поведения адресата путем запрета или побуждения к действию, к ответу на вопрос, путем сообщения информации с целью изменить намерения адресата совершить определённое действие и т. п. – особенно ярко проявляется в современных социальных взаимодействиях. В первую очередь она направлена на создание, поддержание и регулирование отношений в человеческих микроколлективах (а таковым является семья, круг друзей, производственный коллектив, соседи по дому, даже спутники по купе и т.д.), то есть в той реальной среде, в которой обитает носитель языка. Человек постоянно выполняет определённые роли в жизни. И для каждой роли, для каждой маски есть свои речевые средства. Как отмечалось выше, в транзитивной культуре в растущей степени наблюдается тенденция к «рационализации языка»: социальные процессы становятся всё менее спонтанными, всё более спланированными или инспирированными явными или скрытыми властными структурами, соответственно начинают специально разрабатываться и языковые средства. Развиваются техники манипуляции, соответственно изобретаются тонкости использования языковых ресурсов, и в целом эта функция становится всё более содержательно разработанной.

Оценочная или аксиологическая функция изменяется, на наш взгляд, аналогично эмоционально-экспрессивной. В транзитивной культуре начинают оцениваться объекты, которые ранее воспринимались как нейтральные, и все социальные субъекты стремятся передать (навязать) друг другу свои оценки происходящих событий. Язык современных СМИ подчинен ключевой цели средств массовой коммуникации как социального института – «оказывать дифференцированное воздействие на максимально широкую аудиторию посредством её информирования и оценки сообщаемой

информации»¹⁶⁹. Именно с помощью определённых слов автор выражает необходимую оценку, воздействуя на сознание адресата. В зависимости от намерения говорящим могут высказываться как положительные, так и отрицательные оценки происходящего. Как показывает Н. И. Клушина, каждая смена власти, режима влекла за собой изменение оценок на шкале ценностей. Если, к примеру, в доперестроечное советское время всё западное рассматривалось как «чужое», т.е. плохое, негативное, вредное, отвергаемое, противопоставленное советскому, «своему», т.е. правильному, хорошему, признаваемому; то перестройка полярно поменяла мнения и взгляды, придав области «своего» отрицательную, а области «чужого» соответственно положительную оценку¹⁷⁰. В связи с этим растёт конфликтность оценок, следовательно, возрастает принципиальность выбора языковых средств для их выражения. Ср.: «Ипотека – денежная ссуда, выдаваемая банками капиталистических стран под залог недвижимости, главным образом земли, построек, сооружений. Ипотека – орудие эксплуатации и разорения мелких и средних крестьян. В виде процентов они отдают банкам практически почти весь свой доход. Тяжелое экономическое положение вынуждает трудящихся крестьян залезать в долги, закладывать в банки имущество, что нередко приводит к экспроприации их хозяйств. Ипотеки нет в СССР и других странах, развивающихся по социалистическому пути»¹⁷¹. И довольно нейтральная оценка ипотеки из современного словаря: «Залог недвижимого имущества; ссуда, выдаваемая под такой залог, а также соответствующий документ»¹⁷². В то же время ряд терминов, ранее академических (например,

¹⁶⁹ Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: Автореф. дисс. д-ра филол. наук: 10.02.19 / Желтухина Марина Ростиславовна; [Место защиты: Институт языкознания РАН]. М., 2004. С.6.

¹⁷⁰ Клушина, Н. И. Особенности публицистического стиля // Язык средств массовой информации / Под ред. М. Н. Володиной. М.: Альма Матер, 2008. С.482.

¹⁷¹ Советский энциклопедический словарь / Под ред. Прохорова А.М. М., 1984.

¹⁷² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999.

«офф-шор», «ваучер»), на основе нового опыта приобретает яркую оценочную составляющую.

Сегодня, с появлением новых средств общения, наблюдается общее снижение интереса к художественной литературе. И реализация *поэтической* (эстетической) функции в этой связи вызывает вопросы. Россия уже давно потеряла статус самой читающей страны. По данным опроса фонда «Общественное мнение», 44% россиян за год вообще не открывали ни одной книги¹⁷³. Основной причиной является чрезмерное использование телевидения и Интернета-коммуникаций. В связи с этим наблюдается тенденция упрощения языка массовой литературы, массовой культуры в целом. Язык рассматривается не как средство художественной речи, а прежде всего как инструмент, орудие, и поэтому он должен быть эффективным, а не красивым и поэтичным. Переход от писем к СМС требует соответствующей трансформации языка, в результате поэтическая функция языка постепенно утрачивается, превращаясь в элитарную. Примером может послужить следующая ситуация: в своей книге «Тайный воин» Мария Семенова целенаправленно использовала старославянскую лексику: *«Если бы не разговор, ускользавший от посторонних ушей, они выглядели бы самыми обычными торгованами, каких много в любом перепутном кружале»*¹⁷⁴. Хотя произведение с первых страниц читается легко и значение непонятных слов интуитивно угадывается, читательская оценка этого эксперимента варьировалась от сдержанной (непонятно, зачем это надо, но можно потерпеть) до явно негативной (не хватало ещё книгу читать со словарем – что это за издевательство над читателями). Как нам кажется, данный случай иллюстрирует изменение читательских ожиданий: красивого, необычного языка ожидают от книги немногие, и такое построение текста не доставляет читателям эстетического удовольствия.

¹⁷³ Фонд «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fom.ru> (дата обращения: 21.05.2016).

¹⁷⁴ М. Семенова. Братья. Книга 1. Тайный воин.// Изд-во Азбука, 2015. С.7.

Мыслеформирующая функция оказывается в этих условиях результирующей для номинативной, эмоционально-экспрессивной и оценочной. «Индустрия сознания» работает над тем, чтобы сформировать у нас мысль о том или ином объекте сразу в определённой, готовой форме. Средств противодействия этому мало. Рекламодатели, к примеру, используют все возможные средства для создания привлекающего внимания образа, тем самым принуждая потенциального потребителя приобрести тот или иной товар или услугу. При этом стало модным нарушение языковых правил для достижения максимального эффекта. Акцентируется эмоционально-нравственное воздействие: «Вдыхая – убиваешь себя, выдыхая – других», «Читать не вредно. Вредно не читать», «Желанный ребенок – счастливый ребенок» и т.д.

Социальные функции языка становятся всё более целенаправленно используемыми, поскольку они обеспечивают всё более активные процессы консолидации и размежевания социальных групп. Кроме того, в условиях глобализации для наций остро встает вопрос сохранения своего языка. Следствием процессов глобализации является распространение и конкуренция мировых языков. Мировыми языками являются языки, принятые в качестве рабочих языков в международных общественных организациях и распространённые в разных сферах общения между людьми из разных языковых общностей (английский, французский, китайский, русский, испанский и арабский). Необходимо отметить, что каждый из этих языков долгое время имел более или менее устойчивое собственное языковое пространство. В России, как уже отмечалось, велико влияние английского языка. Для того, чтобы в этой конкурентной борьбе не проигрывали национальные языки, требуются специальные целенаправленные действия. На постсоветском пространстве мы видели опыт таких действий, не всегда продуманных и действительно удачных – например, переходы с кириллицы на латиницу, при том, что национальные алфавиты на основе кириллицы разрабатывались специалистами с учетом особенностей национальных

языков. В русском языке элементом такой защиты является периодически возникающая борьба с заимствованиями из других языков, в которой нет единой стратегии и плана. В целом можно констатировать, что реализация социальных функций в транзитивной культуре становится более активной и требует повышения уровня реализации этих функций, для которого пока не всегда в достатке имеются адекватные и эффективные средства.

Особое внимание в транзитивной культуре привлекает к себе *конструирующая* (конструктивная, омадательная) функция языка. Мы хотели бы предложить свой вариант уточнения содержания этой функции.

Базовым понятием для обозначения этой функции является понятие «конструирование». Изначально этот термин применялся для характеристики технического знания и технической деятельности, но в настоящее время становится принятой его универсальная трактовка: это создание всего, что может быть описано как конструкция в самом широком смысле этого слова – как материальный, так и идеальный искусственный объект с заложенными в него организационными принципами. Например, категория «конструирование» используется в философской антропологии¹⁷⁵, педагогике¹⁷⁶, психологии культуры¹⁷⁷ и многих других областях для описания процессов формирования личности. «Конструировать – означает прежде всего менять реальность посредством создания новых объектов (материальных и идеальных), трансформации свойств уже существующих объектов»¹⁷⁸. В социологии и социально-культурологических дисциплинах в настоящее время утверждается конструктивизм – теория, рассматривающая

¹⁷⁵ Ануфриев С. И. Педагогико-антропологические основания конструирования и самоконструирования человека // Конструирование человека: Сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием. Т. 1. Ч. 1. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. С. 174 – 177.

¹⁷⁶ Окушова Г.А. Человек образованный: о ценностных основаниях отечественной педагогики // Вестник ТГПУ. 2009. Выпуск 8 (86). С.11-13.

¹⁷⁷ Шаров А. С. Психология культуры, образования и развития человека. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2013. С. 74

¹⁷⁸ Мартишина Н.И. Конструктивистская исследовательская программа в социально-гуманитарном знании // Вестник ОмГПУ: Гуманитарные исследования. Омск, 2015. № 2 (6). С. 19 – 23.

взаимосвязь индивида и общества, в которой общество понимается как процесс непрерывного конструирования значений и символов, лежащих в основе человеческой деятельности, обыденного и научного знания¹⁷⁹. Идею социального конструирования реальности разработали видные социологи XX века П. Бергер и Т. Лукман. Социальное конструирование рассматривается ими как процесс создания структур, в которых опредмечивается в материальном и идеальном воплощении социальный порядок. В своем трактате авторы говорят: «Теперь язык конструирует грандиозные системы символических представлений, которые возвышаются над реальностью повседневной жизни подобно явлениям из иного мира. Религия, философия, искусство, наука – наиболее важные системы такого рода. Назвать их – значит уже сказать, что, несмотря на их максимальную оторванность от повседневного опыта, конструирование этих систем требует, чтобы они представляли огромную важность для реальности повседневной жизни. Язык может не только конструировать крайне абстрагированные от повседневного опыта символы, но и "превращать" их в объективно существующие элементы повседневной жизни»¹⁸⁰.

В свете сказанного под конструирующим воздействием языка в широком смысле представляется правомерным понимать всякое воздействие языка, ведущее к «вызыванию» к жизни новых социокультурных реалий. При таком определении это даже не отдельная функция, а, как было показано выше, группа функций, к которой в той или иной степени принадлежат фатическая, регулятивная, аксиологическая, эстетическая, мыслеформирующая, омадательная, социальные функции – все они связаны с созданием языковыми средствами объектов, процессов, качеств, не существовавших до этого. Конструирующие функции в этом смысле противопоставляются

¹⁷⁹ Словарь Академик. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1617/Конструирование> (дата обращения: 26.05.2016).

¹⁸⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С.71.

репрезентирующей группе функций, основным содержанием которых является отображение уже существующих реалий (к этой группе принадлежат номинативная, коммуникативная, эмоционально-экспрессивная, метаязыковая и познавательная функции).

Если же локализовать конструирующую функцию языка, рассматривая её как отдельную, то её содержанием представляется основной принцип конструирующей деятельности – формирование «несущих» оснований конструируемых феноменов, в первую очередь – организационных принципов, определяющих их функционирование. Конструирующая функция языка в таком более узком смысле – это создание языковыми средствами имманентных структур организации индивидуального мышления, общественного сознания, национальной культуры¹⁸¹. Возможно, для четкости обозначения следует обозначить её отдельным термином – как *конструктивную* функцию.

Конструктивная функция языка является ключевой в условиях развития транзитивной культуры, поскольку значительную часть её содержания составляет процесс формирования новых социокультурных реалий. Для того, чтобы они обретали необходимую устойчивость, необходимо формирование внутренней логики, на основе которой они могут далее функционировать. Нахождение адекватных языковых средств, фиксирующих «логические узлы» новых организационных принципов (например, обозначение российской политической системы как «суверенной демократии»), является важным компонентом формирования новой реальности.

Таким образом, мы можем заключить, что в транзитивной культуре наблюдается тенденция к перераспределению значимости между двумя

¹⁸¹ Мартишина Н.И. Конструирующая функция языка и коммуникативная реальность // Вторые Манякинские чтения: Уникальный туристско-рекреационный потенциал «Московско-Сибирский тракт» («Золотое кольцо Прииртышья») как элемент устойчивого развития региона: Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, преподавателей, теоретиков и практиков. 4 – 5 апреля 2013 г. Омск: Издатель ИП Пермяков С. А., 2013. С. 373 – 378.

группами функций, от репрезентирующих к конструирующим. Во-первых, реализация ряда репрезентирующих функций усложняется новыми социокультурными обстоятельствами, в то время как конструирующие функции становятся всё более востребованными. Во-вторых, содержательное наполнение многих репрезентирующих функций меняется, в их составе появляется заметный конструктивный компонент. В транзитивной культуре язык всё больше превращается в инструмент программируемых социальными субъектами изменений.

Краткие выводы по главе 2

Базовое содержание понятия транзитивности заключается в переходности, преобразовании общества и культуры. Данная идея является универсальной в философии культуры: варьируя её трактовку, её содержат как формационные, так и цивилизационные философские концепции. Поэтому для концептуального использования необходимо уточнение понятия транзитивного состояния культуры. В данной главе был предложен следующий способ последовательного ограничения его содержания.

Во-первых, транзитивные эпохи в развитии культуры охватывают не все моменты её развития, а представляют собой те «стыки» истории культуры, в которых происходит смена культурно-исторических этапов. Это переломные моменты, лежащие вне закономерностей какого-либо определённого этапа в развитии культуры; их содержанием является переход от одного этапа к другому, в связи с чем одновременно действуют нормы и организационные принципы различных периодов.

Следующее ограничение заключается в определении транзитивности как состояния культуры, не просто пребывающей, а задерживающейся в переходной фазе между двумя этапами. С этой точки зрения о транзитивном состоянии можно говорить, если в течение определённого исторического времени в культуре не происходит однозначный переход к одному из

состояний. Понятие транзитивности связывается не с промежуточной фазой как таковой, а с *затягивающейся* промежуточной фазой.

Если в этом случае возникает относительно устойчивый вариант переплетения характеристик и организационных форм из различных периодов, то стабилизируется само состояние промежуточности, переходности, неполной определённости. Своеобразный набор культурных норм и ценностей, присущих различным эпохам, от архаичных до уходящей и наступающей, обладающий определённой полнотой и относительной достаточностью и имеющий тенденцию к воспроизводству, составляет *транзитивную культуру*. Это самое узкое понятие и, на наш взгляд, оно всё в большей степени оказывается применимым к современной российской культуре.

Одной из значимых черт транзитивной культуры является активная трансформация языка. Связь между изменениями в языке и изменениями в культуре может быть выявлена на нескольких уровнях. Тенденции транзитивного состояния культуры инициируют определённые языковые процессы; с другой стороны, новые языковые явления способствуют распространению и закреплению культурных изменений, выступают их катализатором. Поэтому изучение тенденций в развитии языка способствует обнаружению трендов культурной динамики, выступая своеобразным ключом к пониманию последней.

В современной российской культуре может быть установлена взаимосвязь между следующими языковыми и культурными процессами:

1) Характерное для культуры транзитивного периода принципиально усиление процессов межкультурного влияния и повышение восприимчивости культуры к внешним воздействиям на языковом уровне проявляется в «обвальном» проникновении в русский язык заимствованной лексики, а также других иноязычных характеристик, например, темпоритма речи. Особенностью транзитивной культуры является избыточность этого процесса: заимствованные языковые средства отчасти дублируют

имеющиеся, выступая не столько средством обозначения новых объектов и явлений, сколько инструментом придания им измененных социокультурных смыслов.

2) Тенденция транзитивной культуры к дроблению социума на локальные группы, сообщества, воспринимающие и позиционирующие себя в качестве самостоятельных социальных субъектов, поддерживается тенденцией к созданию и акцентировке собственных языковых средств (региональных, профессиональных, возрастных). Потребность в локальной интеграции сообществ, восполняющей в условиях транзитивной культуры недостаток универсальных интеграционных ресурсов, закономерно ведёт к искусственному усилению такой лексики, акцентировке ценностного характера выбора языковых средств.

3) Тенденция к перемешиванию в условиях транзитивного состояния традиционно относительно изолированных друг от друга социальных групп и слоев, растущая маргинализация общества приводит к взаимопроникновению и смешению соответствующих языковых практик, сопровождающееся размыванием нормативных языковых требований.

4) Динамика противоборства в системе властных отношениях, конкурентность, возникающая в транзитивной культуре в отсутствие стабильной системы распределения власти, превращает язык в инструмент этого противоборства, что ведёт к усилению его манипулятивного использования.

5) Соскальзывание транзитивной культуры, в поисках собственных устойчивых оснований, к архаичным формам определяет возрождение мифологических способов оформления представлений о мире.

Указанные тенденции определяют модификацию всех основных функций языка в культуре. Номинативная функция меняет свое содержание в соответствии с переопределением понятия реальности, которое в транзитивной культуре становится предельно вариативным. Коммуникативная функция принципиально усложняется в связи с

усложнением целей коммуникации. Познавательная функция проблематизируется идеей частичности, относительности, принципиальной неполноты и заменяемости всякого знания. В рамках метаязыковой функции приобретает особую важность аспект, связанный с обеспечением межкультурной коммуникации. Возрастает значимость эмоционально-экспрессивной функции, поскольку многие объекты, ранее воспринимавшиеся нейтрально, в условиях транзита оказываются эмоционально нагруженными. Усложняется реализация контактоустанавливающей функции, в связи с многоплановостью и – зачастую – амбивалентностью норм социального взаимодействия. Всё более целенаправленно используемыми, вплоть до явных манипуляций, становятся регулятивная, аксиологическая, эстетическая, мыслеформирующая, социальные функции. Ключевой становится ранее периферийная конструктивная функция языка.

В целом происходит перераспределение значимости между двумя основными группами функций языка, от репрезентирующих функций в пользу конструирующих. Реализация репрезентирующих функций усложняется новыми социокультурными обстоятельствами, в то время как конструирующие функции становятся всё более востребованными. Содержательное наполнение многих репрезентирующих функций меняется в направлении формирования конструктивной составляющей в их составе. В транзитивной культуре язык всё больше превращается в инструмент программируемых социальными субъектами изменений.

Заключение

Русский язык – основа нашей национальной культуры, основание нашего социокультурного бытия. Поэтому процессы, происходящие в языке, требуют не только конкретно-научного, но и философского осмысления. Выделение функций языка и изучение изменений их содержательного наполнения, сравнительной значимости, способов реализации позволяет осуществлять предметный философский анализ функционирования языка в культуре.

В классической философии язык изучался прежде всего как оболочка мышления, дающая возможность закрепления и трансляции его результатов. В качестве первичных функций языка рассматривались коммуникативная функция, состоящая в том, что язык служит средством передачи информации, и когнитивная функция языка, связанная с его ролью в приобретении и сохранении информации. Но уже в классической философии был намечен также более широкий взгляд на язык, с точки зрения которого социальные и культурные процессы не только отображаются и обсуждаются в языке, но и осуществляются в нём, а иногда даже им задаются. Для неклассической же философии представление о том, что функции языка не сводятся к инструментальной роли средства отражения реальности и выражения знания, выступает базовой идеей, отправной точкой исследований. Философия XX в. уделяет преимущественное внимание функциям языка, связанным с воздействием на слушателя и трансформацией реальности. Проявления «магической» роли языка наиболее ярко обнаруживаются в политической практике, идеологии, рекламе, деятельности СМИ. Обратной стороной реализации формирующего воздействия языка выступает языковое манипулирование, которое может быть определено как использование особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого, не осознаваемого адресатом воздействия на него в нужном для говорящего направлении.

Таким образом, ключевым пунктом в философском осмыслении языка является разграничение двух основных направлений функционирования языка – *выражение* в языке уже существующих внеязыковых связей, соотношений, эмоций и оценок, и *создание* новых сущностей и смыслов посредством языка, вызывание изменений в адресате сообщения и в реальности. Эти стороны были обозначены в работе как репрезентирующая и конструирующая (формирующая) группы функций языка, что позволило систематизировать набор функций, отнеся к первой группе номинативную, коммуникативную, эмоционально-экспрессивную, метаязыковую и познавательную, а ко второй группе – фатическую, регулятивную, аксиологическую, эстетическую, мыслеформирующую, омадательную и социальные функции языка.

Предложенная систематизация дала возможность оценить трансформацию функций языка в современной российской культуре. Её текущее состояние было определено как транзитивное – российская культура уже в течение достаточно длительного времени находится в переходном между двумя историческими фазами состояния, и происходящие в ней параллельно друг с другом процессы воспроизводства культурных норм и ценностей, присущих прежней эпохе, утверждения культурных норм и ценностей наступающей фазы развития культуры, возрождения традиционных для данной культуры норм и ценностей, в том числе архаичных, привели к формированию определённой системы сосуществования и переплетения этих разнородных норм и ценностей, обладающих собственной устойчивостью. Поэтому можно говорить о некоторых самостоятельных тенденциях в развитии культуры, образующих в совокупности транзитивное состояние и обнаруживающихся едва ли не наиболее отчетливо в языковых процессах.

Связь между изменениями в языке и изменениями в культуре проявляется на нескольких уровнях. Тенденции транзитивного состояния культуры инициируют определённые языковые процессы; с другой стороны,

новые языковые явления способствуют распространению и закреплению культурных изменений. Поэтому изучение тенденций в развитии языка открывает возможности для содержательного исследования общих направлений развития культуры. А структурирование анализа с ориентацией на выделенные функции языка позволяет обнаруживать языковые тенденции достаточно точно.

В работе были обнаружены и зафиксированы связи между усилением внешних влияний на развитие российской культуры и избыточным заимствованием иноязычной лексики; дроблением социума на локальные сообщества и монополизацией этими сообществами некоторых языковых средств; перемешиванием традиционно разделявшихся социальных групп и взаимопроникновением специфических языковых практик; конкуренцией между социальными группами и усилением манипулятивного использования языка; соскальзыванием культуры к архаичным формам в поисках идентичности и ремифологизацией языка. Удалось показать, что все основные функции языка переопределяются в транзитивной культуре, и происходит общий сдвиг от репрезентирующих к конструирующим функциям. В результате целый ряд тенденций в развитии современного русского языка, которые чаще всего оцениваются как отступления от языковых норм, требующие коррекции в рамках просветительской деятельности, на самом деле имеют глубинные основания в динамике транзитивной культуры и при сохранении этого состояния могут превратиться в новые языковые нормы.

Необходимым условием устойчивого развития российской культуры является выработка в ближайшей перспективе социальных программ, которые могут служить универсальными целями социокультурных преобразований. Одной из важных составляющих этого процесса должно стать формирование языковых средств, адекватно репрезентирующих эти программы. Наблюдаемые языковые процессы, даже на уровне частных проявлений, могут служить индикаторами происходящих социокультурных

перемен. Поэтому перспектива развития данного исследования нам видится в первую очередь в наблюдении за дальнейшей трансформацией реализации каждой функции из выделенного нами спектра. Существенные изменения даже в отношении некоторых из них по сравнению с зафиксированными тенденциями могут послужить признаками состоявшегося перехода культуры в новую фазу развития.

В рамках нашего исследования мы стремились показать взаимный характер влияния языковых и культурных процессов: будучи детерминированными вторыми, первые в то же время поддерживают и углубляют их. Поэтому целенаправленная работа в языковой сфере, установление, возможно, трансформированных, но более определенных, чем в настоящее время, языковых норм, поддержка языковых традиций является относительно самостоятельным ресурсом преодоления кризисных явлений в культуре. Практическое приложение данного исследования может состоять в том числе и в определении возможных гуманитарно-ориентированных и культурно значимых направлений социально-управляющего воздействия на функционирование и развитие современного русского языка. В мониторинге происходящих с языком изменений и в определении перспективных форм его защиты мы также видим возможности продолжения исследования.

Список литературы

1. Августин Блаженный. Исповедь. – М.: Дар, 2007. – 488 с.
2. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
3. Агранович, В. Б. Инновации в транзитивном обществе: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / В. Б. Агранович. – Томск [б.и.], 2007. – 147 с.
4. Ануфриев, С. И. Педагогико-антропологические основания конструирования и самоконструирования человека/ С. И. Ануфриев // Конструирование человека: Сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием. Т. 1. Ч. 1. – Томск: Изд-во ТГПУ. – 2008. – С. 174 – 177.
5. Аристотель. Политика / Аристотель // Сочинения. В 4-х тт. Т.4. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
6. Аронсон, О. Конфликты и сообщества (о политической функции в высказывании) / О. Аронсон // Язык и этнический конфликт / Под. ред. М.Б. Олкотта и И.Семеновой. – М.: Гендальф. – 2001. – С.54.
7. Арутюнова, Н.Д. Функции языка / Н.Д. Арутюнова // Русский язык. Энциклопедия; гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, Дрофа. – 1997. – С. 609-611.
8. Барт, Р. Мифологии. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. – 312 с.
9. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Московский философский фонд «Academia-Центр» «МЕДИУМ», 1995. – 217 с.
10. Бердяев, Н. А. О рабстве и свободе человека (Опыт персоналистической метафизики). – Париж: YMCA-Press, 1939. – 224 с.

11. Бердяев, Н. А. Человек и машина: Проблема социологии и метафизики техники / Н. А. Бердяев // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 147-162.
12. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. – М.: Лениздат, 1992. – 400 с.
13. Бородитски, Л. Как язык формирует мышление / Л. Бородитски // В мире науки. – 2011. – № 5. – С. 15-18.
14. Брудный, А. Психологическая герменевтика: учеб. Пособие. – М.: Лабиринт, 1998. – 336 с.
15. Бэкон, Ф. Новый Органон / Ф. Бэкон // Сочинения. В 2-х тт. Т. 2. – М.: Мысль. – 1978. – С. 5 - 214.
16. Бэкон, Ф. О мудрости древних / Ф. Бэкон // Сочинения. В 2-х тт. Т. 2. – М.: Мысль. – 1978. – С. 231 - 300.
17. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 1993. – 504 с.
18. Вайль, П., Генис, А. Советское барокко / П. Вайль, А. Генис // Собр.соч. в 2-х тт. Т. 2. – Екатеринбург: У-Фактория. – 2003. – С. 417-429.
19. Вандриес, Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес. Пер с фр. примеч. П. С. Кузнецова под ред. и с предисл. Р. О. Шор. Госуд. социальн-экономич. изд-во. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 410 с.
20. Васильева, Т. В. Путь к Платону: Любовь к мудрости или мудрость любви. – М.: Логос; Прогресс-Традиция, 1999. – 208 с.
21. Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 536 с.
22. Ветров, С.А. Жажда идеологии: Монография. – Омск: Омский гос. ун-т путей сообщения, 2002. – 207 с.
23. Вико, Д. Основания новой науки об общей природе наций. – Киев: Из-во REFL-book, Москва: Ирис. 1994. – 271 с.
24. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн // Философские работы. Ч. 1. – М.: Гнозис. – 1994. – 612 с.

25. Владимирова, И. Г. Глобализация мировой экономики: проблемы и последствия [Электронный ресурс]./ И. Г. Владимирова // Менеджмент в России и за рубежом. –2001. – № 3. – Режим доступа: <http://www.cfin.ru/press/management/2001-3/10.shtml>.
26. Гадамер, Х.-Г. Текст и интерпретация. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000037/st001.shtml>.
27. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по истории философии. – СПб.: Наука, 1993. – 350 с.
28. Гесиод. Полное собрание текстов. / Перевод фрагментов О. П. Цыбенко, вступ. ст. В. Н. Ярхо, комм. О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. (Серия «Античное наследие»). – М.: Лабиринт, 2001. – 256 с.
29. Гоббс, Т. Левиафан // Т. Гоббс Избранные произведения В 2-х тт. Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.
30. Гоббс, Т. О теле // Гоббс Т. Избранные произведения В 2-х тт. Т. 1. – М.: Мысль, 1991. – С. 66 - 218.
31. Голосовкер, Я.Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1987. – 217 с.
32. Горан, В. П. Предметная специфика и функции философии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. – 52 с.
33. Граудина, Л. К. Семантические преобразования языковых единиц в пограничных зонах литературного языка / Л. К. Граудина // Русские языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 33-47.
34. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
35. Давыдова, М.Л., Филимонова, Н.Ю. Юридический жаргон как средство профессиональной коммуникации юристов / МЛ. Давыдова, Н.Ю. Филимонова II Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. / Под ред. М.В. Антонова, ИЛ. Честнова; предисл. Д.И

Луковской, Е. В. Тимошиной. – СПб.: ООО Издательский Дом Алеф-Пресс, 2014. Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права. – С. 512-523.

36. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Составление и комментарии Ю.А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.

37. Данилов, А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации. – Минск: Университетское, 1997. – 429 с.

38. Дебор, Ги. Общество спектакля. Пер. с фр. / Перевод С. Офертаса и М. Якубович. – М.: Логос, 1999. – 224 с.

39. Декарт, Р. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1950. 712 с.

40. Демократия – на свой лад? // Аргументы и факты. – 2016. – № 3 (1836). – С. 2.

41. Докучаев, Д.С., Назукина, М.В. «Элитарный» регионализм в России: проблема взаимоотношений власти и интеллигенции (на материале Пермского края и Ивановской области) / Д.С. Докучаев, М.В. Назукина // Интеллигенция в современном обществе. – 2013. – С. 18-33.

42. Донских, О. А. Где изысканность русской медлительной речи? / О. А. Донских // Высшее образование в России. – 2013. – № 10. – С. 69 - 77.

43. Дронсейка, Р. П. Интернационализация лексики русского литературного языка начала XXI века / Р. П. Дронсейка // Вестник ОмГПУ: Гуманитарные исследования. – 2015. – № 2 (6). – С. 35-37.

44. Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: Автореф. дисс. д-ра филол. наук: 10.02.19 / М. Р. Желтухина. – М., 2004. – 47 с.

45. История языкознания в текстах и лицах: учебное пособие / Н.Н. Лыкова. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 192 с.

46. Кант, И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / И. Кант // Соч.: В 6 т. Т.6. – М.: Мысль, 1966. – С. 5-24.

47. Кант, И. Критика чистого разума. – Спб.: ИКА «Тайм-аут», 1993. – 477 с.
48. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2009. – 864 с.
49. Касавин, И.Т. Размышления о магии, её природе и судьбе / И.Т. Касавин // Магический кристалл: Магия глазами учёных и чародеев. – М.: Республика, 1992. – С. 6-29.
50. Кассирер, Э. Техника политических мифов / Э. Кассирер // Октябрь. – М., 1993. – № 7. – С. 153-164.
51. Келле, В. Ж. Процессы глобализации и динамика культуры / В. Ж. Келле // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 1. – С. 69-70.
52. Клушина, Н. И. Особенности публицистического стиля / Н. И. Клушина // Язык средств массовой информации / Под ред. М. Н. Володиной. – М.: Альма Матер. – 2008. – С. 456-482.
53. Клюканов, И.Э. Динамика межкультурного общения. Системно-семиотическое исследование. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. – 99 с.
54. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
55. Кондорсе, Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. – М.: Книжный дом Либроком, 2010. – 240 с.
56. Кронгауз, М. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Знак, 2007. – 232 с.
57. Крысин, Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – М. – 1996. – С.142 – 185.
58. Ксензенко, О.А., Александрова, О.В., Володина, М.Н., Волков, А.А., Демьянков, В.З. Язык средств массовой информации. – М.: Альма Матер, 2008. – 760 с.
59. Купина, Н. А. Идеологема «иностранный агент: три дня в августе 2012 г. / Н. А. Купина // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3 (41). – С. 43-49.

60. Купина, Н.А. Мужская речь уральской традиции и русский тип / Н.А. Купина // Филология и журналистика в контексте культуры. – Ростов-на-Дону: Флинта. – 1998. – С. 5-9.
61. Лейбниц, Г. История идеи универсальной характеристики / Г. Лейбниц // Сочинения в 4-х тт. Т. 3. – М.: Мысль, 1984. – С. 412-418.
62. Лосев, А.Ф. Вещь и имя. Самое само. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. – 575 с.
63. Макеева, Е. Учение о языке как символическом феномене в эстетике В. Соловьева и П. Флоренского [Электронный ресурс] / Макеева Е. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Makeeva/>.
64. Макиавелли, Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 576 с.
65. Маркс, К. К критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. Т.13. – С. 6-8.
66. Мартишина, Н.И. Конструирующая функция языка и коммуникативная реальность / Н.И. Мартишина // Вторые Манякинские чтения: Уникальный туристско-рекреационный потенциал «Московско-Сибирский тракт» («Золотое кольцо Прииртышья») как элемент устойчивого развития региона: Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, преподавателей, теоретиков и практиков. 4 – 5 апреля 2013 г. – Омск: Издатель ИП Пермяков С. А. – 2013. – С. 373 - 378.
67. Мартишина, Н.И. Конструктивистская исследовательская программа в социально-гуманитарном знании / Н.И. Мартишина // Вестник ОмГПУ: Гуманитарные исследования. – Омск. – 2015. – № 2 (6). – С. 19 - 23.
68. Мартишина, Н. И. Реальность и её конструирование. – Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2009. – 171 с.
69. Мартишина, Н. И. Технический тип мышления и специфика гуманитарной подготовки в техническом вузе / Н.И. Мартишина //

Гуманитарное образование в информационном обществе: Материалы науч. – практ. конф. / Мин-во образования РФ. – Екатеринбург. – 2003. – С. 159 – 163.

70. Мартишина, Н. И. Экзистенциальная критика науки в философии: основания и направленность / Н.И. Мартишина // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Вып. 27. – Новосибирск: Изд-во СГУПС. – 2012. – С. 31 - 40.

71. Международный кодекс рекламной практики Международной торговой палаты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.advertology.ru>.

72. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 407 с.

73. Миграции в трансформирующемся обществе: аннотированный библиографический указатель литературы, изданной в странах СНГ 1992–1999 гг. / Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ; Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии; Л. Арутюнин и др.; отв. ред. Ж. Зайончковская. – М.: Комплекс-Прогресс, 2000. – 520 с.

74. Никонова, М. Н. Антропологизация техницизмов в современном русском языке: К проблеме образа человека в русской языковой картине мира: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / М. Н. Никонова. – Омск: ОмГУ [б.и.], 2004. – 186 с.

75. Никонова, М. Н. Метафора технической сферы в контекстах экспрессивной характеристики человека (к проблеме образа человека в русской языковой картине мира / М. Н. Никонова // Материалы XI Международной конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. – Новосибирск: Изд-во НГУ. – 2003. – С. 54 - 55.

76. Никонова, М. Н. Техницизмы в современном русском языке: ТГ, динамика, функции / М. Н. Никонова // Язык. Время. Личность: Материалы Международной конференции / Под ред. Л. О. Бутаковой. – Омск: ОмГУ. – 2002. – С. 62 – 67.

77. Новая философская энциклопедия. В 4-х т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1-4.– М.: Мысль, 2010. – 2816 с.
78. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 928 с.
79. Окушова, Г.А. Человек образованный: о ценностных основаниях отечественной педагогики / Г.А. Окушова // Вестник ТГПУ. – 2009. – Выпуск 8 (86). – С.11- 13.
80. Омеличкин, О. В. Электронная демократия: понятие, проблемы / О. В. Омеличкин // Вестник КемГУ. – 2014. – № 1 (57). Т. 2. – С. 86-89.
81. Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства и другие работы. – М.: Радуга, 1991. – 646 с.
82. Остин, Джон Лангшо. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М.– 1986. – С. 22-130.
83. Павленис, Р. Проблема смысла: Язык, смысл, понимание. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
84. Пассов, Е.И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования. «Развитие индивидуальности в диалоге культур». – М.: Просвещение, 2000. – 159 с.
85. Петров, Д., Борейко, В. Магия слова: Диалог о языке и языках. – М.: Прозаик, 2013. – 205 с.
86. Пивоев, В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 111 с.
87. Платон. Кратил / Платон // Собрание сочинений. В 4-х тт. Т. 1. – М.: Мысль. – 1990. – С. 613 - 681.
88. Поппер, К. Открытое общество и его враги. – М.: Феникс, 1992. – 448 с.
89. Потеня, А.А. Полное собрание трудов: Символ и миф в народной культуре. – М.: Лабиринт, 2000. – 480 с.

90. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.
91. Рукомойникова, Е. Р. Проблема научной реальности: автореферат дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Е. Г. Рукомойникова. – СПб.: СПбГУ [б.и.], 2011. – 22 с.
92. Рядчикова, Е.Н. Функции фатической речи в художественном тексте и разговорной речи / Е.Н. Рядчикова // Форма, значение и функции единиц языка и речи: материалы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 16-17 мая 2002 г.: в 3 ч. Ч. 2. – Минск. – 2002. – С. 192-194.
93. Семенова, М. Братья. Книга 1. Тайный воин. – СПб.: Изд-во Азбука, 2015. – 608 с.
94. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Под ред. А.И. Кибрика. – М., 1993. – 656 с.
95. Сергеев, К.А., Слинин, А.Я. «Феноменология духа» Гегеля как наука об опыте сознания / К.А. Сергеев, А.Я. Слинин // Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – СПб.: Наука. – 1992. –С. V – XLVII.
96. Серль, Дж.Р., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж.Р. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс. Вып. XVIII, 1986. – С. 242-263.
97. Словарь Академик. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1617/конструирование>.
98. Советский энциклопедический словарь. Под ред. Прохорова А.М. – М., 1984. – 1600 с.
99. Соколов, А. В. Общая теория социальной коммуникации. Учебное пособие. – СПб.: Изд- во Михайлова В. А., 2002. – 461 с.
100. Солженицын, А. И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918 – 1956: Опыт художественного исследования. Ч. III –IV. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 549 с.
101. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

102. Тер-Минасова, С.Г. Языки и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова // Учебное пособие. – М.: Слово. – 2000. – 624 с.
103. Тойнби, А. Дж. Постижение истории. – М.: Айрис Пресс, 2002. – 665 с.
104. Тюгашев, Е.А. Философия и право в транзитивном обществе: гендерная перспектива / Е.А. Тюгашев // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. – Новосибирск: Изд-во НГУ. – 2001. – С. 15-18.
105. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – М. – 1960. – Вып. 1. – 464 с.
106. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.
107. Федотова, М.Г. Модели означивания социальной информации в транзитивном обществе: Монография. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2012. – 125 с.
108. Федотова, М.Г. Транзитивное общество: новые смыслы переходности / М.Г. Федотова // Аспирантский вестник Поволжья. – 2010. – № 1 – 2. С. 86-90.
109. Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy.
110. Фонд «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fom.ru>.
111. Фромм, Э. Здоровое общество / Перевод Т. В. Банкетовой. – Москва: Аст, Хранитель, 2006. – 539 с.
112. Хайдеггер, М. Вопрос о технике / Хайдеггер М. // Время и бытие. – М.: Республика. – 1993. – С. 221 - 237.
113. Что такое глобализация? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.univer.omsk.ru/omsk/socstuds/glob/index.html>.
114. Шаповалов, В. Ф. Основы философии современности: к итогам XX века: Курс лекций. – М.: Флинта: Наука, 1998. – 272 с.
115. Шаров, А. С. Психология культуры, образования и развития человека. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2013. – 300 с.

116. Шаталова, Ю. Н. Общественно-политическая жизнь в зеркале словотворчества / Ю. Н. Шаталова // Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: материалы междунар. науч. семинара (Белгород, НИУ «БелГУ», 2-3 апр. 2014 г. – Белгород. – 2014. – С.174 - 176.
117. Шатин, Ю. Спасать русский язык не надо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://www.nsk.aif.ru/culture/culture_art/110720.
118. Шендрик, А. И. Глобализация в системе культурологических координат (начало) / А. И. Шендрик // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1. – С. 59-71.
119. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием. – М.: Мысль, 1980. – 325 с.
120. Шопенко, А. Д. Социальные риски транзитивного общества: дис. ... д-ра соц. наук: 22.00.03 / А. Д.Шопенко. – СПб.: С-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов [б.и.], 2011. –420 с.
121. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – М.: Мысль, 1993. – 666 с.
122. Юдин. Б. Г. От утопии к науке: конструирование человека / Б. Г. Юдин // Многомерный образ человека: На пути к созданию единой науки о человеке. – М.: Прогресс-Традиция. – 2007. – С. 8 -31.
123. Юревич, А. В. Наука при медиакратии / А. В. Юревич // Наукоеведение. –2002. – № 1. – С. 69 - 85.
124. Якобсон, Р., Лингвистика и поэтика, в кн.: Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – 469 с.
125. 12 ведущих философов современности / Под ред. К. Бэлшоу, Г. Кэмпа. – М.: АСТ, 2014. – 414 с.
126. Adorno, T.W., Horkheimer, M. Dialektik der Aufklärung. Fischer-TB.-Vlg.,Ffm. Erscheinungsdatum, 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kimfoerster.com/files/foersterdie-netzwerke-des-peter-eisenmans.pdf> .

127. Allan, K. Linguistic meaning. London, New York: Routledge & Kegan Paul, 1986. P.86; Burrige K. Political correctness: euphemism with attitude / K.Allan // English Today 1996. Vol.12, No.3. – Pp.42-49.
128. Allwood, J., Gardenfors, P. Cognitive Semantics: Meaning and Cognition. – Benjamins, John Publishing Company, 1999. – 201 p.
129. Andrew, R. Sadock, Conscious Relationship. – Wisdom Moon Publishing, 2013. – 74 p.
130. Austin, J.L. How To Do Things With Words. – Oxford. Clarendon Press, 1962. – 192 p.
131. Berns, M. Didactic and Pragmatic Approaches To English Language Teaching. Assumptions / M. Berns // English Unites the World. Proceedings of the International Conference. – Saratov: Saratov University Press, 2002. – P.8.
132. Burke, K. Language as symbolic action: Essays on life, literature, and method. – Berkeley: University of California Press, 1966. – 514 p.
133. Castells, M. The rise of the network society/ M. Castells // Castells M. The information age: Economy, society & culture. – Cambridge (MA): Blackwell. – 1996. Vol. 1. – 594 p.
134. Dressler, W. U. Word-formation in Natural Morphology in Studies in Natural Language and Linguistic Theory. Handbook of Word-formation. Edited by P. ŠTEKAUER and R. LIEBER. Springer 2005.
135. Ferguson, Charles A. Sociolinguistic Perspectives: papers on language in society, 1959-1994.–Oxford University Press US, 1968. – 360 p.
136. Graddol, D. English On Decline For World Youth [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk.britain/article>.
137. Hagendijk, R., Meeus, J. Blind faith: Fact, fiction and fraud in public controversies over science / R. Hagendijk, J. Meeus // Public understanding of science. – L., 1993. Vol. 2, N 4. – Pp. 391–415.
138. Jakobson, R. Closing Statement: Linguistics and Poetics / R. Jakobson // Style in Language (ed. Thomas Sebeok). – New York: MIT Press. – 1960. – Pp. 350-358.

139. Krings, B. The sociological perspective on the knowledge-based society: Assumptions, facts and visions / B. Krings // *Enterprise & work innovation studies*. – Monte de Caparica. – 2006. – № 2. – Pp. 9–20.
140. *Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf*. – MIT Press, 1956. – 276 p.
141. Nord, C. So treu wie möglich?: Die linguistische Markierung kommunikativer Funktionen und ihre Bedeutung für die Übersetzung literarischer Texte / C. Nord // *Linguistik und Literaturübersetzen*. – T.: Narr, 1997.
142. Online Etymology Dictionary = OEL. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com>.
143. Oxford Advanced Learner's Dictionary online. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.
144. Quine, W.V.O. *Word and object*. – MIT Press, 1960. – 294 p.
145. Rule, J.B., Besen, Y. *The once and future information society* / J.B. Rule, Y. Besen // *Theory & society*. – Dordrecht. – 2008. – Vol. 37, N 4. – Pp. 317–342.
146. Russell, B. *Human Knowledge. Its Scope and Limits*. – London and New York, 2009. – 447 p.
147. Russell. B. *The Principles of Mathematics*. – New York, London. W.W. Norton and Company, 1996. – 266 p.
148. Searle, J. *Speech Acts*. – Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
149. Searle, J.R. *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. – Cambridge, 1983. P. VII. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.yanko.lib.ru/books/philosoph/searle>.
150. Stehr, N. *Arbeit, Eigentum und Wissen: Zur Theorie von Wissensgesellschaften*. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1994. – 278 S.
151. Stewart, W. A. *A Sociolinguistic Typology for Describing National Multilingualism* / W. A. Stewart // *Readings in the Sociology of Language*, ed. J. A. Fishman, Mouton. – The Hague. – 1968.
152. Stiglitz, J. *Globalization and its Discontents*. – London, 2002. – 282 p.

153. Strawson, P. F. *Analysis and Metaphysics: An Introduction to Philosophy*. – N. Y.: OUP, 1992. – 144 p.
154. Strawson, P. F. *The Bounds of Sense*. – L., 1966. – 296 p.
155. Strawson, P. F. *Logico-Linguistic Papers*. – L., 1971. – 121 p.
156. Strawson, P. F. *Subject and Predicate in Logic and Grammar*. – L., 1974. – 144 p.
157. Strawson, P. F. *Analysis and Metaphysics*. – Oxf., 1992. – 152 p.